Автономное плавание

Виктор Александрович Устьянцев

SHOUT
SHARE
IT

- Устьянцев Виктор Александрович

Устьянцев Виктор Александрович Автономное плавание

Устьянцев Виктор Александрович
Автономное плавание

Аннотация издательства: Имя писателя, военного моряка, лауреата премии им. А. Фадеева и Министерства обороны СССР П. Устьянцева хорошо известно книгами "Крутая волна". "Почему море соленое", "Только один рейс", "Океан не спит" и другими, отмеченными знанием морской жизни, психологии моряков. В романе "Автономное плавание" показан качественно новый советский атомный флот, рассказывается о военных моряках-подводннках, об их верности Родине и патриотическом служении ей.

Содержание

Часть первая
1 - 5
6 - 10
11 - 15
16 - 20
21 - 23
Часть вторая
1 - 5
6 - 10
11 - 15
16 - 20
Словарик морских терминов, встречающихся в книге

Часть первая

1

Состав подали рано, до отправления поезда оставалось более часа, в вагоне было еще пусто. Отыскав свое купе, Матвей забросил чемодан на багажную полку и опустил окно. В купе хлынул сырой холодный воздух, но и он, кажется, тоже был пропитан запахами угольной гари и карболки. Матвей закрыл окно и вышел на перрон.

Пожилой проводник, протиравший поручни, окинув Матвея быстрым взглядом и сразу угадав в нем, видимо по новенькой офицерской форме, только что окончившего училище лейтенанта, спросил:

- В отпуск или уже?

Под этим "уже" он, конечно, подразумевал место службы, и Матвей в тон ему коротко ответил:

- Уже.

- Понятно.

Наверное, проводник вспомнил бы свою службу на корабле, - а судя по ленточке медали Ушакова, он служил на флоте, - но тут подошли сразу двое пассажиров, и проводник, засунув тряпку за откидное сиденье, стал проверять их билеты.

Поезд, стоявший у соседней платформы, отходил на полчаса раньше и возле него уже началась обычная предотъездная суета. Носильщики, гремя тележками, покрикивали, как боцманы на палубе: "Полундра!" Ленинград есть Ленинград, здесь все так или иначе связано с морем, и флотская терминология стала привычной.

У двери уже образовалась очередь, ехали, в основном, офицеры с женами и детьми - вагон был воинский.

Матвей скользил взглядом по лицам, думая только об одном: "Придет или не придет?" Еще полтора часа назад, когда он позвонил Соне и сказал, что уезжает, он совсем не хотел, чтобы она пришла на вокзал. Но позвонить надо было, и он оттягивал это до самого последнего момента. Соня, кажется, не удивилась, но и не обрадовалась звонку, спросила равнодушно: "Да? Когда?" Спросила так, как спрашивают из вежливости, не интересуясь даже ответом.

Но он назвал и номер поезда и номер вагона, сказал, когда отправление. Может быть, она и не запомнила, потому что сказала только: "Ну что же, счастливого пути!" И, вздохнув, тотчас положила трубку...

А Матвей все-таки надеялся, что Соня придет. Он поймал себя на том, что несколько раз нетерпеливо поглядывал на часы.

От соседней платформы поезд уже отошел. Подали новый состав, к нему от вокзала потянулись первые пассажиры. Они не торопились, у них в запасе еще много времени.

- Садись, лейтенант, а то отстанешь, - сказал проводник. Он накинул на подножку железную крышку, видимо, все пассажиры уже сели, возле окон жестикулировали только провожающие.

До отхода поезда оставалось всего три минуты. Матвей пристально вглядывался в запрудившую перрон толпу, надеясь, что вот-вот увидит Соню.

Но ее не было. И он знал, что она не придет.

Когда он сказал ей о назначении в Синеморск, она расплакалась. Ему стало жаль ее.

- Если захочешь, можешь приехать туда. Она вытерла слезы и холодно сказала:

- Нет, туда я не поеду. - И, помолчав, пояснила: - Ты мне нравишься, Матвей. Но я слишком привыкла к Ленинграду и не

могу менять этот город на ту дыру, в которую тебя посылают. Не хочу добровольно отказываться от тех небольших радостей, которые предоставляет судьба. И я слишком люблю жизнь.

- И это ты называешь жизнью?

- Нет уж, пожалуйста, помолчи! - резко оборвала она. - Я знаю, что ты скажешь. Называй это трусостью, мещанством или как тебе будет угодно. Но знай, что из Ленинграда я никуда не поеду.

Собственно, он и не настаивал. Ему вдруг припомнились чьи-то стихи, и он их прочитал:

Не люблю старинные квартиры,
Где облезлый шкаф угрюм и рыж.
Из-за шкафа не увидишь мира
И себя от мира заслонишь.

- А мне не нужно никакого другого мира. Мы живем всего один раз.

- Вот именно.

- Матвей, пойми, я не могу иначе. Можешь ты это понять?

- Я, кажется, давно это понял.

- Ну почему мне так не везет?

Она опять заплакала. Но теперь Матвей уже не жалел ее. Он даже почувствовал облегчение от того, что уже не жалел ее.

А все-таки обидно, что она не пришла хотя бы проводить.

Вот и свисток. Поезд мягко тронулся. Матвей вскочил на подножку и еще раз окинул взглядом уплывающий назад перрон. Прощальные взмахи чьих-то рук. Кто-то бежит за поездом, выкрикивая последние наказы... И может быть, грустно просто потому, что из этих рук ни одна не машет ему.

Но вот уже позади вокзальный гам и сутолока, мелькают пристанционные огоньки, паровоз тяжело выдыхает клубы пара, набирая скорость.

Значит, не пришла...

Матвей долго еще стоял в тамбуре, глядя на пробегавшие мимо огни, ни о чем не думая.

В купе белокурый старший лейтенант укладывал на багажную полку чемодан. Матвей подождал, пока он спрыгнул с лесенки и убрал ее.

- Добрый вечер! - Матвей вошел в купе и, увидев, что там еще один военный, сразу представился:

- Лейтенант Стрешнев.

Белокурый старший лейтенант протянул руку:

- Алексей Курбатов. А это благоверная моя, - он указал на сидевшую у окна женщину с широким румяным лицом и добродушными, удивительно чистыми голубыми глазами. Она с

неожиданной для ее полноватой фигуры легкостью поднялась навстречу Матвею и тоже протянула мягкую теплую руку:

- Сима. А мы уже боялись, что вы отстали.

- Нет, я стоял в тамбуре.

- И, тяжкой думой омраченный, взирал на величавый град? - спросил Курбатов. Он, видимо, любил выражаться высокопарно. - Однако долог путь, а мы грешны. Симочка, воздвинь-ка нам трапезу.

Сима посмотрела на мужа с ласковой снисходительностью матери, прощающей ребенку невинную шалость, и начала перекладывать с полки на столик многочисленные свертки.

Четвертым в купе был капитан-лейтенант с усиками.

- Дубровский, - коротко отрекомендовался он и отвернулся к окну.

Вскоре весь столик был завален снедью. Курбатов откуда-то извлек бутылку водки.

- Напиток сей нам противопоказан, но им совсем пренебрегать нельзя. Прошу к столу.

- У Алеши сегодня день рождения, - пояснила Сима. - А мы еще не успели отметить: с одного поезда на другой пересели.

Капитан-лейтенант подарил Курбатову книгу. Матвею же решительно нечего было дарить. Кроме положенного по интендантским нормам обмундирования, единственной вещью, заслуживавшей внимания, был кожаный портсигар, приобретенный перед отъездом. Но оказалось - Курбатов но курит.

- Кроме дружеского расположения, мне просто нечего подарить, огорченно сказал Матвей.

- О, это не так уж мало! - засмеялась Сима.

Курбатовы, узнав, что Матвей едет в Синеморск, наперебой рассказывали ему о городе, о его достопримечательностях. Эти достопримечательности составляло главным образом море, "синее-синее, как небо", по словам Симы. и "сравнительно безопасное для плавания, с бухтами, удобными для базирования", по словам Алексея. Курбатовы рассказывали о Синеморске с такой гордостью, как будто это был их родной город и они провели в нем всю жизнь, хотя, как выяснилось, они там живут второй год. Дубровский иронически улыбался, должно быть, он не разделял восторженного отношения Курбатовых к Синеморску.

А Матвею нравилось, как они говорят о городе.

Соня так не могла бы. Почему бы ей не оказаться похожей на Симу?

Впрочем, о Соне лучше не думать.

Сразу после ужина Матвей забрался на свою верхнюю полку с

твердым намерением тотчас же, ни о чем не думая, заснуть. Погасили свет. Рядом тихо посапывал Курбатов, внизу ворочался Дубровский. Наконец и он угомонился. А Матвей все не мог уснуть. Пытался считать, но, досчитав до тысячи, бросил.

А колеса вагона насмешливо выстукивали: "Так и надо, так и надо!"

И опять невольно всплывало в памяти все, что было связано с Соней.

2

Познакомились они в день похорон его матери. После поминок, когда все разошлись, он не захотел оставаться в комнате матери один и вышел на улицу. Было холодно, с Финского залива дул промозглый ветер. Матвей бесцельно бродил по городу, предаваясь невеселым размышлениям. Он смотрел на ярко освещенные окна домов, и его охватывала грусть. У тех, кто жил за этими окнами, был дом, семья, близкие. У него никого не осталось.

Он изрядно продрог и на Невском зашел в ресторан "Кавказский", чтобы согреться. Сел на первое же свободное место и заказал два стакана чаю. Официант пожал плечами:

- Странно.

Но чай все-таки принес - в заварном чайнике с маленькой тонкой ручкой, Матвей никак не мог ухватиться за эту ручку окоченевшими, негнущимися пальцами. Сидевшая за столиком девушка предложила:

- Давайте-ка я вам налью.

Не ожидая его согласия, она взяла чайник и стала наливать в стакан.

- Не очень крепкий?

Вот так же спрашивала его мать. И вдруг Матвею показалось, что между матерью и этой девушкой есть что-то общее. Случается, что мы с незнакомыми людьми бываем откровеннее, случайному попутчику или собеседнику рассказываем то, о чем даже с друзьями не решаемся заговорить. Вот и сейчас Матвею захотелось рассказать этой незнакомой девушке о своей матери, о себе. И он стал говорить торопливо и сбивчиво, опасаясь, что девушка не дослушает его. Когда он закончил свой рассказ, она задумчиво сказала:

- Вам, наверное, очень трудно сейчас - вы совсем один. Знаете что, приходите ко мне! Просто так.

- Спасибо.

Девушку звали Соней, она работала кассиром на городской железнодорожной станции. Матвей проводил ее до дому и пообещал в следующее воскресенье зайти.

* * *

В связи со смертью матери ему дали отпуск. Но возвращаться в комнату матери он не хотел и отправился в училище. Курсанты уже спали. А он долго ворочался в постели и снова думал о своей нелегкой судьбе, вспоминал подробности встречи с матерью, их недолгую совместную жизнь...

Ему едва исполнилось три года, когда началась война. Через месяц ушел на фронт отец. А еще через месяц в город вошли немцы. Мать с Матвеем успела эвакуироваться с последним эшелоном. Поезд отошел от города километров шестьдесят, когда на него налетели фашистские самолеты.

Мать схватила Матвея на руки и, выскочив из вагона, вслед за другими бросилась к лесу. Она была уже на опушке, когда сзади раздался сильный взрыв. Мать упала на колени, постояла так, точно в нерешительности, а потом неловко повалилась на бок, чтобы не придавить сына, которого все еще крепко прижимала к груди.

Давно улетели самолеты, долго гудел паровоз, сзывая людей. Из лесу уже шли последние группы, а Матвей все сидел около матери. Двое железнодорожников, проносивших раненого, заметили Матвея. Осторожно положив раненого на траву, они осмотрели мать. Один из них, стянув фуражку, сказал:

- Померла. Не дышит. Что будем с мальчонкой делать?

- Отнеси в сиротский вагон, он вторым от хвоста стоит. Потом бегом возвращайся сюда, а я пока один понесу этого, - железнодорожник кивком указал на раненого.

В вагоне было много ребятишек. Две женщины в белых халатах старались занять самых маленьких, свертывая из платков и шапочек незатейливых кукол и зайчиков, ребятам постарше женщины обещали, что их мамы скоро придут.

Но прошел день, прошла ночь, а мамы все не появлялись.

На пятые сутки ребят вывели из вагона, посадили в автобус и повезли в детский дом. Маленькая старушка записывала их. Сведения о малышах давали женщины, ехавшие с ребятами в вагоне. Те из ребят, что были постарше, объяснялись сами.

Когда очередь дошла до Матвея, старушка спросила:

- Как тебя зовут?

- Матвей.

- Матвей? А фамилию свою знаешь?

Матвей кивнул. Фам,илию свою он знал. Но он еще плохо выговаривал ее и поэтому произнес что-то похожее на "Стесий".

- Стешин? - переспросила старушка.

Матвей отрицательно покачал головой. Он постарался четко выговорить все буквы:

- Леснив.

Старушка опять не поняла. Кто-то из ребят постарше подсказал:

- Наверное, Леший. У нас в школе один учился с такой фамилией.

Так и записали: Матвей Леший.

И скоро Матвей забыл свою настоящую фамилию, так и не научившись ее правильно выговаривать.

* * *

После войны многих детдомовских ребят нашли родители. Матвей тоже ждал, что вот-вот и за ним придет мать. Теперь он помнил только ее голос. Об отце только и знал, что у него большие сильные руки: отец любил подбрасывать Матвея к самому потолку. На одной руке у отца был выколот синий якорь.

Матвей пошел в школу. Учился хорошо и, пожалуй, только этим и радовал своих воспитателей, постоянно жаловавшихся на его характер. А характер у Матвея оказался действительно нелегким: он был упрям, порывист, отличался неиссякаемым озорством. Поэтому, когда он в восьмом классе вдруг притих и остепенился, все решили, что он что-то задумал.

А он действительно решил стать моряком, как и отец. Матвей догадывался, что отец его скорее всего был моряком, иначе зачем же якорь на руке?

В военкомате ему посоветовали поступить в военно-морское училище. Но предупредили, что там большой конкурс и надо сейчас хорошо учиться.

Школу он окончил с серебряной медалью и отправил документы в Ленинград, в Высшее военно-морское училище. Через полтора месяца в военкомат на имя Матвея Лешего пришел вызов на экзамены, но Матвей в это время лежал в больнице. До этого ни разу ничем не болевший, он вдруг подцепил скарлатину. В его возрасте ею редко болеют и очень тяжело переносят. Ему пришлось лежать в больнице почти два месяца.

Вручая ему проездные документы, военком с сомнением сказал:

- Боюсь, что зря едешь. Опоздал. Если не примут, возвращайся сюда, отправим на следующий год.

В училище уже начались занятия, и Матвею даже не вернули документы.

- Мы их отправим в военкомат, - сказал офицер учебного отдела. Обратный билет сейчас выпишем. - И, посмотрев на бледного, отощавшего за время болезни Матвея, добавил: - Ну и паек на трое суток выдадим. А вообще-то тебе с твоим здоровьем что-нибудь полегче бы выбрать. Почему именно в морское

училище? Потому что модно? Форма красивая? А сам небось и моря не видел и не знаешь, с чем его едят. Не видел ведь?

- Нет.

- Ну вот. А ты знаешь, каково несколько суток болтаться в шторм? И не просто болтаться, а работать, зверски работать, из последних сил!

- А вы меня не пугайте. Все равно не отпугнете, - сказал Матвей. - Не примете на следующий год, пойду на срочную, матросом.

Офицер внимательно посмотрел на него и, смягчаясь, сказал:

- Тогда другой разговор. Давно тянет?

- Что? - не понял Матвей.

- Ну, море же! Оно, брат, если уж залезет в душу, то по самые печенки, на всю жизнь. Есть в нем что-то такое. Я вот всего третий месяц тут в бумажках копаюсь, а на корабли тянет так, что хоть вешайся. - И уж совсем сочувственно спросил: - А у тебя-то давно это?

- Давно. Кажется, у меня отец моряком был, вот поэтому.

- Почему "кажется"? Ах да, ты ведь детдомовский. Не помнишь, стало быть, отца-то.

- Вот только якорь на его руке и помню.

- Леший... Леший. - Офицер задумался. - Многих знал. Один тоже с чудной фамилией был - Бийсябога. Хотя не боялся ни бога, ни черта. Погиб... Нет, Лешего не встречал. Может, на Черном или на Севере? Я ведь всю войну на Балтике. Ах да, ты не знаешь. - Он опять задумался. Потом вскинул голову, и неожиданно спросил: - На курсы шоферов пойдешь?

Матвей пожал плечами. А офицер начал горячо убеждать:

- Там и общежитие дадут. Там у меня знакомый, вместе воевали, он поможет. Ну чего тебе возвращаться? Никого же там у тебя нет. А тут специальность получишь. И жилье. А документы я и возвращать не буду в военкомат, будешь первым кандидатом на следующий год. А?

Именно последний аргумент заставил Матвея согласиться. Офицер тут же позвонил своему приятелю и дал Матвею адрес курсов. Его действительно приняли сразу и дали койку в общежитии.

Потом Матвей жалел, что сразу не узнал фамилии этого офицера. Через год, когда он поступил в училище, офицера там уже не было, он все-таки опять ушел служить на корабль.

Окончив курсы шоферов, Матвей стал работать в таксомоторном парке.

Однажды диспетчер послал его по вызову. Записав адрес, Матвей поехал в один из заводских поселков. Он был там много

раз и поэтому без труда отыскал небольшой одноэтажный домик с палисадником под окнами. Остановив машину у калитки, посигналил. Из домика вышла женщина в теплом пуховом платке и сером пальто. Она села на заднее сиденье и попросила отвезти ее на вокзал.

Боковое стекло справа было открыто, и, как только машина набрала скорость, ворвался тугой ветер. Матвей, увидев в зеркале, что женщина кутается в платок, притормозил, дотянулся до дверцы и поднял стекло. Когда он снова посмотрел в зеркало, то увидел, что женщина особенно пристально разглядывает его. Матвей успел заметить, что у нее изможденное лицо с большими грустными глазами.

"Должно быть, несчастье, едет к кому-нибудь из родственников, - решил Матвей. - Но почему она так на меня смотрит?"

Неожиданно она спросила:

- Скажите, сколько вам лет?

- Восемнадцать.

- А у вас есть родители? - голос ее дрожал.

Матвей увидел, что вся она напряглась, наклонившись вперед, чтобы лучше расслышать его. И он несколько громче ответил:

- Нет.

- А где они?

- Да не знаю.

- Как вас зовут?

- Матвеем.

- А фамилия?

- Фамилия у меня некрасивая - Леший.

- Матвей... Тоже Матвей! Все то же! - шептала женщина. - Везите меня обратно. Домой. Никуда я не поеду.

Матвей отвез женщину обратно в поселок.

В этот день у него было много работы, и он забыл о женщине из рабочего поселка.

Когда после смены вернулся в парк, диспетчер сказал:

- Поставишь машину, зайди в контору. Начальник колонны тобой интересуется.

Начальник колонны спросил:

- Что это ты натворил? Кого сбил? Машина в порядке?

Матвей недоуменно пожал плечами:

- Никого не сбивал. И машина в порядке.

- А зачем же тогда в милицию вызывают?

- Не знаю. Может, насчет прописки? Я ведь до сих пор не прописан в общежитии.

- Словом, завтра к десяти утра явись в милицию. Работать пойдешь во вторую смену.

На другой день Матвей пошел в милицию. Дежурный направил его прямо к начальнику отделения. Тот представил ему пожилого человека в пенсне:

- Наш медицинский эксперт. Он вас осмотрит.

- А в чем дело-то? - спросил Матвей. - Я вроде ничего не украл...

- Мы вас ни в чем и не обвиняем, - успокоил начальник. - Просто нам кое-что надо уточнить. Кстати, вы не помните, кто принимал вас в детском доме, когда вас туда привезли?

- Заведующая, Евгения Осиповна Серова. Она всех принимала.

- Она и сейчас там работает?

- Нет, года два назад ушла на пенсию. Но живет там же.

- Очень хорошо. Ну, доктор, приступайте.

Доктор заставил Матвея раздеться. Он долго осматривал его, приговаривая:

- Так, так. Вот еще родинка. А шрамчик на правой руке у вас откуда?

- Не помню. Он у меня все время был.

- Очень хорошо. Ну-с, одевайтесь, а завтра в это же время пожалуйте сюда.

В эту ночь Матвей перебирал в памяти события последних дней. Уснул только под утро и встал с головной болью. Наскоро умывшись, побежал в милицию. Дежурный посмотрел на него с какой-то странной улыбкой и почти ласково сказал:

- Иди, иди. Там уже ждут.

Матвей вошел в кабинет начальника. Первого, кого он увидел, была женщина в сером пальто, пуховом платке, та самая, которая позавчера раздумала куда-то ехать. Она подеялась ему навстречу, протянула руки и тихо сказала:

- Матвей! Сынок! - Прижимая к своей щеке его лицо и заливая его слезами, шептала: - Я тебя узнала по руке. Тебе пошел третий годик, когда ты распорол ее...

Матвей, все еще не понимая, что произошло, с недоумением смотрел то на начальника, то на доктора.

- Да что ты стоишь как столб? Мать она тебе! - крикнул Матвею начальник и отвернулся к окну.

Матвей взглянул на женщину. Ее большие глаза смотрели на него со счастливой гордостью, в ласковом поглаживании руки было что-то давно знакомое. Он всегда ждал этого мягкого прикосновения теплой руки, ждал так, что почти все время ощущал его - далекое и пугающе близкое, недоступное и до боли

родное. И сейчас, когда он наконец понял все происходящее, скорее выдохнул, чем произнес, непривычное, но незабытое слово:

- Мама...

В груди сразу что-то оборвалось, стало легко, и он уже во весь голос крикнул:

- Мама!

Оказалось, что осколок бомбы лишь тяжело ранил Марию Ефимовну Стрешневу. После того как эшелон ушел, ее подобрали и выходили местные жители. Окрепнув, она поехала в Ленинград, где погиб ее муж в блокаду. Там и осталась, и все эти годы разыскивала сына. И вот нашла его.

Матвей перебрался в рабочий поселок. Ему дали отпуск, и он почти не отходил от матери. Жизнь для него начиналась как бы заново, он впервые ощутил всю теплоту материнской ласки, тревожную близость самого дорогого человека на земле - матери.

Материнское сердце... Сколько любви и тепла, сколько тревог и волнений вмещает оно! Оно с замирающей радостью прислушивается к первым толчкам ребенка в чреве и уже начинает тревожиться за его судьбу. Оно ошалело бьется от счастья, когда ребенок сделает первый самостоятельный шаг, и больно сжимается, когда крохотное и беспомощное существо мечется в жару детской болезни. Оно наполняется несказанной гордостью, когда сын приносит домой свою первую получку, и его до краев заливает жгучая горечь, когда сын, обзаведясь семьей, забывает писать матери письма.

Матвей не стеснялся своих, годами не высказанных, сыновних чувств, и Мария Ефимовна принимала их с тихой грустной радостью. Она тоже не хотела ни на минуту отпускать Матвея от себя, опасаясь, как бы судьба снова не разлучила их. Мария Ефимовна никак не могла привыкнуть к тому, что сын уже взрослый, и все еще заботилась о нем, как о трехлетнем несмышленом мальчике, каким она его потеряла и каким он был в памяти все эти годы.

А сердце матери было уже надорвано, дважды у нее был инфаркт. Однако встреча с сыном будто возродила ее. Мария Ефимовна сразу помолодела, могла неутомимо работать, и все свободное время хлопотала по хозяйству: бегала на рынок, гладила сыну рубашки, штопала носки и находила во всем этом необычайную радость и наслаждение.

Когда на следующий год Матвей поступил в училище, Мария Ефимовна лишилась главной радости - возможности заботиться о сыне. Он редко бывал дома, всего раз в неделю. Чтобы быть поближе к сыну, Мария Ефимовна сама поступила работать в

училище преподавать французский язык.

Теперь они виделись каждый день. Казалось, она и думает о том же, о чем думает сын, и живет его заботами и его радостями.

Но у нее были и свои тревоги. Опять начало беспокоить сердце. Она снова стала принимать лекарства, стараясь, чтобы сын не заметил этого. Но лекарства уже плохо помогали. И однажды на уроке приступ свалил ее. Через четыре часа она умерла...

И хотя Матвей знал, что мать тяжело болеет, ее смерть была для него неожиданной.

Он остался один со своим горем. Поэтому стал приходить к Соне каждое увольнение. Они бродили по городу, ходили в театр, ездили к морю. Матвею было хорошо уже от того, что он не один, что есть человек, к которому он привык, который ему нужен.

Со временем он обнаружил, что их взгляды во многом расходятся. Соня была на четыре года старше его. Но дело было не в возрасте. Просто она оказалась слишком практичной, и это начинало раздражать Матвея. Но он привык к Соне, был благодарен ей и боялся опять остаться один. Из благодарности он готов был жениться на ней. И, наверное, женился бы, если бы она согласилась ехать в Синеморск. Но она не поехала, и где-то в глубине души он испытывал облегчение...

* * *

Командир бригады подводных лодок капитан первого ранга Уваров, еще довольно молодой, но уже изрядно облысевший, с крупным, квадратным, будто наспех сделанным лицом, поднялся из-за стола и, пожимая Матвею руку, мягким баском пророкотал:

- Очень кстати, лейтенант, очень кстати. Вот планирую групповой выход, а у нас сразу два штурмана заболели. Присаживайтесь, рассказывайте, как добрались.

- Спасибо. Хорошо.

- А вид у вас усталый. Не выспались?

- Да, никак не мог уснуть.

Комбриг понимающе улыбнулся:

- Ясно. Небось волновались, думали: как-то примут на новом месте?

"Об этом я, кажется, и не беспокоился", - подумал Матвей и честно признался:

- Нет, вроде бы не волновался.

- О чем же тогда думали?

"Ну что он ко мне пристает, не буду же я ему докладывать, что думал о Соне? И вообще, какое это имеет отношение к службе?"

- Извините, товарищ капитан первого ранга, но я не хотел бы

говорить на эту тему.

Комбриг удивленно посмотрел на лейтенанта и пожал плечами:

- Это уж дело ваше. Ну а назначением-то вы хоть довольны?

- Не знаю. Пока не думал над этим. Не успел. Я хотел служить на лодках и вот... получил назначение. Наверное, я доволен.

Комбриг улыбнулся. Потом серьезно сказал:

- Ну что ж, поживем - увидим.

На кораблях Уваров служил около двадцати лет, ежегодно к нему приходили молодые офицеры, и он всегда очень осторожно относился к первому разговору и первым впечатлениям. Всякое бывало. Иной наговорит семь верст до небес: и о службе-то на лодках он всю жизнь мечтал, и именно в эту бригаду добивался назначения, и еще, и еще - все в том же духе. А через год, смотришь, норовит где-нибудь на берегу пристроиться. Другой же придет растерянный и робкий, служба у него долго не ладится, а потом вырастает отличный офицер, скромный и старательный.

Молодой лейтенант понравился прямотой и откровенностью. "Что же, это неплохо, - подумал Уваров. - Хотя мог бы и немножко почтительнее разговаривать. Видимо, самолюбив. Впрочем, и это неплохо". Комбриг в службе не признавал личных симпатий и антипатий. В оценке поведения, знаний и действий своих подчиненных он применял единственное мерило - справедливость. И может быть, поэтому сейчас закончил разговор с несколько подчеркнутой официальностью:

- Вы назначаетесь командиром рулевой группы на двадцать шестую подводную лодку, к капитану третьего ранга Крымову. О вступлении в должность донесете по службе.

Лейтенант воспринял сугубо официальный тон как должное и, спокойно выждав, не будет ли еще каких указаний, коротко ответил:

- Есть!

- Штурманом там старший лейтенант Прокудин. Сейчас он болен, и, возможно, вам придется замещать его. Разумеется, после сдачи экзаменов на допуск к самостоятельному управлению.

- Трудновато будет. Но постараюсь.

- Вам помогут. Коллектив там крепкий, дружный... Лейтенант ушел. Уваров, захватив папку с личным делом офицера, заглянул к начальнику политотдела капитану первого ранга Герасименко.

- Я к тебе вот по какому делу, Остап Григорьевич. Только что у меня был новый офицер - лейтенант Стрешнев. Он идет командиром рулевой группы к Крымову. Парнишка, кажется,

дельный. Но что-то у него на душе неспокойно. Должно быть, по сердечной части. Это твое ведомство. Ты зайди как-нибудь на двадцать шестую, потолкуй с этим лейтенантом. Только учти, что парень он ершистый, мне так и отрезал: я, дескать, не хочу касаться этой темы. Так что к нему с подходом надо. Ну не мне тебя учить, ты на такие дела мастер. Кстати, вот тебе его личное дело - у паренька довольно любопытная биография.

3

Вслед за рассыльным Матвей поднялся на второй этаж и пошел по длинному коридору. Справа и слева мелькали двери с табличками: "Кубрик № 2", "Каюта старшин", "Каюта старшего помощника и заместителя по политчасти". Подводники жили на берегу, но и в казарме помещения носили корабельные наименования.

А вот и каюта офицеров. По углам четыре железные кровати, покрытые серыми байковыми одеялами. Простенок между окнами занимает книжный шкаф. Посредине стоит небольшой круглый стол с графином и полоскательницей. На одной стене висят два портрета, на другой - опись имущества, графики дежурств и вахт. В комнате чисто, но по-казарменному неуютно.

Матрос указал на стоявшую у двери кровать:

- Вот эта ваша, товарищ лейтенант. Значит, вы к нам командиром группы?

- А вы с двадцать шестой?

- Так точно! - матрос вытянулся и представился: - Рулевой-сигнальщик матрос Бодров.

Матвей пожал ему руку:

- Лейтенант Стрешнев. А где офицеры?

- На лодке.

- Как туда пройти?

- Сейчас наш старпом туда собирается. Он только что из отпуска прибыл...

Матрос показал каюту старшего помощника. Матвей постучался, открыл дверь и замер: за столом сидел Дубровский. Он усмехнулся и предложил:

- Что же вы стоите на пороге? Входите.

Дубровский уже успел переодеться и в рабочем кителе выглядел несколько неуклюже.

Матвей доложил о назначении.

- Значит, будем служить вместе, - просто сказал Дубровский. - Я пока тоже не в курсе дела, а командир сегодня в штабе флота.

- Я бы хотел пойти сейчас на лодку.

- Ну что ж, пойдемте. Хотя следовало бы вас сначала представить по всей форме, перед строем.

Они направились к пирсам. Лодки аккуратными рядами лежали в ковше гавани. Окрашенные в шаровый цвет, они выглядели неуютно и холодно, ровный строй, четкие обводы корпусов как бы подчеркивали серьезность их назначения, напоминали о том, что здесь господствуют железный порядок и дисциплина. Было что-то настороженное и грозное в этих застывших у причалов кораблях, в холодном блеске металла, в молчании гавани. И только юркий рейдовый буксир, сновавший посередине ковша, весело попыхивая трубой, нарушал торжественную и строгую тишину гавани.

Матвей впервые с тревогой подумал о том, что ждет его впереди. Начиналась совершенно новая для него жизнь. А как он к ней подготовлен? В училище все было просто, все зависело лишь от него самого. Он хорошо учился, и это удовлетворяло и командиров и его самого. Больше у него, по существу, ничего не спрашивали. Разве что соблюдение элементарных требований воинской дисциплины. К ним он тоже привык очень быстро - помогло то, что долго жил в детдоме, в коллективе, где тоже действовали, хотя и менее строгие, но чем-то похожие на воинские, порядки.

А что ждет его здесь? Штурманскую специальность он знал. Но ведь ему дадут в подчинение людей, он должен будет их обучать, воспитывать, отвечать за все их поступки н действия. Сейчас он впервые встретится с ними. Что он им скажет? С чего начинать и как начинать?.. Обо всем этом он не раз думал и раньше, но тогда все казалось далеким, отвлеченным. "Там видно будет", думал он тогда, полагая, что на месте действительно будет виднее. Но вот теперь он на месте. А что прояснилось? Ничего. Он по-прежнему не знает, с чего начинать.

Матвей покосился на Дубровского. "Спросить у него?" Но это значит обнаружить свою беспомощность. "Ладно, будь что будет!"

* * *

Двадцать шестая стояла в самом конце причала. Дубровский быстро и ловко взобрался по скоб-трапу на мостик. Матвей тоже попытался проделать это с лихостью, но на середине трапа нога соскользнула со скобы, и он чуть не сорвался. Дубровский, наблюдавший за ним сверху, предупредил:

- Осторожнее, здесь не парадная лестница с коврами.

Когда Матвей поднялся на мостик, Дубровский разговаривал с капитаном третьего ранга. Тот вопросительно взглянул на Матвея. Дубровский, перехватив взгляд, представил:

- Лейтенант Стрешнев. Наш новый командир рулевой группы.

- Елисеев Петр Кузьмич. Заместитель командира лодки по политчасти. Будем знакомы. - У капитана третьего ранга был

хрипловато-простуженный голос. - Значит, прямо с дороги?

- Так точно!

Замполит посмотрел на него с веселым укором. Его взгляд как бы говорил: "Ну зачем так официально?" И Матвей неожиданно для себя весело добавил:

- Прямо с выпускного бала на корабль.

- Ну что ж, как говорится, милости просим. Где разместились?.. Значит, холостяк?.. Обедали?

Он расспрашивал Матвея обстоятельно и неторопливо, не обращая внимания на нетерпеливые попытки Дубровского прервать разговор. Дубровский пожал плечами и полез в рубочный люк.

Проводив его взглядом, Елисеев спросил:

- Между прочим, что вы намерены сейчас делать?

- Не знаю, - чистосердечно признался Матвей.

- Я думаю, что прежде всего вам с людьми познакомиться надо. Сейчас мы это организуем. - Елисеев подошел к переговорной трубе и крикнул: Центральный! Главного старшину Проценко. Проценко? Соберите боевую часть один в кают-компании.

- Есть! - донеслось снизу.

- Проценко - наш боцман, - пояснил Елисеев. - Толковый парень. Приглядывайтесь к тому, что и как он делает, у такого старшины поучиться не грех... Пойдемте.

Главный старшина Процепко оказался человеком щуплым и таким невзрачным на вид, что Матвей удивился и невольно подумал: "Не нашли кого повиднее старшиной назначить". Узкие, покатые плечи, маленькое, щедро усеянное веснушками бледное лицо, ломкий писклявый голос. Докладывая Елисееву, он поглядывал на Матвея испытующим взглядом внимательных глаз. Матросы тоже смотрели на Матвея с нескрываемым любопытством. Он смущенно поздоровался. Ему ответили дружно и весело. Стрешневу показалось, что матросы будто подбадривают его.

Когда все уселись, Елисеев сказал:

- Разрешите вам представить нового командира рулевой группы лейтенанта Стрешнева. Прошу, Матвей Николаевич.

Матвей коротко рассказал о себе. Елисеев спросил:

- Вопросы будут? Нет? Тогда я представлю новому командиру вас. С кого начнем? Ну вот хотя с тебя, Бодров.

Поднялся тот самый матрос, с которым Матвей уже был знаком. Видимо, он сменился с дежурства.

- Рулевой-сигнальщик матрос Бодров, - отрекомендовался он и выжидательно посмотрел на замполита.

Елисеев добавил за него:

- Сибиряк. Чемпион бригады по штанге. Только в последнее время что-то не тренируется, говорят, заленился. Как, Бодров, верно это?

- Есть маленько, - матрос смущенно потупился.

- Смотри, побьют на соревнованиях. Так что вы, Матвей Николаевич, проследите, чтобы он не отлынивал от тренировок. А вообще-то, Бодров хороший рулевой. Садись, Бодров. Кто следующий? Широков?..

Один за другим поднимались матросы. О каждом Елисеев кратко сообщал самое главное. Матвей заметил, что замполит выделяет в каждом черту, характерную именно для этого матроса. Видимо, для того, чтобы Матвею было легче запомнить матросов.

* * *

В каюте жили еще трое: инженер-лейтенант Андрей Бутов, старший лейтенант Вадим Сенцов и лейтенант Семен Проняков. Из них Матвей немного знал только Пронякова - Семен окончил училище годом раньше. Однако все трое встретили Матвея как старого приятеля. Вадим и Семен наперебой расспрашивали об училищных новостях и преподавателях, пустились в пространные воспоминания о своей курсантской жизни. Андрей интересовался репертуаром театров, спрашивал, строится ли ленинградское метро. Матвей в свою очередь расспрашивал их о службе.

- Служба как служба, на берегу бываем редко. Живем, как видишь, вполне комфортабельно. Так что привыкай. Народ у нас хороший. Командир - умница, с замполитом ты уже знаком.

- Да, он мне понравился. С матросами он, по-моему, в самых лучших отношениях.

- Всю войну матросом на подводной лодке провоевал. Это не то, что наш брат. Учти, он не любит хныкающих интеллигентиков и не терпит барства.

- Кстати, как Дубровский? Я с ним сюда в одном купе ехал.

- В своем деле он артист. Резковат, правда, но такой уж у него характер. Ты это тоже учти.

Поздно вечером Матвея вызвал командир лодки. Вопреки ожиданиям, он оказался совсем молодым. На вид ему нельзя было дать больше тридцати.

- Как устроились? У нас тут пока не очень-то уютно, но скоро переедем в новые казармы. Впрочем, на берегу вам придется не так уж часто бывать. Крымов говорил все это переодеваясь, как бы мимоходом. Должно быть, он только что вернулся из штаба. Но вот он повесил на плечики тужурку, надел китель и сел за стол.

Матвею казалось, что командир начнет разговор с полагающихся в таких случаях наставлении, но он лишь сказал:

- Обычно молодому офицеру для подготовки к самостоятельному управлению дается месяца два. Но у нас с вами времени нет. Даю три недели. Управитесь?

- Постараюсь.

- Вот и хорошо. Всю документацию примете у помощника, старшего лейтенанта Сенцова. С любыми вопросами обращайтесь во всякое время. А сейчас извините - спешу. У нас еще будет возможность познакомиться поближе. Так ведь?

Он собрал со стола бумаги и вышел вместе с Матвеем.

Когда Матвей вернулся в каюту, Андрей и Вадим уже лежали в кроватях и читали газеты. Семен что-то писал.

- На сон грядущий послание любимой? - спросил Матвей.

- Нет, стихотворение тут одно вырисовывается.

- Ты пишешь стихи?

- Матвей, ты - невежда! - воскликнул Вадим. - Семен не пишет. Он создает. Творит. Да будет тебе известно, что ты лицезреешь поэтическое светило бригадного масштаба. Бригадного! Его бессмертные творения войдут в золотой фонд литературы, потомки будут рыдать над ними...

- Перестань, Вадим! - беззлобно оборвал Семен. - Ты, Матвей, не слушай его, он наговорит. Что сказал командир?

Семен явно пытался сменить "пластинку". Вадим запротестовал. Пока они весело перебрасывались колкостями, Матвей разделся и лег.

Андрей озабоченно сказал, отрываясь от газеты:

- Что-то американцы вокруг Кубы завозились. Как бы драки не было.

- Эйзенхауэру уже немного осталось править, - заметил Вадим.

- Неужели ты всерьез надеешься, что его преемник круто повернет руль? спросил Семен.

- Хотелось бы. Ты бы, Семен, поехал добровольцем на Кубу?

- Понадобится - поеду. А ты?

- Зачем спрашивать?

- Ты сам спросил.

- Для меня это вопрос решенный. Вот Уваров наш в Испании воевал. Я ему завидую.

- Неужели ты хочешь войны? - спросил Матвей у Вадима.

Тот как-то недоуменно посмотрел на Матвея и задумчиво произнес:

- Войны никто не хочет. Даже мы, военные. Я бы сейчас с удовольствием поменял лодку на какое-нибудь торговое судно. Возил бы за океан туристов, разный товар... От этого никто бы из нас не отказался. А вот служим на лодках. Надо!

Все замолчали.

Матвею вспомнился один случай. Они с Соней отдыхали как-то в Летнем саду. Напротив на скамейке сидели женщины, около них возились в песке детишки. Матери, улыбаясь, смотрели на детей. Но вот одна из женщин сказала:

- Больше всего я боюсь войны и рака...

Война и рак. Она поставила их рядом. Возбудитель страшной болезни пока не найден, и рак уносит тысячи жизней. Возбудители еще более страшного бедствия, способного унести десятки миллионов жизней, - поджигатели войны известны. Их не так уж много, их имена печатаются в.газетах. Неужели от них нельзя оградить мир? Ведь если бы люди не готовились к войне, они, пожалуй, научились бы побеждать рак.

И вот он, Матвей Стрешнев, стал офицером. Война отняла у него детство, лишила родителей, и потому он, может быть, больше, чем другие, хочет, чтобы в Летнем саду всегда играли дети, чтобы никогда не боялись матери, чтобы отцы без тревоги читали в газетах сообщения о международных событиях. Он хочет, чтобы человек был спокоен и счастлив. И он будет учиться воевать, будет этому учить других.

4

Курбатовы снимали небольшую комнатку в центре города. Была она смежной, ходили они через комнату хозяйки. Это была пышнотелая высокая женщина, обладающая громоподобным голосом и, как потом выяснилось, довольно сварливым характером. Наверное, за ее мощную фигуру и грубый голос Алексей и звал ее Гренадером.

Когда Матвей, постучавшись, вошел и поздоровался, она поспешно запахнула халат, еле сходившийся на ее могучей груди, и с любопытством уставила на Матвея свои заплывшие, маленькие глазки. Они торопливо ощупывали Матвея.

- Вы ко мне? - игриво спросила Гренадер.

- Вероятно, нет. Мне нужны Курбатовы.

- А-а, к постояльцам, - разочарованно пробасила хозяйка и рявкнула: Серафима Петровна!

Из боковой двери выглянула Сима:

- Матвей? Здравствуйте. Очень хорошо, что вы пришли. Проходите.

Она ввела Матвея в свою комнату:

- Вот знакомьтесь: это мои подруги и сокурсницы по институту.

Навстречу Матвею из-за стола поднялись две девушки. Одна - смуглая и высокая, белое платье еще больше подчеркивало ее смуглость. У нее было редкое имя - Ариадна. Вторую звали

Люсей. Узкое лицо, маленький слегка вздернутый носик, короткая прическа делали ее похожей на озорного мальчишку; и только большие серые глаза из-под густых, сросшихся на переносице бровей смотрели пронзительно и строго - от их взгляда становилось не по себе, взгляд этот как бы говорил: "А ну-ка посмотрим, что ты за птица!"

- А где Алексей?

- В изгнании. Он нам мешал заниматься, и мы послали его в магазин, голос у Ариадны грудной и приятный.

- Так, может быть, я поищу его?

- Нет-нет, мы уже закончили. Да и Леша сейчас придет. - Сима начала поспешно собирать со стола конспекты и учебники. - Как вы устроились?

- Спасибо, хорошо.

Пока накрывали стол к чаю, Матвей оглядывал комнату. Отставшие по углам обои. Пожелтевшая фотография хозяйки в рамке под стеклом. Шаткая этажерка с книгами. Никелированная кровать, стол, три стула, горка чемоданов в углу, покрытая простыней... Все более чем скромно. И тем не менее - уютно. Вероятно, сказывается присутствие женщины. Оно - и в маленьком букетике цветов, поставленном в граненый стакан, и в свежих занавесках на окне, и в едва уловимом запахе духов, витающем в комнате.

Матвей вздохнул:

- Хорошо у вас.

- Правда? - обрадовалась Сима. Должно быть, создание уюта в этой полутемной комнатке стоило ей немалых усилий, и она сейчас была польщена тем, что они не остались незамеченными.

- Это им обходится в копеечку! - резко сказала Люся.

- А что поделаешь? Алеше вот уже второй год обещают комнату, но у других положение тяжелее - у них дети. Ничего, сейчас стали строить больше, скоро получим и мы.

Ввалился Алексей.

- Матвей, привет! Счастливец, ты не знаешь забот о пропитании семьи. Мне во сто крат быть легче под водой, чем постоять хоть час за колбасой, весело проговорил он, ставя на стол хозяйственную сумку. - Смотри, учись, и пусть наш бог морской надежно оградит тебя от лысины и брака.

- Ну, понесло, - безнадежно махнув рукой, сказала Сима. - Когда ты будешь серьезным, Алексей?

- Офелия, прими меня всерьез, - все еще дурачился Курбатов, пытаясь обнять Симу. Она ловко уклонялась, прикрываясь, как щитом, крышкой кастрюли. "Счастливые", - позавидовал Матвей.

За чаем обсуждали городские новости. В Синеморск

приезжает концертная бригада Большого театра. При Доме офицеров открываются курсы иностранных языков, и Алексей думает серьезно заняться английским. Потом женщины заговорили о работе. Оказалось, что работают они на судоремонтном заводе: Сима сменным мастером, Люся бригадиром, а Ариадна секретарем директора. Сима сообщила, что из ее цеха Самарина переводят в заводоуправление. Люся возмутилась:

- Он же один из лучших инженеров, а его заставят бумажки переписывать! И вообще, у нас все наоборот: на других заводах специалисты идут в цехи, а у нас из цехов в канцелярию. Очень уж много канцеляристов расплодилось.

- Может, ты и меня имеешь в виду? - спросила Ариадна.

- И тебя тоже. Готовишься стать инженером, а в цех войти боишься.

- Это неправда, - обиделась Ариадна. - Я бываю в цехах.

- В качестве экскурсанта. А ты поработай, повозись со станком...

- Люсенька, может быть, хватит? - примирительно сказала Сима. Стараясь перевести разговор на другую тему, спросила у Матвея: - Вы любите вишневое варенье? Попробуйте, сама варила. А ты, Ариадна, почему ничего не ешь?

Ариадна сидела, опустив глаза и обиженно поджав губы. Матвей осторожно тронул ее за локоть и шепнул:

- Не надо.

Ариадна благодарно улыбнулась и кивнула. Люся заметила это и сказала:

- Ну и дипломаты же вы все! Даже противно! - но она сказала это так весело и нежно, что Матвей вздрогнул. Он даже не понял, что именно поразило его: то ли эта неожиданная перемена в ее настроении, то ли нежность, которая, как казалось, ей и вовсе не свойственна. Да, видимо, Люся требовательна и к себе и к другим, поэтому и показалась вначале такой сердитой. А может, напускает на себя? Он знал людей, у которых за внешней строгостью и суровостью скрывается нежная и добрая душа. Они вроде бы даже стесняются своей доброты и стараются скрыть ее. Похоже, что и Люся такая же.

Мир был восстановлен, и все заметно оживились. Решили пойти погулять по городу. Уже одевались, когда в дверь постучали. Вошел матрос. Поздоровавшись, обратился к Алексею:

- Товарищ старший лейтенант, приказано... - он покосился на Симу и замолчал.

Алексей вышел вслед за матросом. Через минуту он вернулся.

- К сожалению, я вынужден оставить вас. Вызывают в часть.

- А в чем дело? - встревоженно спросила Сима.

- Да так, пустяки. - Алексей наскоро попрощался со всеми и ушел.

Сима загрустила:

- Теперь и не знаю, когда вернется. Если уйдет в моро, значит, надолго. Я, пожалуй, не пойду с вами. Матвей, вы ведь проводите девушек?

- Я тоже останусь, - сказала Люся. - А вы уж, пожалуйста, проводите Ариадну, а то она у нас трусиха.

Матвей уловил в голосе Люси насмешку, но не понял, к кому она относится: то ли к нему, то ли к Ариадне.

* * *

- Беспокойная у них жизнь, - сказала Ариадна, когда они с Матвеем вышли. - Вечные тревоги, бесконечные ожидания. Сима, кажется, привыкла к этому. А я, наверное, не смогла бы.

- И вы привыкли бы.

- Нет, мне всегда было бы обидно. Почему одни живут спокойно, каждый день возвращаются домой, ходят в кино, навещают друзей, а другие месяцами не бывают дома, а если и придут, то их каждую минуту могут вызвать? Разве эта нормально?

- Да, человек заслуживает того, чтобы жить нормальной жизнью, ходить в кино, растить детей и вообще радоваться жизни.

- Ну а вам-то разве не обидно? Ведь вы тоже этого!, заслуживаете.

- Нет, не обидно. Кто-то должен стоять на границе, выходить в морской дозор, лазить под воду, охранять наше небо. И почему это должен делать кто-то, а не я? Обидно совсем не это, а другое: когда некоторые не понимают, что они потому и живут спокойно, что другие не знают покоя.

Ариадна долго молчала. Потом призналась:

- А я не могла бы так жить. Вот Люся упрекнула меня, что я не иду работать в цех. Она права. Но я не хочу в цех, я боюсь его. Там шумно, грязно, ругаются. Там тяжело, а я слабая. Я - женщина. Мне надо, чтобы было тепло, чисто, культурно.

- Тогда зачем же вы учитесь, хотите стать инженером?

- Не знаю. Сейчас модно учиться. И потом - диплом. Не век же мне сидеть в секретаршах?!

Матвей опять вспомнил о Соне. Она тоже хотела, чтобы все было тихо и чисто. Может быть, вообще все женщины такие? Но ведь едут же они на целину, на сибирские новостройки, работают в каракумских песках, в Заполярье.

- О чем вы задумались? - спросила Ариадна. - Вы, наверное, считаете меня обывательницей. Может быть, я и на самом деле

такая. Но я не скрываю того, что думаю. А бывает, говорят одно, а думают другое. А в душе они такие же, как и я.

- И Люся тоже?

- Нет, Люся другая. Меня к ней потому и тянет, что она другая. Она прямая и колючая. Но вы не смотрите, что она такая резкая. На самом деле она ласковая. Вообще, она - особенная. А я обыкновенная. Вот так. А теперь прощайте. Вот мой дом.

Она ушла.

"Значит, я угадал - ласковая", - подумал Матвей о Люсе. Собственно, все время, пока они шли с Ариадной, он думал о Люсе. Он не знал, почему думает именно о ней. Казалось бы, Ариадна красивей, должна была понравиться больше. А вот... Может, Ариадна не произвела на него впечатления потому, что чем-то похожа на Соню?

"Вот Люся другая. И Ариадна говорит, что она другая. Какая - другая?" Ему захотелось снова увидеть Люсю. Не завтра, не когда-то, а сейчас, немедленно!

Он уже хотел вернуться, но увидел, что у ворот гавани, помимо контролера, стоят часовые. На вопросительный взгляд Матвея один из них ответил:

- Объявлена боевая готовность. В гавани обнаружили мину...

Так вот почему вызвали Алексея! Матвей побежал в бригаду.

5

Мина лежала посредине акватории гавани. Обнаружил ее водолаз старшина второй статьи Артюхов. Его послали для контрольного обследования дна перед тем как пустить землечерпалку. Наткнувшись на мину, Артюхов тотчас же доложил о ней. Прибывший к месту работ командир дивизиона аварийно-спасательной службы капитан второго ранга Астахов вначале даже усомнился, мина ли это, - ведь дно акватории после войны обследовалось неоднократно. Однако и не доверять Артюхову но было никаких оснований - он опытный водолаз, не впервые имеет дело с минами. Судя по его докладу, он обнаружил еще не встречавшийся в этих местах образец.

Астахов связался с оперативным дежурным базы и доложил ему об опасной находке водолаза. На кораблях объявили боевую готовность, рейд был срочно закрыт, в гавани прекратилось всякое движение. Адмирал, командир охраны водного района, выслушав доклад Астахова, спросил:

- Что думаете делать?

- Послать водолазного специалиста, обследовать мину и по возможности обезопасить. Затем поднять ее, отбуксировать на полигон и подорвать.

- Хорошо, - одобрил адмирал. - Но нужен очень опытный

специалист. Кого думаете послать?

- Старшего лейтенанта Курбатова.

- Пригласите его ко мне. И немедленно вызовите минеров.

Алексей вслед за посыльным прибежал в гавань, и его сразу направили к адмиралу. Там уже были двое минеров, которым Артюхов что-то рисовал на бумаге. По этому рисунку и по рассказам старшины минерам удалось предположительно определить образец мины. Пока Алексей разговаривал с адмиралом, принесли ее описание на немецком языке. Выяснилось, что немецкий немного понимает один из минеров. Но с его знаниями ему бы вряд ли удалось и за два дня прочесть описание, если бы не помещенная на последней странице принципиальная схема мины. А язык чертежей и формул - международный язык, который понятен каждому более или менее технически грамотному человеку. Поэтому не прошло и двух часов, как минеры уже до мельчайших подробностей изучили устройство и принцип действия мины.

- Опасная штука, - подытожил минер, который понимал немецкий язык. Приборы, несмотря на то что мина лежит давно, могут сработать. Поставить на предохранитель лишь гидростат - еще не значит обезопасить мину. Чтобы отключить всю схему, надо вскрыть горловину и вставить и отверстие вот этого прибора шпильку.

Позвонили на минно-торпедный склад. Вскоре оттуда привезли прибор, о котором шла речь, и минер показал, как вставлять шпильку. Затем он отдал круглую алюминиевую деталь Курбатову. Алексей вынул шпильку и попросил погасить свет:

- Мне ведь в темноте придется работать.

Не прошло и минуты, как он попросил снова включить свет. К удивлению минеров, он все проделал быстро и точно.

- Ничего удивительного нет, - пояснил Алексей. - Я ведь почти четыре тысячи часов провел под водой. Поневоле ювелиром сделаешься.

От адмирала Алексей ушел в первом часу ночи. Возвращаться домой не имело смысла - до начала работ оставалось всего восемь часов. Да и Симу не стоит волновать лишний раз. Он знал, что, как бы ни старался скрыть за внешним спокойствием и веселостью свою озабоченность, Сима все равно догадается о его состоянии.

Он зашел в каюту водолазных специалистов, быстро разделся и лег на свою койку. Ему надо было хорошо выспаться, ведь завтра, но всей вероятности, пробудет под водой весь день. Однако уснуть сразу не мог, как ни отгонял мысли о предстоящем задании. Что ему потребуется завтра для работы? Мягкий

судоподъемный понтон уже подготовлен, надо его утром продуть. Еще раз надо проверить концы для остропки и буксировки мины. На его памяти был случай, когда концы не выдержали, при продувке понтон всплыл, а мина осталась на грунте, и водолазам еще почти сутки пришлось поработать, чтобы снова остропить ее.

А вот как быть со связью? Ясно, что пользоваться обычным телефоном нельзя - мина магнитная. Придется пользоваться телефоном без источников питания, да и то в строго ограниченное время. Есть ли у них сейчас такие телефоны? Почему он не спросил об этом у командира дивизиона?

Алексей встал и позвонил дежурному. Тот сообщил, что телефоны уже подготовлены и опробованы. Алексей присел к столу, достал сделанный Артюховым рисунок и долго изучал его. Мина наполовину ушла в грунт, обросла ракушками. Вероятно, слой ракушек толстый - ведь со времени постановки прошло более пятнадцати лет. Работать будет трудно, надо четко продумать очередность всех операций под водой. Малейшая ошибка непоправима, недаром говорят, что минеры ошибаются всего один раз. И водолазы - тоже. А ему завтра придется быть одновременно и тем и другим. Он вспомнил, как в позапрошлом году на одном из островов водолаз подорвался на двухсотграммовой противопехотной толовой шашке. А ему, Алексею, придется иметь дело с миной, заряд которой превышает семьсот килограммов.

Выключив свет, Алексей, лежа в кровати, несколько раз вставлял шпильку в алюминиевую деталь. Наконец отложил ее и заснул.

Проспал он шесть часов. Встал бодрым и спокойным. Быстро умывшись и одевшись, пошел в кают-компанию. Специально для него коки приготовили какао - они знали, что ему сегодня не придется обедать. Когда он позавтракал , и вышел на палубу, у борта уже стоял водолазный бот. Командир дивизиона спросил:

- Как настроение?

- Бодрое. Иду ко дну в буквальном смысле слова, и пусть трепещет царь морской Нептун.

Астахов улыбнулся. Раз Курбатов говорит высокопарно, значит, спокоен.

Они спустились в водолазный бот. Когда туда погрузили понтон, бот отошел от спасательного судна и направился к вешке, обозначавшей место, где лежала мина. Не дойдя до нее двухсот метров, стали на якорь. Сняв китель, Алексей поежился. Вода сейчас холодная, а ему придется идти на глубину в летней водолазной рубахе и антимагнитном снаряжении.

Сделав рабочую проверку снаряжения, Алексей расписался в

водолазном журнале и стал натягивать водолазное белье. Затем на него надели манишку и свинцовые галоши. К борту подошла шлюпка, и на нее приняли шланг и сигнал. Алексей сошел на трап. Надели шлем, завернули ганки. Дали воздух. Все шло нормально. Вот уже завернули передний иллюминатор, и стоявший на сигнале старшина второй статьи Артюхов легким ударом ладони по шлему передал Алексею приказание о спуске. Алексей начал спускаться. Проверил снаряжение на герметичность и оттолкнулся от трапа.

Пока шлюпка буксировала его к вешке, он еще раз перебирал в памяти все пункты намеченного ранее плана действий. Не упустил ли чего? Все ли хорошо продумано? Сейчас он начнет спуск к мине. Это тоже один из ответственных этапов работы. Но Алексей знал, что тут у него все пройдет благополучно, даже если он попадет не на грунт, а прямо на мину. Во-первых, чтобы смягчить возможный удар о мину, на водолазные галоши со свинцовыми подошвами он предусмотрительно надел войлочные бахилы. А во-вторых, у него уже выработалось то ощущение приближения дна, которое приходит с опытом и которое сейчас придавало Алексею уверенность, что он не допустит ни одного неверного движения.

Мина вошла в грунт глубже, чем он предполагал. Значит, работать придется не три-четыре часа, как рассчитывал, а больше.

Алексей доложил наверх:

- Нахожусь у мины. Присмотрелся, приступаю к отмыву гидростата.

- Есть! - донесся до него слабый голос Астахова, и телефон выключили. Теперь его будут включать только по сигналу водолаза.

Ощупав всю выступавшую часть мины, Алексей уточнил ее положение. Горловина гидростата была лишь наполовину затянута илом, и Алексей осторожно очистил ее руками. К счастью, гидростат оказался обычным, стоявшим почти на всех образцах мин. Алексей сейчас должен был вместо растаявшего куска сахару вставить такой же по размеру деревянный квадратик, чтобы сделать мину безопасной при подъеме на поверхность. На эту работу ушло всего минут десять - двенадцать.

Оставалось самое трудное и опасное. Надо было добраться до горловины взрывного устройства, осторожно вскрыть ее, еще более осторожно отыскать на панели среди множества приборов, входящих в электрическую схему мины, небольшую алюминиевую деталь и вставить в нее предохранительную шпильку. Одно неловкое движение - и мина взорвется. Для этого стоит лишь случайно оборвать хоть одну нитку в тонкой паутине

электрических проводов...

Горловина целиком вошла в грунт. Алексей отцепил от пояса короткую деревянную лопаточку, лег на левый бок и начал отбрасывать грунт. Слабый зеленоватый свет, пробивавшийся сквозь толщу воды, померк - грунт, поднимаясь, заволакивал все вокруг. Приходилось после каждых двух-трех копков выжидать, пока грунт осядет и снова станет более или менее светло.

Сейчас Алексей целиком сосредоточился на работе, не думая больше ни о чем другом. Весь мир словно перестал существовать для него, он не замечал ни времени, ни холода, настойчиво пробиравшегося через легкое снаряжение, совсем не думал о смертельной опасности, подстерегавшей каждое его движение.

Наконец удалось вскрыть горловину. Алексей посмотрел на светящийся циферблат - прошло около двух часов. Прежде чем приступить к самой тонкой и ответственной работе, он решил отдохнуть. Стравил через головной клапан немного воздуха и занял положение градусов под сорок пять к грунту. Минут десять лежал неподвижно в таком положении, бездумно следя за тем, как косяк мелких рыбешек деловито и озабоченно крутился над головой вокруг пузырьков стравливаемого воздуха. Но вот рыбешки ринулись в разные стороны - показался большой судак. Он стремительно бросился в погоню.

Алексей достал шпильку, повернулся на бок и просунул руку в горловину. Вот кончик пальца коснулся чего-то гладкого. Стекло. Вероятно, часы прибора срочности. А это корпус автоматического дискового реле. Нужная деталь должна находиться правее. Добираться до нее неудобно.

Наконец он отыскал и ее. Окоченевший палец никак не мог нащупать отверстие. Но вот и оно. Алексей осторожно пропустил в него шпильку и отогнул ее усики.

Это отняло всего девять минут, но Алексей ощутил страшную усталость. Он лежал неподвижно, чувствуя, как со лба к виску стекает холодный пот, как дрожат руки. Хорошо, что они дрожат сейчас, когда все закончено.

Алексей подал сигнал. Включили телефон, и он услышал голос Астахова:

- Как дела?

- Все в порядке. Предохранитель на гидростат и шпилька поставлены. Начинаю остропку.

- Как самочувствие?

- Нормальное.

Ему спустили пеньковый конец. Теперь нужно в нескольких местах подрыть грунт под миной, чтобы пропустить под нее конец и надежно, со всех сторон, остропить ее.

На эту работу обычно уходит больше всего времени. Снова приходится копать деревянной лопаточкой, пережидать, когда осядет поднявшийся грунт.

Прошло еще более двух часов. Наконец мина была остроплена, и Алексей попросил подать понтон. Понтон притопили и плавно опустили на дно. Алексей присоединил к нему концы, которыми была остроплена мина, и завел дополнительный буек к продувному шлангу, по которому будут подавать воздух в понтон.

Можно было выходить. Алексей доложил об окончании работ, и его подняли на водолазную выдержку. Около шести часов проработал он под водой, но только теперь почувствовал, что совсем замерзает. Обычно на выдержках водолазы отдыхали, но сейчас это оказалось невозможным. Холод пронизывал, сводил ноги и руки. Приходилось все время двигаться. Когда он почувствовал, что начинает коченеть, принимался быстро, насколько это возможно в воде, сгибать и разгибать руки и ноги и делал это до тех пор, пока не выбивался из сил. Тогда он две-три минуты отдыхал и снова принимался разминать коченеющее тело.

Ему оставалось еще десять минут пробыть на выдержке, когда он почувствовал, что больше уже не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Единственное, что он мог еще делать - это шевелить пальцами. И он, стиснув зубы, ожесточенно сгибал и разгибал пальцы, пока их не начинало больно покалывать, точно кто-то вонзал в них десятки иголок. И чем острее становилась боль, тем ожесточеннее он двигал ими, понимая, что только так и могут они отойти.

Его подняли к трапу. Но пальцы уже не сгибались, он никак не мог ухватиться за скобы. Пытался обхватить их локтями, но зацепился рукавом за закраину стойки. Собрав последние силы, дернулся всем телом, рукав с треском разорвался, и проникшая до самого плечевого манжета вода обожгла его.

Пока Курбатова раздевали и врач растирал его побелевшие и распухшие руки, на шлюпке прибуксировали буек с продувочным шлангом. Быстро присоединили шланг к вентилям распределительного водолазного щитка и дали воздух на понтон. Все напряженно смотрели туда, где находилась веха. Вот она начала крениться, отошла в сторону, и на поверхности показался черный, обтянутый пеньковыми тросами понтон. К нему направилась шлюпка. Старшина шлюпки ухватился за понтон и всем корпусом перевалился через транцевую доску, вглядываясь в глубину. Он поднял руку, и все облегченно вздохнули мина поднята.

За Курбатовым пришел катер. Вместе с врачом и командиром дивизиона Алексей перешел на катер, а бот, взяв на буксир понтон с миной, потянул их на полигон. Там мину подорвут.

В кают-компании для Алексея уже был накрыт стол. Он с жадностью принялся за дымящийся флотский борщ, чувствуя, как тепло приятно растекается по всему телу.

Вошел адмирал. Увидев, что Алексей порывается встать, жестом остановил его:

- Сидите, сидите. Как самочувствие?

- Все нормально, товарищ адмирал. Замерз только немного да рубаху порвал. Жаль, совсем новая рубаха. Теперь с интендантами не рассчитаешься.

Адмирал кивнул Астахову и, когда тот вслед за ним вышел из кают-компании, спросил:

- Каков, а? Шесть часов рядом со смертью был, а ему, видите ли, рубаху жаль! Не заметил даже, что подвиг совершил. Пишите-ка представление к награде...

6

Город еще спал, когда лодка отошла от пирса. Несколько минут хода, и густой грязный туман проглотил многоточия якорных огней, заглушил тяжелое дыхание гавани. Прощально мигнул огонь входного маяка, и лодку плотно окутала сырая темень. В ней как-то неожиданно громко и торопливо прозвучал сигнал боевой тревоги. Почти тотчас же из отсеков начали поступать доклады:

- Первый готов!

- Второй готов!

- По местам стоять! К погружению!

Матвей нанес на карту место погружения и сделал запись в журнале. Дальше придется идти по счислению, и это потребует особенно тщательного ведения прокладки.

Лодка ушла на глубину. Умолкли дизеля, сразу стало тихо. Только из рубки акустика слышались посылки гидроакустической станции, похожие на крик чайки. Казалось, что лодка стоит на одном месте, внутри нее никого нет, и лишь чайки кричат где-то над морем.

Но вот корабли эскорта ушли. Теперь лодка пойдет одна. По предварительным расчетам она должна быть в назначенном районе через восемнадцать часов. И все это время придется идти в подводном положении. Значит, все время по счислению. И от того, насколько точно будет вестись прокладка курса, во многом зависит успех выполнения задачи. Матвей только сейчас понял, какая ответственность на него ложится, и неожиданно почувствовал, как к нему начинает подкрадываться страх. "А

вдруг ошибусь? Ведь точность прокладки зависит не только от меня, а и от того, хорошо ли будет держать лодку на курсе рулевой, правильно ли определена поправка компаса, исправно ли работает лаг".

Прошло всего двадцать семь дней, как он прибыл в бригаду, а вот уже пришлось работать самостоятельно. Командир пока не вмешивается в его действия. Это успокаивает. Если бы все время дергали, было бы хуже. Крымов, видимо, вообще старается дать больше самостоятельности офицерам. Но и требует с них строго. Матвею вспомнилось, как вчера командир принимал у него зачет по устройству лодки и организации службы. За четыре года в училище Матвей сдал по меньшей мере полсотни экзаменов и зачетов, но никогда их не принимали с такой строгостью. Хорошо еще, что Матвей обе стажировки проходил на лодках этого класса. Да и в отведенные ему на изучение лодки три недели занимался часов по пятнадцать в сутки. Словом, Крымов остался доволен, хотя и сказал, что надо еще полазить по кораблю. В этом он тоже прав. Матвей чувствовал, что многое ему еще не вполне ясно. Придется после похода основательно взяться за изучение механизмов, попросить помощи у Андрея Бутова.

Доверие командира было приятно Матвею. Он слышал, как перед выходом комбриг предложил взять в поход флагманского штурмана, но Крымов отказался.

- Вам виднее, - заметил комбриг, впрочем, не очень одобрительно.

И теперь Матвею не хотелось бы подводить Крымова.

Началась полоса сильных глубинных течений. Матвей остро отточенным карандашом нанес на карту векторы скоростей, рассчитал путь и курс. Доложил командиру, и тот приказал лечь на новый курс.

К столику подошел Дубровский, склонился над картой.

- Что-то очень большой снос получается у вас, товарищ лейтенант, сказал он, недоверчиво рассматривая карту.

- Вот, проверьте, - Матвей подвинул Дубровскому транспортир, линейку и циркуль. - Течение триста двадцать градусов, скорость два узла...

Дубровский проверил расчеты и, ничего не сказав, отошел. Проверить прокладку - неоспоримое право старшего помощника командира корабля. Даже обязанность. Тем более, что Матвей впервые самостоятельно ведет корабль. И все же Матвей никак не мог подавить в себе неприятного чувства. Что-то настораживало его в Дубровском.

Акустик доложил, что слышит шум винтов по курсовому сто шестьдесят пять.

- Определите, что за корабль, - приказал командир.

Матвей знал, что в кормовых курсовых углах классифицировать контакт трудно: мешает шум винтов своей лодки. Поэтому он думал, что акустику потребуется немало времени, чтобы определить класс идущего сзади корабля. Но не прошло и минуты, как акустик доложил:

- Эсминец, курсовой сто шестьдесят три!

Эсминец догонял лодку. Командир спросил у стоявшего вахтенным офицером Вадима Сенцова:

- Ваше решение?

- Уклоняюсь от преследования, - доложил Вадим.

- Действуйте.

Вадим приказал изменить курс и скорость. Матвей отложил их на карте. Как раз на госэкзамене ему достался вопрос: "Уклонение от преследования". Матвей хорошо помнил, как оно производится. Поэтому он очень удивился, когда Вадим решил отвернуть вправо, тогда как правила уклонения предписывали левый поворот. Неужели он ошибся? Матвей быстро набросал на листе бумаги чертеж и под предлогом сличения показаний репитеров гирокомпаса подошел к Вадиму. Стараясь, чтобы Крымов не заметил, показал ему чертеж.

Командир окликнул Матвея:

- Вам что-нибудь не ясно?

"Заметил!" - Матвей показал чертеж Крымову. Тот внимательно посмотрел и улыбнулся:

- Что ж, учили вас правильно. Только вы не учитываете обстановки. Вадим Алексеевич, объясните штурману, почему вы отвернули вправо.

Оказывается, Матвей не учел, что, отвернув влево, лодка может попасть в зону действия гидроакустических станции "противника".

- Теперь вам ясно? - спросил Крымов. - Вот и хорошо. Правильно сделали, что высказали свои сомнения. Но давайте договоримся, Матвей Николаевич, что впредь вы их будете высказывать вслух. Так у нас принято.

Матвей покраснел. Командир хоть и в деликатной форме, но упрекнул его за нелепую попытку подсказать Вадиму. "Действительно глупо получилось. Как школьник вел себя, даже шпаргалку заготовил и пытался подсунуть незаметно. Командир боевой части и... шпаргалка. Стыд!"

В атаку выходил Дубровский. Крымов сидел на складном стульчике и ни во что не вмешивался, лишь внимательно следил за показаниями торпедного автомата стрельбы.

Матвей вел боевую прокладку. Атака шла хорошо.

Дубровский выходил в точку залпа уверенно, команды отдавал четко. Так же бодро и четко докладывали с боевых постов, приподнятое настроение старпома передалось экипажу.

- Пли!

Лодка вздрогнула. Тотчас же из носового отсека доложили:

- Торпеды вышли!

Послезалповое маневрирование было сложным: корабли охранения, обнаружив торпеду, начали поиск лодки. Матвей едва успевал прокладывать курсы. Наконец лодке удалось оторваться, и вскоре от комбрига, находившегося на корабле "противника", было получено сообщение, что торпеды прошли точно под целью. Крымов поздравил Дубровского с успешной атакой.

Поздравляли старпома и другие офицеры, находившиеся в центральном посту. Матвей, пожав Дубровскому руку, сказал:

- Знаете, очень здорово у вас получилось!

Дубровский похлопал его по плечу:

- У нас на лодке все должно здорово получаться, лейтенант. Постарайтесь привыкнуть к этому.

Не дойдя до базы миль десять, лодка всплыла. Как только показались маяки, Матвей несколько раз определился по ним, уточнив место лодки. Когда до поворотного буя оставалось полторы мили, он снова поднялся на мостик, чтобы определиться по трем пеленгам. Но едва успел взять один пеленг, как объявили срочное погружение. Вслед за сигнальщиком Матвей нырнул в рубочный люк.

Лодка ушла на глубину двадцать метров. Не прошло и десяти минут, как рулевой доложил:

- Вышел из строя гирокомпас!

Сначала Матвей подумал, что это очередная вводная. Но, взглянув на репитер гирокомпаса, увидел, что картушка крутится. Матвей вышел из-за выгородки. Штурманский электрик старшина второй статьи Корнейчук осматривал матку гирокомпаса.

- В чем дело, старшина?

- Не ясно. Должно быть, замыкание.

Проверив цепь, старшина доложил:

- Замыкание где-то наверху.

Командир приказал всплыть. Корнейчук первым выскочил наверх. Вскоре он вернулся и набросился на рулевого-сигнальщика старшего матроса Бодрова:

- Растяпа! Почему не закрыл крышку репитера?

- А ты разберись сначала.

И тут Матвей вспомнил, что это он забыл закрыть крышку.

- Погодите, Корнейчук, - остановил он распалившегося старшину. - Бодров тут ни при чем. Это я не закрыл крышку.

- Вы? - старшина смущенно потупился. Потом спросил: - Разрешите наверх?

- Идите.

- Н-да, - протянул Дубровский, когда старшина ушел. - Этак вы однажды и рубочный люк забудете задраить, утопите всех нас. Хорошо еще, что не во время атаки произошло. Сорвали бы мне атаку...

Наверное, он долго еще продолжал бы в том же духе, но Крымов сказал:

- Идите-ка, Матвей Николаевич, помогите Корнейчуку.

7

Моросил мелкий холодный дождь. Немощеные тротуары раскисли, и Матвей шел по щиколотку в грязи. Он шел, не замечая ничего вокруг. Наверное, если бы сейчас перед ним возникла пропасть, он шагнул бы в нее.

Нет ничего противнее, чем сидеть и выслушивать соболезнующие высказывания и ловить на себе сочувственные взгляды.

Хорошо еще, что Крымов не стал задерживать. Что-то он скажет завтра на разборе?

Отвратительный вы тип, лейтенант Стрешнев. Вас учили, воспитывали, вас хорошо приняли, вам доверяли. А вы оказались просто растяпой. Корнейчук это подметил верно. Где-то в глубине души вы радовались, что вам сразу доверили боевую часть, пусть временно, но доверили. Вы думали о широких перспективах, которые открывались с первого дня. И оказались перед перспективой стать всеобщим посмешищем!

Может быть, Соня права - человек должен беречь те маленькие радости, которые предоставляет судьба? Ведь вам предлагали остаться в Ленинграде, но вы, видите ли, не захотели. Конечно, у вас нет опыта, в научно-исследовательском институте вы были бы просто мелким служащим, чиновником, никакую науку никуда не смогли бы двинуть. Вы это отчетливо сознавали и поэтому отказались идти в институт. Может быть, все же зря отказались? Пусть чиновник, пусть ничего не значащий исполнитель чужой воли. Но ведь Ленинград! Сейчас в Мариинке, наверное, идет "Лебединое озеро"...

Взвизгнули тормоза. Кто-то вскрикнул, кто-то дернул Матвея за рукав. Машину занесло и развернуло поперек дороги. Шофер открыл дверцу и длинно выругался. Так умеют теперь ругаться только шоферы, они дадут десять очков вперед любому нынешнему боцману.

- Может быть, вы все-таки поможете мне выбраться? Матвей оглянулся. Люся стояла рядом, в канаве.

- Извините. - Матвей протянул ей руку и помог выбраться из канавы.

- Как я испугалась!

- Он вас чуть не задавил?

- Да не меня, а вас! Я шла вам навстречу, вы посмотрели на меня и даже не заметили. Я пошла за вами. Что с вами?

Матвей молчал. Люся взяла его за рукав и, внимательно посмотрев в глаза, сказала:

- Я так напугалась, Матвей!.. За вас.

Матвей уловил в ее голосе тревогу и мягко сказал:

- Пойдемте-ка, Люсенька, в "Шторм"!

- Никуда я вас не пущу! Идите со мной.

Матвей покорно пошел за ней. Они шли долго. Люся ни о чем больше не спрашивала. Матвей тоже молчал.

Она привела его к себе домой. В коридор вышла ее мать. Матвей молча поклонился, а Люса попросила:

- Мамочка, согрей, пожалуйста, воды.

Люся проводила Матвея в маленькую комнатку, усадила на стул и приказала:

- Разувайтесь.

Она принесла таз с водой и, увидев, что Матвей еще не разулся, сказала:

- Ну что мне вас упрашивать, что ли? Ведь промокли же! Разувайтесь быстрее, а то вода остынет.

- Спасибо, но...

- Не спорьте, я не люблю, когда мне противоречат. Потом, порывшись в шкафу, достала носки.

- Попробуйте натянуть вот эти, они, кажется, побольше.

Носки были безнадежно малы, они едва прикрывали ступню.

- Ладно за неимением лучшего сойдет и так. А теперь садитесь вон туда, к батарее. - Люся взяла его носки, таз и вышла.

Матвей сидел и разглядывал висевшие на стене эстампы, портрет пожилого мужчины в форме моряка торгового флота. У него были такие же большие и строгие глаза, как у Люси. "Отец, - догадался Матвей. - Где он сейчас? В плавании?"

Матвей спросил об этом, когда Люся вернулась в комнату.

Она коротко ответила:

- Он погиб.

- В войну?

- После. Подорвались на мине.

- Кто-нибудь спасся?

- Почти все. Погибли трое. Он, помощник и механик. Отец был капитаном. А вы ведь знаете святое морское правило: капитан покидает судно последним.

- Да, знаю.

Она сидела, опустив голову. Матвей смотрел на нее и не знал, что сказать: он онемел от неожиданного радостно-щемящего волнения. И Матвей осторожно тронул ее за руку. Люся подняла голову, взглянула на него все еще отрешенно, потом удивленно и вдруг смутилась и покраснела. И Матвей понял, что она догадалась. Может быть, не обо всем, но инстинктивно почувствовала, что с ним происходит. И должно быть, испугалась этого, встала, отошла к окну и уже оттуда попросила:

- Ну а теперь рассказывайте.

- О чем?

- Что у вас приключилось? Неприятности по службе?

- Да.

- Большие?

- Не знаю.

- А все-таки?

- Несколько оплошностей. Но дело не в этом. Я, кажется, начинаю жалеть, что приехал сюда.

- А разве вас сюда не послали?

- Нет, я попросился сам. Меня оставляли в Ленинграде, в научно-исследовательском институте.

- Тогда все это просто противно.

- Что противно?

- А то, что вы киснете, Матвей! Это ужасно противно. Я вас сейчас просто ненавижу. - Но она произнесла это совсем даже не строго и в таком несоответствии смысла слов и интонации, что у Матвея опять защемило в груди, его опять охватило чувство радостного наполнения. Наверное, это чувство отразилось и в его взгляде, потому что Люся тихо сказала:

- Не смотрите на меня так.

Потом вдруг спросила:

- Скажите, Матвей, для чего вы живете?

- Я?

- Да, вы. И я, и другие. Вообще - для чего человек живет?

Матвей задумался. В самом деле, для чего? Его никогда никто не спрашивал об этом, он и сам никогда не думал. И сейчас просто не знал, что ответить.

Так для чего же вы живете, лейтенант Стрешнев? Может быть, только для того, чтобы жить в достатке, работать от и до, иметь уютную квартиру, покладистую жену? Ведь вы думали об этом.

Оказывается, вы, лейтенант Стрешнев, просто обыватель. Вам, видите ли, нужна уютная квартира, тихая жизнь, преферанс, кофе в постели... Вы просто с ума сходите по всему этому. Вы распустили слюни, представив, как все это было бы здорово. Вы,

конечно, были бы довольны!

Нет, вы не были бы довольны. Вы не сможете работать от и до. Вы просто не выдержите, если будете работать от и до. Вы будете довольны, если станете работать по шестнадцать часов в сутки. Вы будете просто счастливы, если удастся работать по восемнадцать часов. И вам совсем не хочется кофе в постели. Вам более приятен кипяток, который неведомо где раздобудет в три часа ночи подвахтенный сигнальщик. Вы будете страдать бессонницей в мягкой постели рядом с теплой женой. Но вы отлично засыпаете на холодном кожаном диване в кают-компании.

- Так для чего же? - нетерпеливо спросила Люся.

- Ответить каким-то одним словом я не могу. Я знаю, чувствую, а вот сказать коротко не умею. А почему вы меня об этом спросили?

- Мой отец об этом спрашивал, когда хотел узнать человека. Я тоже об этом многих спрашивала. Есть у нас один инженер. Карьерист, демагог, какой-то скользкий. Он сказал: "Все мы живем для того, чтобы построить самое светлое общество - коммунизм". Слова правильные, а звучали кощунственно. Сам-то он меньше всего думает о коммунизме. А есть у нас один старый рабочий Комов. Так он сказал: "Человек живет для того, чтобы работать. Задумал одно дело - сделал. А потом выше лезь, потому что ты есть человек, творец и не можешь остановиться!" Мне кажется, у Комова больше, чем у того инженера, понятия о коммунизме. Один к нему сам ступеньки прокладывает, а другой только разглагольствует о сияющих вершинах и норовит до них на скоростном лифте подняться, не работает, а выжидает, когда комовы построят коммунизм...

Матвей слушал Люсю с радостным удивлением. Все, что она говорила, было созвучно его мыслям. Он тоже не любил людей, жонглирующих громкими фразами, его раздражало то, что ими нередко пользовались ловкачи, приспособленцы.

- Вы меня не слушаете? - спросила Люся и усмехнулась: - Со стороны, наверное, покажется смешным - он и она сидят и философствуют. Давайте-ка пить чай.

Люся вышла и вскоре вернулась вместе с матерью, Надеждой Васильевной. Они стали накрывать на стол. Матвею следовало встать, чтобы не мешать им, но он сидел, стыдливо пряча ноги под стол.

За чаем говорили Матвей с Надеждой Васильевной, Люся почти не принимала участия в разговоре. Она исподволь наблюдала за Матвеем, видела, что и матери он понравился.

И все-таки странно, что вот так внезапно все это произошло.

А может, это именно так и бывает? Как это в песне поется: "Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь..." А может, это вовсе и не любовь? Ведь было же у нее однажды увлечение, еще в десятом классе. Правда, тогда все быстро прошло. А если и сейчас пройдет?! "Надо быть осторожнее, во всяком случае, не показывать, что он мне нравится", - решила Люся.

Когда Матвей прощался, Надежда Васильевна пригласила:

- Заходите, когда будете свободны. Правда, Люся по вечерам учится, но я всегда дома.

- Спасибо, зайду непременно.

Люся молча протянула руку и вопросительно посмотрела ему в глаза. Матвей окинул взглядом комнату, задержался на портрете. Старый моряк строго смотрел на него с фотографии, как бы спрашивая: "Для чего ты живешь?"

Матвей сказал тихо:

- Все в порядке. Капитан покидает судно последним. Люся кивнула.

* * *

Чаще всех письма получал Семен. Почтальон почти ежедневно приносил ему ответы из редакций газет и журналов с советами учиться у классиков. Однако это не останавливало Семена - он с еще большей настойчивостью продолжал писать стихи. Он сочинял их по любому поводу и в любое время, поодиночке и целыми циклами, записывая их не только в тетради, но и на клочках бумаги, на папиросных коробках и графиках дежурств. Иногда он по ночам вскакивал с постели, шлепая босыми ногами, подбегал к столу, зажигал настольную лампу и что-то торопливо писал в толстую тетрадь в коричневом ледериновом переплете. Стихи, собранные в этой тетради, относились к циклу лирических, и обитатели каюты холостяков называли их "произведениями на босу ногу".

А сегодня Семен получил сразу два отказа и, огорченный, ушел в Дом офицеров, как он заявил, "разлагаться". Это значило, что весь вечер он будет танцевать до изнеможения, чтобы, вернувшись в каюту, заснуть мертвецким сном.

Сенцов и Бутов были на вахте, и Матвей остался в каюте один. Это было весьма кстати, можно без помех позаниматься. Матвей открыл лоцию и стал изучать подходы к островному району. Но не прочел и двух страниц, как в каюту постучали и вошел Елисеев:

- Не помешал?

- Нет, что вы! Садитесь, пожалуйста. - Матвей подвинул стул.

Елисеев сел, оглядел каюту, спросил:

- Не скучаете по Ленинграду?

- Пока нет.

- А я скучаю. Люблю Ленинград и каждый свой приезд туда переживаю как большой праздник. Говорят, что у городов, как и у людей, у каждого свое лицо. Пожалуй, это верно. Ленинград - город неповторимый.

- Вы ленинградец?

- Нет, я костромской. Ленинград знаю с войны. С блокады. После войны учился там, в политическом училище. А сейчас редко приходится бывать - один раз в два-три года. - И без всякого перехода спросил: - Как настроение?

- Не кисну.

- Ну и правильно. Между прочим, Крымов не рассказывал вам, что он, будучи штурманом, однажды тоже забыл закрыть крышку репитера?

- Нет. Наверное, не успел, я ведь, как вернулись, так сразу в город ушел. А с ним тоже случалось такое?

- С кем не случается на первых порах...

8

Все произошло внезапно. Кок Афонин закладывал в котел мясо, когда в уши ворвался резкий свист. Афонин обернулся, и в лицо ему ударила струя пара. Закрыв лицо руками, матрос бросился к двери, но не добежал - упал без сознания. Хорошо, что в тот момент, когда лопнул паропровод, на камбузе был один Афонин, и никто из коков больше не пострадал.

Но Афонин оказался в тяжелом состоянии. В госпитале, куда сразу же отвезли матроса, определили, что поражено ожогами первой, второй и третьей степени восемьдесят процентов поверхности тела. Главный хирург, осмотрев пострадавшего, молча покачал головой. На вопрос Крымова, выживет ли матрос, он долго не отвечал, потом тихо сказал:

- Случай тяжелый. Но больной должен выжить. Сделаем все, чтобы выжил.

Утром в госпиталь отправился Елисеев. Пробыл он там недолго, вернулся встревоженный.

Крымов, встретив его у казармы, спросил:

- Плохо?

- Очень. Почти безнадежно.

Они вошли в каюту Крымова. А вскоре туда был вызван дежурный, и по кубрикам рассыпались трели боцманских дудок и торопливые голоса дневальных:

- Личному составу двадцать шестой - большой сбор!

Когда Матвей, на ходу застегивая китель, выбежал в коридор, Дубровский уже выравнивал строй. Матвей занял свое место на правом фланге, где стояли офицеры. Из каюты командира вышли

Крымов и Елисеев. Дубровский, скомандовав "смирно", побежал им навстречу докладывать, но Крымов жестом остановил его. Выйдя на середину коридора, командир сказал:

- Друзья! Вы знаете, что вчера с нашим коком, матросом Афониным, произошло несчастье: лопнул паропровод, и его сильно обожгло. Положение Афонина тяжелое. Ему нужно сделать пересадку кожи, переливание крови. Надо очень много кожи. Операция эта мучительная, но без нашей помощи Афонин не выживет. - Крымов сделал небольшую паузу, обводя строй внимательным взглядом. - Кто желает помочь товарищу, дать ему свою кровь и кожу - прошу выйти из строя.

На миг воцарилась тишина. Матвей видел, как на бледном лбу командира собираются складки, слышал, как стучит собственное сердце. "Неужели никто?" - с тревогой подумал Матвей и покосился налево.

И вдруг строй дрогнул, матросы шагнули вперед. Все до единого.

- Спасибо, товарищи, - поблагодарил Крымов. - Я рад, что никто из вас не пожалел себя ради спасения товарища. Это по-нашему, по-матроссски. Еще раз спасибо вам, моряки! Сами понимаете, что кровь или кожу будут брать у самых крепких из тех, у кого совпадает группа крови.

Строй распустили. Офицеры молча разошлись по каютам. Матвей пошел в кают-компанию. Обращение командира не относилось к офицерам, они стояли отдельно. Но что-то толкнуло Матвея встать в матросский строй. Из офицеров он один вызвался помочь Афонину, и теперь им овладело беспокойство. "Почему другие офицеры не вышли?" - думал он, шагая по узкой тропинке к корпусу, где размещались столовые.

"Неужели я поступил неправильно? Но ведь помочь попавшему в беду человеку - долг каждого, в том числе и офицера. Или я чего-то недопонимаю? Впрочем, сейчас все должно проясниться. Да, сейчас, в кают-компании..."

Офицеры собирались по одному и молча прохаживались в коридоре, стараясь не смотреть друг на друга. Наконец появился Крымов и пригласил всех к столу.

Первым заговорил Дубровский.

- По-моему, вы, лейтенант, не совсем правильно поступили, - сказал он, обращаясь к Матвею. - Что вы этим хотели доказать?

- Как доказать? - удивился Матвей. - Ничего я не хочу доказывать. Просто хочу помочь Афонину.

- А разве мы не хотим? - Дубровский обвел сидящих за столом взглядом, ищущим поддержки. Но все сосредоточенно смотрели в тарелки. - Мы тоже хотим помочь. Но не забывайте,

что Афонин матрос, а вы офицер.

- При чем тут это? Он прежде всего человек. Человек, попавший в беду. И я человек. Помочь ему - просто человеческий долг. Я вас не понимаю.

- Не понимаете, - спокойно подтвердил Дубровский. И назидательно продолжал: - Вы еще многого не понимаете, офицер вы еще молодой.

- Тогда объясните, в чем я не прав.

- И объясню. Вы просто хотели выделиться, показать матросам: вот, мол, я какой, лучше всех...

- Что?! - Матвей побледнел и поднялся. Кто-то положил руку ему на плечо. Матвей оглянулся. Елисеев смотрел на Матвея, как бы говоря: "Погоди, не горячись". Матвей опустился на стул.

- Николай Федорович, - обратился Елисеев к Дубровскому. - Вы не ответите на один вопрос? В прошлом году, когда вас смыло, главный старшина Проценко бросился за борт и спас вас. О чем вы тогда думали, если не секрет?

- Если это вас интересует, извольте, - согласился Дубровский, не понимая еще, куда клонит замполит. - Я, разумеется, был очень благодарен Проценко и считал, что он с честью выполнил свой воинский долг.

- И только? - Обычно хрипловатый голос Елисеева вдруг стал звонким, в нем появились угрожающие нотки. Это было так непривычно, что все насторожились. Кажется, только Дубровский не уловил этой перемены и спросил с обычной усмешкой:

- А что еще?

- Ну а если бы не вас, а Проценко смыло за борт? Вы бросились бы его спасать?

- Я принял бы все меры к спасению.

- Нет, вы прямо скажите: сами, лично, вы бросились бы за ним за борт?

- Все зависело бы от ситуации. Если бы это был единственный выход...

- Так! - Елисеев гневно посмотрел на Дубровского. - Значит...

- Позвольте мне высказать свое мнение, - прервал замполита молчавший до этого командир, видя, что разговор может накалиться до предела. - Лейтенант Стрешнев поступил правильно. И с точки зрения человеческого долга, и с точки зрения долга воинского. Когда матрос жертвует жизнью ради спасения командира, вы считаете это нормальным. А если матросу угрожает опасность, вы не считаете нужным рисковать ради его спасения. Почему? Откуда у вас взялось такое мнение, Николай Федорович? - Теперь командир обращался не к одному Дубровскому, а ко всем. - Это мнение глубоко ошибочно, и

проистекает оно от неуважения к людям. Формально моя просьба не относилась к вам, и в этом, может быть, моя ошибка. Я уверен, что многие из вас готовы помочь Афонину. Лейтенант Стрешнев поставил вас в неловкое положение. Но порыв его по-человечески понятен.

Крымов умолк и поочередно оглядел всех сидящих за столом. Офицеры сидели, мрачно потупившись. Семей задумчиво водил вилкой по пустой тарелке. Молчание становилось тягостным. Первым не выдержал Андрей Бутов.

- Мне очень стыдно, товарищи, - сказал он. - Я даже не знаю, почему я не поступил так, как Стрешнев.

- И мне стыдно, - признался Семен. - Надо было сообразить и поддержать Матвея. И зря вы, товарищ командир, обошли нас. Нам надо быть ближе к матросам.

- Куда уж ближе? На лодке и так повернуться негде, - заметил Дубровский.

- Но это совсем не означает близости, - возразил Семен. - Я говорю о другом - о душевной близости.

- Правильно, - поддержал Семена Андрей Бутов. - У нас еще много ненормального во взаимоотношениях с матросами. Взять случай с Бодровым. Матрос увидел, что пьяный пристает к девушке, и заступился за нее. Попал в комендатуру за драку. Ну ладно, пусть в комендатуре не разобрались. А ведь мы-то могли разобраться, если бы поверили матросу, выслушали его. А мы его и слушать не захотели, потому что так уж повелось: если человек попал в комендатуру, то он безусловно виноват. Не доверяем мы еще людям. А напрасно! Они и сегодня показали, что заслуживают доверия и уважения.

- Я считаю, что у нас есть необходимость более обстоятельно поговорить об этом, - сказал Крымов. - После завтрака прошу всех быть на своих местах. Возможен выход в море.

* * *

Афонину стало хуже. В госпиталь срочно отправили группу отобранных врачом моряков.

Кровь взяли лишь у матроса Файзуллина и главного старшины Проценко. Кожу отдали матросы Ивонин, Шаров, Василенко, старший матрос Катрикадзе, старшина второй статьи Шухов и лейтенант Стрешнев.

Кожу брали с бедер. Рана заживала медленно, и почти две недели Матвей ходил с палочкой. Лодка ушла в море, и оставшиеся на берегу в первые дни с утра до вечера "забивали козла". Но скоро это всем надоело, и матросы заскучали. Матвей, оставшийся за старшего, не знал, чем их занять.

Кто-то принес в кубрик слух: в связи с сокращением флота

часть лодок будет законсервирована.

- Брехня все это, - категорически заявил Проценко. - Что угодно будут консервировать, только не лодки. Ну, скажем, старые миноносцы или другую какую посуду, вроде "стотонников", но только не лодки. Это было бы просто глупостью.

- Не скажите, товарищ главный старшина, - возразил Ивонин. - Если всеобщее разоружение, то и лодки не нужны. Вон даже крейсера начали резать...

- Вы что же думаете, они там, - Проценко махнул рукой, - будут вооружаться, а мы одни будем разоружаться?

- А вот придет у них к власти новый президент, и они, может быть, согласятся на разоружение.

- Я в этом не уверен. Империалисты есть империалисты.

- Товарищ лейтенант, - обратился к Матвею матрос Ивонин, - а с тех кораблей, которые на консервацию поставят, матросов домой отпустят?

- Вам что, тоже домой захотелось? - спросил Матвей.

- Да ведь как сказать. Я - подводник, а мы еще нужны, парторг тут верно заметил, что глупо было бы нас распускать. Тут уж хочется нам или не хочется, а служить надо. Так что я про себя и не говорю. Я про других спрашиваю.

- А вы и про себя скажите, - попросил Матвей.

- Так ведь я уже сказал, товарищ лейтенант. Надо, - значит, надо.

- Я не о том. Домой-то хочется?

- Тянет, конечно. Руки вот, - Ивонин показал свои ручищи, - по работе истосковались. Я ведь по гражданской специальности - каменщик. Самая ходовая теперь специальность.

- Нынче всякая специальность ходовая, - заметил Проценко.

- Нет, не всякая, - возразил Ивонин. - Взять, к примеру, кондукторов. Выходят они из моды, автобусы-то нынче без кондукторов. Или - магазины без продавцов. А каменщики завсегда будут. Даже при коммунизме. Потому что заводы, дома и прочее строительство всегда будет.

- Скоро и дома из металла и пластмассы начнут строить. Сборные, легких конструкций.

- Когда это еще будет. На мой век работы хватит. А не хватит переучусь...

Прислушиваясь к разговору матросов, Матвей подумал, что все они, в сущности, люди глубоко мирные. Но "надо, - значит, надо" - и служат. Хорошо, честно.

В дверь просунулась голова дневального:

- Товарищ лейтенант, вас к телефону!

Звонила палатная сестра, ухаживающая за Афониным.

- Что случилось? - встревоженно спросил Матвей.

- Ничего не случилось, не волнуйтесь, - успокоила сестра. - Ему немного лучше. Но, видите ли, какое дело: ему сейчас надо принимать очень много жидкости, а он почти не пьет. В таких случаях рекомендуется пиво. А пиво, сами понимаете, не предусмотрено нормами снабжения госпиталя. Я хотела сама купить, но в городе пива нет. Говорят, что бывает в вагон-ресторане ленинградского поезда.

- Когда он приходит?

- В девятнадцать пятьдесят.

- Хорошо, я вечером приду.

Матвей позвонил начальнику политотдела, но того не было - ушел в море. Комбриг оказался на месте и, выслушав Матвея, сказал:

- Возьмите мою машину. Шофер вам поможет. Передайте Афонину, что я к нему часов в десять заеду - раньше никак не смогу.

До прихода поезда оставалось более часа и Матвей решил заехать к Люсе. Все эти дни, оставшись за старшего, он никак не мог вырваться в город.

У Люси был свободный от занятий вечер, она оказалась дома.

- Вы? - удивилась она, открывая дверь.

- Не ожидали?

- Признаться, нет. Но рада вас видеть. Проходите.

- Извините, некогда. Я спешу на вокзал. Поедемте вместе, а то боюсь, что у нас другого времени не будет, а в ближайшую неделю я не смогу выбраться в город.

- Но я не одета.

- А, пустяки. Идемте.

Когда шли к машине, Люся, заметив, что Матвей прихрамывает, спросила:

- А что у вас с ногой?

- Так, пустяки. Растяжение. Как поживает чета Курбатовых?

- А вы у них давно не были?

- С тех пор как мы с вами там встретились.

- Так вы ничего не знаете? Алексей получил орден. Правда, не говорит, за что.

- Надо будет зайти поздравить.

- Завтра у Симы свободный вечер, и Алексей, вероятно, будет дома.

- А вы там будете? Я очень хочу, чтобы вы тоже пришли.

- Ну, если очень, - Люся улыбнулась, - то, может, и приду. Но вы же говорили, что не сможете еще целую неделю выбраться.

- Ну, ради такого случая постараюсь.

- Ради какого? - Она внимательно посмотрела на Матвея.

- И ради ордена и ради вас, - ответил он прямо. - Честно говоря, я скучал без вас.

- Не надо об этом, - тихо попросила она.

- Вы мне не верите?

- Я бы хотела вам верить. Но боюсь.

- Чего?

Она не ответила. То ли не захотела, то ли не успела: они уже подъехали к вокзалу.

Вскоре подошел поезд. Директор ресторана, молодой розовощекий верзила, долго не соглашался продать ящик пива. Матвей терпеливо объяснял ему, что пиво нужно для лечения. Директор не хотел верить такому объяснению, но тут подошла официантка и спросила:

- Ожог?

- Да.

- При ожогах пиво действительно полезно, иногда даже необходимо.

Оказалось, что официантка раньше работала медсестрой. Директор приказал буфетчице отпустить ящик пива и даже сам отнес его в машину.

* * *

...Белый-белый сверток. Только две щели: одна для глаз, другая для рта.

Афонин похож на новорожденного: забинтованный с головы до ног, беспомощный. Сестра с ложечки кормила его манной кашей. Увидев Матвея, Афонин попытался улыбнуться.

Сестра пожаловалась, что больной плохо ест. Матвей открыл пиво и заставил Афонина выпить целую бутылку Ц доесть кашу.

- Ну вот и молодец, - похвалил он матроса.

Сестра осторожно поправила подушку. Афонин слабым голосом поблагодарил ее. Ему больно было даже говорить" Матвея охватило острое чувство сострадания.

Как-то Матвей обжег утюгом палец. Он долго дул на палец, прикладывал его к холодной спинке кровати, опускал в холодную воду, а боль все не утихала. На пальце образовалось пятнышко скоробившейся кожи. Пятнышко. А здесь - все тело. Почти без кожи. Живое мясо. Раз в неделю Афонину должны делать перевязку. Матвей представил, как отмачивают присохшие к телу бинты, и содрогнулся.

Он сказал Афонину, что лодка ушла в море, что вечером его собирается навестить комбриг. Потом Матвей вспомнил, что привез матросу письмо, - оно пришло сегодня.

- Прочитать? - спросил Матвей, доставая письмо.

- Покажите, - попросил матрос.

Матвей поднес к его лицу конверт. Афонин пробежал глазами адрес и попросил:

- Положите под подушку, я потом прочитаю.

Матвей сунул конверт под подушку. Подумал, что матрос сам не сможет достать письмо и распечатать - руки у него забинтованы. "От девушки, и он стесняется", - догадался Матвей. Афонин смотрел в потолок. Может быть, сейчас он думал о том, как отнесется к его беде девушка. Он был сильным и красивым парнем. И уже никогда не будет прежним его лицо, здоровым и сильным его тело.

"Обидно будет, если девушка его предаст, - подумал Матвей. - Да, обидно. А как поступил бы Афонин, случись такая беда с его девушкой? Неизвестно, как. Может, бросил бы ее. Женщины великодушнее и самоотверженнее в любви. И все-таки надо будет написать этой девушке".

Матвею захотелось как-то утешить матроса, и он сказал:

- Ничего, не в этом красота человека.

Афонин покосился на него и промолчал. Когда Матвей уходил, матрос попросил:

- Домой ничего не сообщайте, я потом сам напишу. А вместо меня на камбуз пусть назначат матроса Варосяна, он к нам недавно пришел. Небось сейчас плохо кормят? "Удивительные все-таки люди у нас", - думал Матвей, возвращаясь в гавань.

9

Лодка вернулась утром. Дубровский, оставшийся за командира, уехавшего в отпуск, приказал всем отдыхать. Весь день матросы спали. Перед ужином Дубровский подвел итоги похода, сделал несколько замечаний. Впрочем, замечания были несущественные. В целом лодка задачу выполнила, стрельбу провели с оценкой "отлично".

После ужина к Матвею подошел старший матрос Бодров:

- Товарищ лейтенант, я бы хотел с вами поговорить.

- Пожалуйста.

Они зашли в каюту. Увидев, что Матвей не один, Семен вышел, чтобы не мешать. Таков был их неписаный закон.

- Я вас слушаю, Бодров.

Неожиданно матрос спросил:

- Товарищ лейтенант, есть у нас правда?

- Что вы имеете в виду?

- Уж на службе-то, думал, все по справедливости делается, а теперь вижу, что и тут обман.

- Да вы объясните толком, в чем дело. О каком обмане вы

говорите?

- А вот последняя стрельба. Вас, правда, не было в этом походе. Когда мы отстрелялись, старпом стал выводить оценку. Что-то там подсчитал, и у него, видно, не вышло отличной оценки. Тогда он говорит мне: "Напиши, Бодров, что обе торпеды прошли в районе трубы". Я во время стрельбы был на корабле - цели, в группе записи, видел, что торпеды прошли под кормой. Ну, приказ есть приказ, я написал, что в районе трубы. Вот и вышла отличная оценка...

Что ему ответить? Матвея беспокоил и сам подлог, и в особенности настроение матроса. До этого все казалось просто: есть офицеры, которые отдают приказания, и есть матросы, которые их исполняют. И все зависит от того, насколько тактически грамотно и правильно мыслит офицер и насколько умело и быстро исполняют его приказания матросы. Если они хорошо обучены и дисциплинированны, значит, все в порядке.

Но теперь он вдруг увидел, что все не так просто. Анализ и оценка действий проводятся не только в кают-компании. В матросских кубриках идет свой суд, свое обсуждение этих действий. Что сейчас думают матросы? Моральная травма нанесена не одному Бодрову. Наверное, есть и другие матросы, у которых поколебалась вера в справедливость. Как они будут действовать завтра? Офицеры проявляют поистине трогательное участие к Афонину, получившему большую физическую травму. А можно ли отмахнуться от Бодрова, от других, которые травмированы морально? Ведь от этого зависят их работоспособность, настроение.

Может быть, оставить все это на совести Дубровского? Может быть, на лодке были и другие подобные факты и о них знают? Что ты знаешь, ведь ты служишь тут без году неделю? Имеешь ли ты право вмешиваться, не сочтут ли тебя выскочкой?

А разве важно, что о тебе подумают, а не то, что ты обязан сделать? Если даже не только Дубровский, а и все остальные будут против тебя, ты должен поступить так, как подсказывает совесть.

- Вот что, Бодров. Я не знаю, как все это было. Я вам верю. Да, это обман, ложь. Этого не опровергнешь, факт - упрямая вещь. Но это лишь отдельный факт. Очень хорошо, что вы рассказали мне о своих сомнениях. Я не знаю, что я сделаю, но я сделаю все, что смогу. Досадно, что я сам не был в походе.

- Товарищ лейтенант, вы можете ссылаться на меня, я не боюсь.

- Хорошо, Бодров. А почему вы пришли именно ко мне?

- Я на это не сразу решился. Конечно, можно было бы пойти к

замполиту, к Петру Кузьмичу. Он бы тоже правильно все рассудил. Не потому, что должность его такая, а потому, что человек он настоящий. Но я пошел к вам, потому что ведь нам с вами вместе служить.

- Спасибо за откровенность. Я постараюсь не обмануть вас, Бодров.

- Разрешите идти? - весело спросил матрос.

- Идите.

Бодров вышел.

Матвей взволнованно шагал по каюте. Что теперь ты должен предпринять, лейтенант Стрешнев? Пойти к Елисееву? Но это мог сделать в Бодров. Однако он пришел к тебе. Он ждет от тебя не сочувствия, а действий. Каких?

Пожалуй, Матвей никогда не нуждался в совете так, как сейчас. Но ни Вадима, ни Андрея не нашел ни в казарме, ни на лодке, наверное, они ушли в город.

"А почему, собственно, не спросить у самого Дубровского, не высказать ему прямо в глаза все, что я думаю по этому поводу, не потребовать от него объяснений? Пусть он старший по званию и по должности, но ведь мы оба коммунисты..."

Дубровский выслушал его спокойно и, помолчав, холодно спросил:

- У вас все?

- Да. Но я хотел бы знать, почему вы это сделали.

- Потому что мне дорога честь лодки, на которой мы служим. Правда, вы-то служите без году неделю, а я подольше.

- Но если вы заботитесь о чести лодки, то почему же решили оберегать ее столь бесчестным способом? Вряд ли экипаж согласится таким образом отстаивать честь.

- А вы не говорите за весь экипаж.

- Я верю в порядочность наших людей.

- А в мою, значит, не верите?

- Извините - не верю, - твердо сказал Матвей.

В глазах Дубровского мелькнуло сначала удивление, потом вспыхнула злость. Но Дубровский сумел подавить ее и сказал совершенно спокойно:

- Вы, товарищ лейтенант, просто еще не понимаете многого. Ничего, служба обломает вас.

- Служба или вы? - усмехнувшись, спросил Матвей. Дубровский внимательно посмотрел на него и заметил:

- Однако дерзости вам не занимать. Ну да ладно, по молодости и это простить можно. Но вот вам мой добрый совет: не лезьте не в свое дело. У вас своих забот хватит, а если не хватит, я вам их добавлю. А с моими позвольте мне самому

разобраться. А сам не сумею - вышестоящие начальники помогут. Кстати, они обо всем знают, вы тут не сделали открытия. Что касается вашего личного мнения, то оставьте его при себе. Все, можете идти, - сухо закончил Дубровский и начал перебирать Лежавшие на столе бумаги.

Стрешневу не оставалось ничего другого, как выйти. "Ну и чего я добился? Если Дубровский сам доложил обо всем начальству, то мне действительно нечего соваться в это дело..." Эта мысль хотя и не принесла Стрешневу удовлетворения, но все-таки он испытывал облегчение от того, что все высказал Дубровскому.

В тот же вечер Стрешнева вызвал замполит. Елисеев открыл ящик письменного стола, достал оттуда телеграмму:

- Читайте.

Матвей развернул телеграмму:

"Ваш запрос положении семьи Катрикадзе сообщаю все живы здоровы справка тяжелой болезни матери фиктивная райвоенком Логинов".

Матвей свернул телеграмму и положил ее на стол.

- Что скажете? - спросил Елисеев.

- А что тут скажешь? - Матвей провел ладонью по волосам. - С одной стороны, обман. А с другой - тот же Катрикадзе отдал кожу Афонину. Причем, заметьте, в тот самый день, когда собирался в отпуск. Что теперь с ним прикажете делать? Наказать за обман, конечно, надо.

- Надо, - подтвердил Елисеев.

- И самоотверженный поступок Катрикадзе нельзя не отметить.

- Совершенно верно, - согласился замполит.

- Выходит, его надо одновременно и наказать и поощрить?

- Если подходить к делу формально - да.

- А мы не имеем права отнестись к этому формально. Так ведь? - спросил Матвей.

Елисеев рассмеялся:

- Вы что, Матвей Николаевич, интересуетесь моим мнением? А я хочу сначала выслушать ваше.

- Я думаю, что дело тут не просто в наказании или поощрении. Но ни то ни другое сейчас применять нельзя.

- Верно. Так как же поступить с Катрикадзе?

- Надо подумать.

- Давайте вместе и подумаем. - Елисеев вышел из-за стола и сел рядом с Матвеем. - Чем особенно вреден поступок Катрикадзе? Тем, что он подрывает у нас с вами доверие к другим матросам. Сегодня обман Катрикадзе раскрылся. Этот случай,

безусловно, насторожит всех офицеров. И может случиться так, что у кого-то из матросов действительно случится несчастье. Что будем делать? Опять посылать запрос в военкомат? А нам ответят через неделю. Представляете, какое настроение будет у матроса в течение этой недели? А дальше: отпустим мы матроса в отпуск, приедет он домой, а мать уже похоронили. Горько ему станет? Очень. И эта горечь останется на всю жизнь. Ну а о том, как дальше пойдет у матроса служба, говорить не приходится. Значит, что же получается? Кому больше всего навредил Катрикадзе? Своим товарищам. По служебной линии мы его, разумеется, накажем. А вот что делать с ним как с комсомольцем, пусть они решают сами. Я думаю, что такие, как Бодров, решат правильно.

- Значит, вы предлагаете обсудить это на собрании?

- Да, надо, чтобы его хорошенько пропесочили. Но чтобы и не отпугнули от коллектива.

Елисеев встал и прошелся по каюте. Стрешнев, наблюдая за ним, молчал. Он уже догадывался, что замполиту уже известно о разговоре с Дубровским, наверное, и телеграмму Елисеев показал не случайно именно сейчас. Интересно, что он скажет?

Однако Елисеев не торопился. Он еще несколько раз прошелся по каюте, сел за стол и выжидательно посмотрел на Стрешнева. Но тот молчал, и Елисеев заговорил сам:

- Мне импонирует ваша непримиримость и прямота. Пожалуй, горячность тоже. Не люблю слишком осторожных и подозрительно благоразумных. Этим иногда прикрывается трусость. Однако сами по себе осторожность и благоразумие не такие уж плохие качества, вам они, во всяком случае, не повредили бы. Будьте сдержаннее. Но упаси вас бог отступиться от принципов. Вы меня поняли?

- Да, спасибо.

- И не считайте, что сегодня вы попусту бились лбом об стену.

Матвей покраснел, вспомнив, что после разговора с Дубровским у него действительно было ощущение бесполезности этого разговора. "Но как Елисеев догадался об этом?" - недоумевал он.

* * *

Алексея еще не было. К огорчению Матвея, и Люси не было. Сима что-то шила. Она поднялась навстречу Матвею.

- Проходите, раздевайтесь. Алеша скоро должен прийти. Что это у вас с ногой?

- Так, пустяки.

- Садитесь вот сюда. Вы не возражаете, если я буду шить?

- Что вы, пожалуйста!

Сима снова взялась за шитье. Матвей увидел, что она шьет детскую распашонку.

- Кому это вы? - спросил он.

Сима улыбнулась:

- Алешке.

- Нет, серьезно?

- А я серьезно и говорю: нашему сыну Алешке.

- Ну? Это же здорово! А когда он?..

- Долго еще ждать, - вздохнула Сима. - В июне.

- Не так уж долго.

- Это - со стороны. А нам кажется, что очень долго. Вот женитесь узнаете.

Стремительно вбежала Люся.

- Собирайтесь, идем на концерт! - еще с порога крикнула она, размахивая билетами. - Здравствуйте, Матвей! А где Алексей?

- Еще не пришел.

- Опоздает - пусть пеняет на себя. Едва удалось достать билеты. Да одевайтесь же!

- Что здесь за шум и что тому причиной? - спросил Алексей, входя в комнату. - О, здесь, я вижу, все спешат куда-то.

- Поздравляю тебя с наградой! - пожимая руку Алексею, сказал Матвей.

- Спасибо, я тебя тоже поздравляю. Молодец! Как твоя нога?

- Хожу. А ты откуда знаешь?

- В газете прочитал.

- Где?

Газеты приходили в Синеморск вечером, и Матвей еще не успел просмотреть их.

- А ты не видел? Вот, смотри. - Алексей вытащил из кармана газету, развернул. На первой полосе под крупно набранным заголовком "За жизнь товарища" были помещены фотографии всех, кто отдал Афонину кожу и кровь. Первой была фотография Матвея, снятого в парадной форме. Наверное, эту фотографию взяли из его личного дела.

Люся, вырвав у Алексея газету, пробежала текст и с усмешкой спросила:

- Значит, "растяжение"?

Начали расспрашивать о подробностях, но Матвей напомнил:

- Мы опоздаем на концерт...

Мороз расстелил на ночь по улицам белые холодные простыни, и они крахмально похрустывали под ногами. Люся взяла Матвея под руку, поежилась:

- Холодно.

- Зима здесь всегда такая?

- Нет, морозы случаются редко. Чаще всего бывают дожди и туманы.

- Обычный приморский климат.

- Морозы все-таки лучше, чем сырость. Со снегом как-то уютнее. Я бы запретила в городах убирать его с улиц. А то никакого ощущения зимы.

- А я думал, вы любите только тепло.

Люся рассмеялась. Потом вдруг серьезно спросила:

- Вы и в самом деле так обо мне думаете?

- Примерно.

- Мне абсолютно безразлично, что вы обо мне думаете.

- Неправда.

- Нет, правда!

Их догнали Алексей и Сима.

- О чем спор? - спросила Сима.

- Так, о погоде, - уклончиво ответила Люся.

- Абсолютно неизбежная тема при первом знакомстве, - заметил Алексей. Мы с Симой тоже с этого начинали.

- Верно, верно, - подтвердила Сима.

- Что вы этим хотите сказать? - насторожилась Люся.

- Когда молодой человек начинает говорить с девушкой о погоде, назидательно поднял палец Алексей, - это может привести или к мелодраме со счастливым концом или к несчастью: если девушка красива, это грозит стихийным бедствием.

- А ну вас, - отмахнулась Люся. - Вы мне надоели, Алексей. Вечно вы что-то изрекаете. Вот именно - не говорите, а изрекаете.

- Я требую сатисфакции! - Алексей бросил к ногам Люси перчатку и стал в позу фехтовальщика.

- Послушайте, мы опаздываем, - взмолилась Сима.

До начала концерта оставалась одна минута, они уже не успевали.

Контролер, поворчав для порядка, все же впустил их в зал. Свои места им пришлось разыскивать в полумраке. На них зашикали. Матвей наткнулся больной ногой на стул и еле доковылял до своего места. Должно быть, тонкая кожица, затянувшая рану, лопнула: Матвей почувствовал, как теплая струйка крови потекла по ноге. Он обхватил руками ногу, пытаясь остановить кровотечение, но это не помогло.

- Что с вами? - встревоженно спросила Люся.

- Я, пожалуй, выйду. У меня, кажется, открылась рана.

- Подождите. - Люся что-то шепнула Симе и поднялась. - Обопритесь на мое плечо!

- Я сам. Вы оставайтесь.

Но Люся взяла его руку, положила себе на плечо, и они пошли к выходу. На них опять зашикали, а сидевшая в последнем ряду женщина пристыдила:

- Если уж напился, так сидел бы дома. И как только не стыдно. А еще офицер!

Оставив Матвея в вестибюле, Люся куда-то убежала и вскоре подъехала на такси. Она помогла Матвею сесть в машину и сказала шоферу:

- В госпиталь, пожалуйста.

- Что вы! - запротестовал Матвей. - Из-за такого пустяка в госпиталь. Я сам перевяжу, надо только купить в аптеке бинт.

Но машина уже мчалась по заснеженной улице к госпиталю.

Дежурный врач, осмотрев бедро, заметил:

- Надо было еще дня три-четыре полежать. Рано вы встали.

Люся ждала в такси.

- Ну что? - спросила она.

- Я же говорил, что пустяки.

- Я знаю, что это не смертельно. Но если уж вы "растянули" ногу, так будьте добры выполнять предписания врачей. Садитесь, я отвезу вас в гавань.

Почти всю дорогу они молчали. Люся забилась в угол машины. Матвей тоже сидел неподвижно и смотрел в ветровое стекло на мелькавшие огоньки домов, на смутные фигурки редких прохожих. Наконец Матвей сказал:

- Нехорошо получилось. Из-за меня вы не послушали концерт.

- Не велика беда.

- Теперь когда еще приедут из Большого театра?

- Перестаньте!

Матвей взял ее руку, поцеловал пахнувшую духами ладонь и потерся о нее щекой.

- Не надо, - Люся осторожно высвободила руку. Они уже подъезжали к гавани.

10

Погода была не по-осеннему тихой, ярко светило солнце. То и дело снизу доносилось:

- Товарищ вахтенный офицер, разрешите подняться наверх?

На мостике и так уже было тесно, но Вадим Сенцов, стоявший вахтенным офицером, разрешал подниматься наверх. Лодка долго будет в подводном положении, пусть матросы подышат свежим воздухом. На полигоне находится сейчас заводская лодка, оборудованная новейшей гидроакустической аппаратурой, и двадцать шестая будет работать с этой лодкой.

До полигона оставалось около четырех миль, когда

радиометрист доложил:

- Малая цель, правый борт, сто двадцать!

Все находившиеся на мостике смотрели в этом направлении, но никто ничего не видел. Вадим поднес к глазам бинокль и тотчас воскликнул:

- Перископ!

Дубровский взял бинокль, несколько минут смотрел, но перископа не увидел.

- Ничего там нет, да и не может быть. В море сейчас вместе с заводской три лодки. И все они в полигоне.

- Может, из базы еще какая-нибудь вышла?

- Дали бы оповещение.

В это время акустик доложил:

- Слышу шум винтов, правый борт, сто двадцать пять. Сомнений не оставалось, это была лодка. Но чья? Почему о ней не дали оповещения?

- Боевая тревога! Право на борт! Акустику удерживать цель!

С мостика всех точно ветром сдуло. Остались только Дубровский, Сенцов и рулевой.

- В радиорубке! Дать оповещение по флоту!

У комбрига шло совещание, когда оперативный дежурный доложил об обнаружении подводной лодки.

- Что за черт! Все наши в полигоне. Дубровский не путает?

- Никак нет, он продолжает удерживать контакт с обнаруженной лодкой.

- Поднимите все лодки в полигоне!

Совещание прервали. Уваров перешел в комнату оперативного дежурного, склонился над большим планшетом с черными макетиками всех кораблей и судов, находящихся в море.

Лодки, работавшие в полигоне, всплыли. Все они были на своих местах. Двадцать шестая продолжала удерживать контакт с неизвестной подводной лодкой. Из базы вышла поисково-ударная группа малых противолодочных кораблей. К месту обнаружения лодки шел тральщик. На ближайшем аэродроме готовился к вылету вертолет противолодочной обороны.

Первым подошел тральщик, на борту которого находился командир бригады траления капитан первого ранга Самохин. Акустик установил контакт с лодкой. Командир тральщика капитан-лейтенант Баскаков приказал:

- Акустики, удерживать контакт!

- Что вы намерены делать? - спросил Самохин.

- Как что? - удивился Баскаков. - Принудить лодку к всплытию. В наших территориальных водах любая чужая лодка может находиться только в наводном положении.

Самохин досадливо поморщился:

- А вы уверены, что это не наша?

- Не было оповещения.

- Может, и было, а ваши радисты не приняли.

- Вот этого никак не могло случиться, товарищ капитан первого ранга. Радисты у меня хорошие.

В это время акустики доложили, что лодка увеличила ход и направляется за пределы территориальных вод.

- Ну и черт с ней, пусть уходит, - отмахнулся Самохин. - Ложитесь на курс в базу.

На двадцать шестой, увидев, что тральщик повернул на обратный курс, недоуменно переглянулись.

- Что они делают? Это же идиотизм! - воскликнул Дубровский.

- Может, это наша лодка? - сказал Вадим, наблюдавший за тральщиком в бинокль. - На борту тральщика комбриг, ему виднее. Посмотрим, может, еще всплывет.

Но лодка не всплывала. Штурман доложил, что она идет к границе территориальных вод.

- Уйдет! - Дубровский с досады выругался. У него не оставалось сомнений, что лодка чужая, и не будь здесь тральщика, он вынудил бы ее всплыть. Но поведение комбрига сбивало его с толку. Может, командир бригады траления лучше знает обстановку и у него есть основания сомневаться? Конечно, Дубровский формально не подчинен Самохину. Но тот был сейчас старшим и был вправе отдавать распоряжения.

- Передайте на тральщик: "Контакт с лодкой имею, готов принудить к всплытию".

Когда Самохину доложили об этом, он нахмурился. "Пожалуй, нам самим надо было сделать это. Но время уже упущено".

- Что ответить командиру двадцать шестой? - спросил Баскаков.

- Ничего не отвечать, - сказал Самохин и подумал: "Да, так, пожалуй, лучше".

- Что тральщик? - спросил Дубровский.

- Не отвечает.

- Может, не приняли?

- Никак нет, приняли, дали квитанцию.

- Ясно! - Дубровский на несколько секунд задумался и решительно бросил: - Приготовить гранаты!

Но было уже поздно. Неизвестная лодка вышла за пределы территориальных вод...

...Двадцать шестая возвращалась в базу. На мостике правил

Сенцов, Дубровский ушел в каюту. Елисеев посмотрел прокладку и постучался к старпому. Не получив ответа, толкнул дверь. Дубровский сидел за столом, подперев кулаками виски. На замполита он не обратил внимания. Елисеев присел на диван, сказал:

- Не расстраивайся, Николай Федорович. Твоей вины тут нет.

- Какой черт принес этот тральщик? Ведь не будь там комбрига, я бы принудил лодку к всплытию. Такая возможность представлялась! Ты понимаешь, замполит, как прогремела бы тогда двадцать шестая?

- И Дубровский.

- А что? И Дубровский! Я не хочу лицемерить, мне это было бы лестно.

Елисеев нахмурился:

- Не о том думаешь, Николай Федорович. Действовал ты правильно, и я верю, что не из тщеславия, а из более высоких побуждений. А сейчас, извини, глупости городишь. Не об этом думать надо. Лодку-то упустили. Не важно, по чьей вине, важно, что упустили. Значит, где-то у нас обнаружилась прореха. Пусть не на нашей лодке, но в нашей базе, в нашем флоте. Вот что горько! И люди сейчас угнетены этим.

- Что же, прикажете утешать их?

- Не утешать, а объяснить мы обязаны.

- Ну это уж ваша обязанность, а меня увольте. Не гожусь в утешители.

Елисеев покачал головой и вышел.

Как только лодка вернулась в базу, его с Дубровским вызвали в штаб. В кабинете комбрига помимо самого Уварова и Герасименко находились командир базы, командир ОВРа, капитан первого ранга Самохин и капитан-лейтенант Баскаков. Когда Дубровский доложил о прибытии, Уваров сказал:

- Теперь все. Разрешите начинать, товарищ адмирал?

- Начинайте, - разрешил командир базы.

Первым докладывал Дубровский. Он разложил на столе карту, кальку маневрирования, вахтенный и навигационный журналы. Коротко доложил, как все было. Оба адмирала внимательно просмотрели документы. Командир базы спросил:

- Когда вы приняли решение об атаке?

- Как только убедился, что тральщик прекратил преследование лодки. Командир бригады траления не счел нужным даже ответить на мои запросы. Тогда я решил сам принудить лодку к всплытию.

- Ваше решение было правильным, - сказал командир базы.

- К сожалению, было уже поздно, лодка ушла за пределы

территориальных вод.

- У вас все?

- Все.

- У кого будут вопросы к товарищу Дубровскому? Приподнялся Самохин. Но сразу же сел, так и не спросив ничего.

Следующим докладывал Баскаков. Его доклад был еще короче.

- Как оцениваете свои действия? - спросил командир охраны водного района.

- Я не мог действовать самостоятельно, - уклонился от прямого ответа Баскаков. - У меня на борту находился командир бригады.

- Почему не ответили на последнюю радиограмму командира лодки?

- Таково было приказание комбрига.

- Вы его считали правильным?

- Нет. Поэтому и дал квитанцию, чтобы командир лодки убедился, что мы его радиограмму получили, и мог принять самостоятельное решение. Что он и сделал.

- Так. Прошу садиться. Товарища Самохина мы послушаем позже. Есть предположение, - продолжал он, - что появление чужой лодки в наших водах не случайно совпало с испытаниями новой акустической аппаратуры. Видимо, приход в нашу базу заводской лодки, оснащенной этой аппаратурой, не остался в секрете. Поэтому я хотел бы обратить внимание командиров на усиление бдительности...

Когда вышли от комбрига, Баскаков протянул Дубровскому руку:

- Рад, что познакомился с вами.

- И я рад. Спасибо за объективный доклад. Надо полагать, вам не поздоровится. Комбриг вам еще припомнит квитанцию.

- Вряд ли. Ведь он понимает, что был не прав.

- Ну, как говорится, ни пуха, ни пера, - Дубровский протянул Баскакову руку.

- Если вы, Николай Федорович, не возражаете, я тоже пойду в город, сказал Елисеев.

- Пожалуйста. Только не забудьте, что утром выход.

- Я вернусь сегодня.

- Ночуйте уж дома.

- Собственно, я не домой. По делу.

Елисеев и в самом деле шел не домой. Уходя с лодки, он невольно подслушал разговор главного старшины Проценко с мичманом Алехиным. Разговор происходил в моторном отсеке.

- Что это ты, Степан Сидорович, вроде бы домой не

собираешься? спрашивал Проценко у мичмана.

- Некогда мне, Федя. Масляный насос что-то капризничал в море, перебрать надо. Не ровен час, объявят срочный выход, а насос не в порядке.

- Без тебя переберут.

- Лучше уж самому, а то матросы у меня все молодые, за ними еще догляд нужен.

- Да у тебя жена на сносях! - упрекнул Проценко.

- По срокам вроде бы еще недельку должна походить.

- Кого ждешь-то?

- Мне теперь все равно: сын есть, дочь тоже, кто будет третий значения уже не имеет.

- Сына все же лучше бы.

- Это почему? - поинтересовался Алехин.

- Надежнее. С девками мороки больше: уродится в тебя, попробуй выдать замуж.

Через открытый люк до Елисеева донесся мелкий, как рассыпавшаяся дробь, смешок Алехина. Елисеев тоже улыбнулся, вспомнив, что у мичмана широкое скуластое лицо с крупными чертами, с большим, слегка сплющенным носом и толстыми бесформенными губами.

Зная характер мичмана, Елисеев понял, что Проценко не убедит его пойти сегодня домой. "Надо, пожалуй, мне наведаться, - решил Елисеев. - Жена мичмана забеспокоится, когда узнает, что лодка пришла, а муж домой не является".

Алехины жили на окраине города, в той его части, где небольшие финские домики окружены аккуратными палисадниками, сейчас наполовину занесенными удивительно чистым снегом. Такой снег можно увидеть только в этой части города, удаленной от гавани и лежавшей в стороне от проезжих дорог.

Алехины жили на втором этаже. Из полутемного коридора первого этажа к ним вела крутая, почти отвесная, узкая и скрипучая лестница. На скрип ступенек вышла жена мичмана Мария Алексеевна.

- Осторожнее, - предупредила она. - У нас тут темно.

Узнав Елисеева, радостно воскликнула:

- Петр Кузьмич! Проходите, пожалуйста, милости просим.

Она пропустила Елисеева в комнату с низким, скошенным в одну сторону потолком. Посредине стоял стол, вдоль стен, почти вплотную друг к другу, стояли три кровати - одна полутораспальная с горой подушек и две - детские. У стены, где стояла большая кровать, приткнулся шкаф. "Тесно, - подумал Елисеев. - А младенец родится, куда его девать?" Он еще раз

обвел взглядом комнату, примериваясь, куда бы можно было втиснуть еще одну кроватку, и не нашел ей места. "Надо будет сходить к начальнику политотдела, может быть, дадут мичману хотя бы две комнатки", - решил он.

- Да вы садитесь, - предложила Мария Алексеевна. - Сейчас я чайку поставлю.

- Спасибо, я только на минутку.

- Минутку не минутку, а с чаем-то все веселее. - Она открыла дверь и крикнула вниз: - Андрейка! Поставь-ка чайник!

Елисеев вспомнил, что Андрейка - это старший сын Алехиных, ему, наверное, уже лет двенадцать - тринадцать. Быстро растут ребятишки.

- А где младшая-то? - спросил Елисеев.

- Внизу, на кухне. Помогает Андрейке санки чинить. Сейчас прибежит. Они ведь, ребятишки-то, очень любят, когда в доме гости.

И верно, не прошло и минуты, как в комнату вошла девочка лет четырех с льняными волосами и светлыми, как у матери, широко расставленными глазами. Она несколько секунд рассматривала Елисеева, будто решала, стоит к нему подойти или нет. И, решив, видимо, что бояться не надо, подошла к нему, ухватилась за пуговицу кителя.

- Ты кто?

- Дядя Петя, - ответил Елисеев, усаживая ее на колени.

- А я Лена. У меня папа тоже моряк.

- Ну, раз у тебя папа моряк, значит, ты должна любить конфеты. Елисеев достал шоколадку.

Девочка, изучив обертку, осторожно сняла ее.

- Как там наш отец? - спросила Мария Алексеевна.

- Я ведь, собственно, и зашел сказать, что он сегодня по делам задерживается. Вам скоро в больницу? Когда ляжете, можно будет отпустить его на недельку.

- Ну зачем же его от дела отрывать? - запротестовала Мария Алексеевна. - Я уже с соседкой договорилась, она присмотрит за ребятишками. А Степа пусть только вечерком забегает? У него своих забот... Ведь молодежь служить-то пришла?

- Да.

- Каждый год в это время так. Много хлопот, пока их всех на ноги поставишь.

- Хватает. Степан Сидорович умеет с ними ладить.

- Еще бы! Вот уже скоро два десятка минет, как служит.

Они пили чай с вареньем. Мария Алексеевна рассказывала, как они жили. Жили трудно, как большинство семей военных моряков.

- Из семнадцати лет нашей семейной жизни, может быть, два наберется, как вместе-то были. Ведь только в гости домой заявляетесь, не видите, как и дети-то растут. Нам одним приходится управляться.

Нет, она не жаловалась. Она просто рассказывала. И в этом рассказе не было ни скрытого недовольства, ни слепой покорности судьбе. Была лишь спокойная уверенность в том, что жизнь идет так, как ей и положено идти. То, что прожито, уже не беспокоило эту женщину, ее больше тревожило будущее.

- Скажите, Петр Кузьмич, - спросила она, - неужто американцы не примут наших предложений насчет разоружения? Чего это они упрямятся-то? Ведь каждому ясно, что с войнами пора покончить насовсем.

- Это нам ясно, Мария Алексеевна, - сказал Елисеев. - А у них еще не все это понимают. А кое-кому и выгодно наживаться на гонке вооружений.

- Приструнить таких надо! У нас вот есть же закон против войны. И везде такой закон принять надо.

- Все это не так-то просто, Мария Алексеевна. Ведь законы там диктуют как раз те, кто наживается.

- Ох, только бы войны не было! - вздохнула Мария Алексеевна.

Когда Елисеев уходил, она еще раз поблагодарила:

- Спасибо, что наведались, Петр Кузьмич. Передайте Степану-то, что все, мол, в порядке, пусть не беспокоится.

- Хорошо, обязательно передам.

Был уже десятый час вечера, но Елисеев все же решил зайти к начальнику политотдела. "Потом уйдем в море, а мичману квартира сейчас нужна".

Герасименко кормил рыбок в аквариуме. Это был большой аквариум с гротами и водорослями, со специальной кислородной поддувкой. Остап Григорьевич сидел перед ним в пижаме и домашних туфлях и любовно следил за рыбками. Жена сказала: "Остап, к тебе", он обернулся.

- А, Петро. Садись. Посмотри-ка моих меченосцев. Вот этот, бачишь, какой вымахал?

Меченосец был не больше обыкновенного ученического пера.

- Кит!

- Смеешься? Впрочем, тебе этого не понять. А я их, дьяволят, люблю. Ты ко мне по делу или на огонек забрел?

- И так и этак.

- Ну давай, пока жинка на стол накроет, сначала о деле погутарим.

- У Алехина на квартире был. Жена вот-вот родит, коляску

приткнуть некуда будет. Тесно живут.

- Ну, это тебе самому решать придется.

- Но ведь я не занимаюсь распределением жилплощади.

- А теперь будешь заниматься. Ухожу я, Петро.

- Куда уходите? - не понял Елисеев.

- В запас. Отслужил свое. Тебе дорогу давать надо.

- При чем тут я?

- А при том, что ты мое место займешь. Вопрос этот уже решен, жду только приказа.

- А как же ваш заместитель?

- Так заместителем у тебя и останется. Мужик он хороший, но нерешительный, его то и дело подстегивать приходится. Ну вы с ним поладите, я уверен.

- Как-то неожиданно все это...

- Не хотел тебя заранее предупреждать, потому что не был уверен, что назначат тебя. Пришлось повоевать. В политуправлении сопротивлялись: молод, мол, еще. Черт знает что творится! В тридцать шесть лет ты, бачишь ли, дюже молод. А в сорок - готовься в запас. Когда же, спрашивается, работать? Я так и спросил у члена Военного совета. Тогда он и согласился.

- Почему же вас в таком случае в запас? Ведь вам едва пятьдесят исполнилось.

- Пятьдесят для службы на флоте уже много. Да и тебе по возрасту пора с лодок на берег. Тяжеловато ведь бывает физически?

- Бывает. Но с лодки уходить не хочется.

- Надо, брат.

- Но вам-то в политотделе можно бы еще послужить.

- Нет, тут все верно. Ты моложе, у тебя больше энергии, ты окончил академию. А мне поздно учиться...

11

Во всем была виновата весна. Она щедро одарила теплом и светом помолодевшую землю, напоила воздух ароматом первых цветов и трав, развесила по городу белые и розовые дымки зацветавших яблонь и вишен. Земля была ласковой и доброй, привлекала той особой, "сухопутной", тишиной, которая понятна только морякам, умеющим тосковать по земле.

Сегодня Матвея не покидало смутное беспокойство, ощущение какой-то непонятной тоски, ожидание чего-то, что непременно должно случиться. Что именно - он не знал, но уже догадывался, что все это связано с Люсей.

В Доме офицеров устраивали вечер отдыха но случаю возвращения лодки из похода. Но Матвей не пошел туда. Он позвонил Люсе, но она сказала, что лучше им встретиться у

Курбатовых, Матвей так и не понял, почему это лучше.

К Курбатовым идти было рано. Он зашел в парк, отыскал в дальнем его уголке скамейку и сел. Снял фуражку, закинул голову, подставив лицо последним лучам солнца. Долго сидел так, бездумно глядя в небо. Облака медленно проплывали над головой и таяли у самого горизонта. Матвею казалось, что и сам он парит там, среди облаков в режущей глаза синеве. Он закрывал глаза, но ощущение движения становилось все более стремительным, слегка кружилась голова. Он жадно наслаждался всем этим, зная, что, может быть, завтра его снова наглухо задраят в стальном чреве лодки, стиснутой со всех сторон тысячами тонн воды.

На клумбе жужжала пчела. Матвей отыскал ее взглядом и долго наблюдал за тем, как она деловито копошилась в цветке. Но вот пчела улетела. Цветы на клумбе, опасаясь ночной прохлады, начали дружно сворачивать свои лепестки. "Еще одно подтверждение мудрой предусмотрительности природы", - подумал Матвей. Он вспомнил, как еще в детстве, долго наблюдал, как поворачиваются вслед за солнцем подсолнухи.

Ему тогда стало понятным, почему растение получило такое название, и это открытие было началом его страстного увлечения: он стал искать во всех названиях окружающих его предметов смысл. Если название не отражало сущности или назначения предметов, Матвей давал ему новое. Так, топор он называл рубилом, а нож - резалом...

- Матвей? А я-то думал, что в лихих походах ты покоряешь царство Нептуна.

На перекрестке аллей стоял Алексей Курбатов. Руки его были заняты свертками. Матвей подошел к Алексею. Тот вывалил ему на руки половину свертков.

- Идем скорей, ты оказался кстати, скрасишь одиночество свое и сделаешь сюрприз "вакантной Дульцинее".

- Постой, объясни... - начал было Матвей, но Алексей остановил его:

- Молчи и следуй. Ты не пожалеешь. Да видит бог, что я пекусь о благе и веселье не одного тебя, о бедный одиночка! Есть в нашей уважаемой компании на рыцарей один недокомплект.

Алексей повернулся и широким шагом направился к выходу. Матвей пожал плечами и последовал за ним. Увидев, что Алексей поворачивает не к дому, а совсем в другую сторону, спросил:

- Послушай, куда ты меня ведешь?

- В мои апартаменты. Учти, что я отныне стал владельцем прекрасной однокомнатной квартиры, и ты идешь ко мне на новоселье.

- Да ну? Поздравляю!

"Почему же Люся не сказала об этом? Да, она ведь не знает, что я почти месяц был в море".

Как он и предполагал "вакантной Дульцинеей" оказалась Люся. Она стояла у зеркала и поправляла прическу. Матвей поздоровался. Люся вздрогнула, и он увидел в зеркале, как радостно вскинулись ее глаза. Но когда она обернулась, лицо ее было строгим, а взгляд бесстрастным.

- Здравствуйте. Вернулись? - спросила она почти равнодушно.

"Все-таки обиделась", - решил он и насмешливо ответил:

- Нет, я еще не вернулся.

Из кухни вышла Сима и, вытерев о передник руку, протянула ее Матвею:

- Как хорошо, что вы пришли.

Сима заметно подурнела: лицо ее утратило обычную свежесть, стало серым, на лбу проступили коричневые пятна: как будто со всего лица сошел загар, а на лбу остались его следы. На Симе была широкая, выпущенная поверх юбки кофта, но она не скрывала выступавшего живота. "Скоро, наверное, родит", решил Матвей.

- Сима, пойдем, я тебе помогу, - предложила Люся и почти насильно увела Симу на кухню. Должно быть, она боялась, что их с Матвеем оставят вдвоем.

"Что это с ней? - недоумевал Матвей. - Ну, обиделась. Но, раз спросила, вернулся ли, значит уже знает, что был в море. Сейчас-то зачем обижаться?"

Алексей сходил к соседям, и принес еще три стула.

- Все, что удалось раздобыть, - сказал он. - Во всем доме не более полутора десятков стульев. Все-таки у Гренадера на этот счет было больше возможностей.

Стол придвинули к кровати. Алексей раздобыл и широкую доску, под нее подложили с одной стороны книги, с другой - два чемодана.

- На это сооружение можно усадить трех человек средней упитанности, подсчитал Алексей. - Плюс пять стульев и три места на кровати. Итого одиннадцать. Еще одному не хватает. Ничего, я буду есть стоя, как на дипломатическом приеме.

Начали подходить гости. Первыми пришли Астаховы. Капитана второго ранга Астахова Матвей знал еще по училищу. Когда Матвей учился на первом и втором курсах, Астахов преподавал морскую практику. Потом он попросился снова на флот и вот теперь командовал дивизионом аварийно-спасательной службы. Он заметно постарел: разрослись кустики морщин у глаз, поредели волосы на голове. Узнав, что Матвей

недавно из училища, Астахов стал расспрашивать, кто из преподавателей остался там. Жена Астахова, дородная и, должно быть, как все здоровые люди, веселая женщина, обстоятельно оглядела комнату, поправила скатерть на столе и ушла в кухню помогать хозяйке.

Потом пришел рослый парень с худенькой смущенной блондинкой. Парня звали тоже Алексеем, девушку - Аней. Она работала фрезеровщицей в Сим ином цехе. Вслед за этой парой появились соседи - капитан интендантской службы с женой. Когда начали усаживаться за стол, пришла Ариадна. Ее посадили рядом с Матвеем на импровизированной скамейке. Люся устроилась поближе к двери, рядом с Симой. Им часто приходилось выходить на кухню.

В самый последний момент пришел еще один гость - рыжий парень. Он сел рядом с Люсей и сразу же заговорил с ней о каких-то электродах.

Астахов произнес тост за новоселов. Выпили. Несколько минут молча закусывали. Потом заговорили все сразу. Сначала разговор был общим: о том, что теперь много строят и скоро каждая семья получит отдельную квартиру, затем незаметно растекся, на одном конце - о детях, на другом - о музыке. Кто-то включил магнитофон.

Матвей прислушивался к тому, о чем говорили Люся и рыжий парень. У рыжего была длинная шея и острый горбатый нос, придававший парню удивительное сходство с дятлом. Это сходство усиливалось еще тем, что парень в такт словам кивал головой, точно выклевывал слова из воздуха:

- Вы таки защищаете этот гнилой консерватизм! Идея моя правильная, я в этом уверен.

- Но ведь вы, Юзек, еще не доказали этого, - возражала Люся. - Нужны обоснованные доказательства, строгие и точные расчеты, а вы полагаетесь на одну интуицию.

Юзек поковырял вилкой лежавшую на его тарелке куриную ножку и упрямо сказал:

- Я докажу! Я понимаю, что петухи не рождаются в жареном виде...

- Вот вы и докажите. А то вы и в самом деле похожи на петуха.

Юзек удивленно посмотрел сначала на Люсю, потом зачем-то оглядел свои руки с длинными прозрачными пальцами и, видимо не обнаружив в них ничего петушиного, серьезно спросил:

- Почему?

Люся рассмеялась. Юзек с недоумением посмотрел на нее и сердито клюнул воздух:

- Не понимаю, что тут смешного!

И опять начал что-то доказывать. Он горячился, теребил мочки больших шевелящихся ушей и сердито клевал носом воздух. Резкий голос рыжего раздражал Матвея, ему хотелось вмешаться в разговор. Но тогда пришлось бы кричать через весь стол, а это было неудобно. Он не смог бы объяснить, чем его раздражал этот парень. Просто Матвею захотелось вдруг рассказать Люсе о походе, о тающих на горизонте облаках, о том, как кружится голова, если смотреть сначала на облака, а потом закрыть глаза...

Кто-то нечаянно задел ногой стопку книг, и импровизированная скамейка чуть не рухнула. Когда сиденье поправили, Ариадна сказала:

- Положение у нас довольно шаткое. Правда?

Она смотрела на Матвея с лукавой усмешкой.

Матвей смущенно потупился. Он только сейчас вспомнил о своей соседке и начал поспешно ухаживать за ней: взял ее тарелку, положил закуску, налил вина и воды. Ариадна молча наблюдала за ним, а когда он нечаянно опрокинул свою рюмку на скатерть, посыпала скатерть солью и неожиданно призналась:

- Вы знаете, я вам завидую. Сколько красоты, подлинной романтики в вашей жизни! Дальние плавания, новые города, новые впечатления. Я иногда жалею, что не мужчина. Будь я мужчиной, я стала бы только моряком.

- Как знать!

- Почему "как знать"?

- Видите ли, у вас не совсем точное представление о нашей морской службе. Вы смотрите на нее как на увлекательную прогулку. А между тем - это прежде всего труд. Тяжелый, иногда даже изнурительный, но интересный и, тут вы правы, романтичный. Ведь подлинная романтика заключается, по-моему, не в праздном любовании красотами, не в поисках каких-то удивительных приключений, а в труде и в борьбе. В борьбе, скажем, со стихией моря суровой, коварной, своенравной, в борьбе с самим собой, со своими слабостями. И если хотите, удовлетворение приносит не только результат, но и сам процесс борьбы.

- О, да вы, оказывается, философ! Пожалуй, слишком земной, но все же философ.

- А вы предпочитаете небесных?

Ариадна рассмеялась:

- Может быть, даже водяных.

Матвей заметил, что Люся прислушивается к их разговору. Она смотрела на них пристальным, изучающим взглядом и, наверное, совсем не слушала рыжего. Тот обидчиво пожал плечами и повернулся к Симе.

Ариадна о чем-то спросила, Матвей машинально пробормотал:

- Да, да.

За столом заспорили о любви. Матвей незаметно вышел во двор, сел на скамейку и закурил. Он бездумно глядел на щедро вытканное крупными звездами небо. Потом закрыл глаза, и у него опять закружилась голова.

Но вот он поймал себя на том, что все время прислушивается к голосам, доносящимся из открытого окна, и ловит голос Люси. Он был почему-то уверен, что Люся выйдет.

И она пришла.

- Почему вы убежали? - спросила она.

- Вот увидите, я побью этого рыжего.

- Он, наверное, уже забыл обо мне. Он страшно рассеянный.

- Напускает. Для учености. Я таких знаю.

- Ничего вы не знаете.

- Пожалуй, да.

- Слушайте, оставьте этот тон или я уйду!

- Ладно. Садитесь. Смотрите на звезды. Внимательнее. А теперь закройте глаза. Кружится?

- Да.

- Вот видите, как легко вскружить голову женщине, - назидательно сказал Матвей.

- Вероятно, это давно испытанный способ?

- Да, я иногда упражняюсь в этом.

- Например, сегодня. Морская романтика! Это верный козырь, - насмешливо сказала Люся.

- А вот подслушивать чужие разговоры нехорошо, - по-прежнему назидательно заметил Матвей.

- И много у вас на боевом счету?

- Это военная тайна.

- Отчего же вы тут в горьком одиночестве?

- Видите ли, несмотря на известный боевой опыт, ни одна не догадалась вскружить мне голову.

- Может быть, попробовать?

- Вам, пожалуй, это удастся.

- Матвей, вы становитесь банальным! Льстить - удел слабых. Вам это не к лицу.

- Зато вам очень идет этот нравоучительный тон. Я чувствую себя точно провинившийся школьник перед строгим учителем.

- А знаете, мне все говорят, что я была бы хорошей учительницей, серьезно сказала Люся. Этот переход с шутливого тона на серьезный получился у нее как-то легко и естественно. - Иногда я сама начинаю верить в свои педагогические способности и тогда сомневаюсь: не ошиблась ли, что пошла в кораблестроительный? Вот, скажем, Юзек. Техника - его призвание. Он все время что-то ищет, изобретает, для него каждая формула - это не просто знаки и цифры, а что-то материальное, ощутимое. А для меня это просто формула, которую надо вызубрить, запомнить - и ничего больше. Почему так?

- Просто у вас нет практики. Вот вы говорили с этим рыжим об усталости металла. Вам металл, наверное, представляется пока лишь в виде сковородки или автобуса, а в работе вы его не видите. Его надо почувствовать.

- Ну насчет сковородки вы, пожалуй, преувеличиваете. Не забывайте, что я сварщица, каждый день имею дело именно с металлом.

- Все равно вы обязаны думать и о сковородках.

- Удел женщины? - Люся усмехнулась и потрепала его волосы.

- Разумеется, - засмеялся Матвей. И уже серьезно предложил: Давайте-ка удерем отсюда?

Люся вздохнула:

- Я не могу, надо помочь Симе. Мы и так засиделись. - Она встала.

- А я, пожалуй, поброжу по городу. Честно говоря, соскучился по нашей грешной земле. Или вас подождать?

- Это долго. Меня проводит Юзек.

- Я его все-таки когда-нибудь побью.

- Ладно. Только не по голове. Это очень больно, да и голова его деталь весьма полезная.

Она ушла. Матвей слышал, как стучат на лестнице каблучки. Вот в пролете мелькнул ее силуэт, потом хлопнула дверь. Матвей долго стоял, прислушиваясь к тому, как гаснет в пролетах лестницы звук. Ему хотелось окликнуть Люсю, вернуть ее и он, наверное, окликнул бы ее, но дверь уже захлопнулась. К тому же он понимал, что Люся права - надо помочь Симе. "Но почему ее должен провожать этот Юзек? Почему она не захотела, чтобы я ее подождал?" В нем шевельнулось ревнивое чувство.

Опять хлопнула дверь, кто-то стал спускаться по лестнице. Матвею не хотелось, чтобы его увидели, и он поспешно вышел на набережную.

Ночь была тихая, только здесь ощущался легкий ветерок. Матвей, облокотившись на каменный парапет, смотрел на рассыпанные в тихой воде канала крапинки звезд. Затем поднял камень и бросил в воду. Камень звонко рассек тишину, звезды испуганно шарахнулись в разные стороны, и вода недовольно поморщилась. Матвей зашагал к гавани.

Он шел и слушал ночные звуки. Вот где-то на соседней улице прошелестела шинами машина. В чьей-то квартире бьют часы, удары падают в тишину, точно капли дождя в пустую бочку. В доме напротив плачет ребенок. Маленький черный буксир тянет по заливу две баржи. Ему, должно быть, очень тяжело, он сердито пыхтит.

Семен с Вадимом играли в шахматы. Андрей еще не вернулся. В каюте было накурено. Матвей распахнул окно и подошел к столу. Семен, выиграв пешку, произнес свою обычную фразу:

- Пешки - не орешки.

Это все, что он знал из теории шахмат. Тем не менее играл он хорошо и сейчас имел явное позиционное и материальное преимущество. Матвей с веселой укоризной сказал:

- Эх вы, стратеги! Это же варварство - сидеть в такую погоду за шахматами и протирать казенные штаны!

Семен поднял голову, с подчеркнутой внимательностью осмотрел Матвея с головы до ног, выразительно покрутил в воздухе пальцем и коротко резюмировал:

- А ведь штурман-то, кажись, вышел из меридиана.

- Ничего не поделаешь - весна! - подхватил Вадим. - А кто бы мог подумать? Матвей Стрешнев, гранитный человек - и вдруг эта сияющая физиономия!

- Факт, как говорится, на лице!

Матвей разделся и лег. Закончив партию, Семен и Вадим тоже легли и вскоре дружно захрапели. А Матвей все не мог уснуть. Он несколько раз приподнимался и кулаком взбивал подушку, впервые обнаружив, что набита она далеко не лебяжьим пухом.

Он спал всего часа три, но встал бодрым и веселым, погладил брюки, почистил тужурку и сел подшивать к кителю подворотничок. Все утро он чему-то улыбался, насвистывал любимые мелодии. Это надоело Семену.

- Что это ты рассвистелся? - спросил он.

- Так сказать, музыкальное сопровождение. Ускоряет и воодушевляет. Рекомендуется всем поэтам и домохозяйкам. Между прочим, будь я девушкой, я вышел бы замуж только за военного моряка.

- Почему "только"?

- Моряк умеет мыть полы, стирать, шить, гладить, штопать, а самое главное - умеет подчиняться.

В каюту вбежал Вадим.

- Братцы, поздравляю! - крикнул он радостно. - Мы идем в Ленинград. Будем участвовать в морском параде в честь Дня Флота.

12

- О чем вы задумались, Матвей? - тихо спросила Люся.

- О вас.

- Не очень-то интересный предмет для размышлений. Ну и что же вы обо мне думаете?

- Вы хорошая.

- Весьма утешительное открытие.

- Мне кажется, что я на пороге еще одного выдающегося открытия.

- Какого?

- Скоро я вам признаюсь в любви.

- А это обязательно?

- Вы напрасно иронизируете, - сказал он обиженно.

Люся рассмеялась:

- Смешной вы, Матвей. Давайте говорить о чем-нибудь другом. Например, о звездах. Ведь вы моряк, к тому же штурман, должны знать все звезды. Скажем, вот эта, как называется?

- Альфа Арктура.

- А эта?..

Она слушала его с жадным любопытством. Поэтому Матвею приятно было рассказывать ей о звездах, созвездиях, галактиках...

- До той вон, примерно, восемь миллионов световых лет.

Люся притихла и прижалась к его плечу. Он почувствовал, как по ее руке пробежала дрожь и обеспокоенно спросил:

- Вам холодно?

- Нет, мне стало просто страшно, когда я подумала, что это так далеко от нас, за миллионы световых лет. И может быть, там есть живые существа...

Сейчас она была тихой и ласковой, такой Матвей еще не знал ее. И Матвею неудержимо захотелось поцеловать Люсю.

Но они уже подходили к Дому офицеров. Здесь было людно.

Посреди тротуара, задумавшись, стоял матрос. Приглядевшись, Матвей узнал Бодрова. Выражение его лица поразило Матвея, он никогда не видел матроса таким угрюмым. Извинившись перед Люсей, Матвей подошел к матросу.

- Бодров, что с вами?

Тот поднял голову, посмотрел на Матвея отсутствующим взглядом и снова потупился. Должно быть, он даже не узнал своего командира. Потом поднял голову, присмотрелся и равнодушно произнес:

- А, это вы, товарищ лейтенант.

- Что с вами? - переспросил Матвей.

Матрос безнадежно махнул рукой:

- Эх, товарищ лейтенант, сказал бы я вам, да разве вы поймете?

- Подождите, я действительно ничего не понимаю. Что случилось?

- Выгнал из кино.

- Кто выгнал?

- Наш старпом. - Бодров зло усмехнулся. - Кто же еще?

- А за что?

- Пошел я с девушкой в кино. Пришли, ждем в вестибюле, когда в зал пускать начнут. Аня пить захотела. Пошли мы в буфет, там лимонада не оказалось. Спустились вниз, в ресторан.

Заказал я бутылку нарзана, ну и пирожное еще. Выпили мы нарзан, стали уходить, а в это время старпом наш в дверях появился. Видел, как я нарзан допивал, и подумал, что это была водка. Ну вот, подозвал он меня и приказал немедленно идти в бригаду, доложить дежурному, что лишает меня увольнения и накажет. Я ему объясняю, что только нарзан пил, а он и слушать не хочет. Тут и Анютка вмешалась, а он ей и говорит: знаю, мол, какой это нарзан. Короче говоря, выгнал нас...

Матвей попытался оправдать старпома:

- Я думаю, ошибся старпом, может же и он ошибиться?

- Может, конечно...

Бодров помолчал, потом наклонился к Матвею и неожиданно дохнул ему в лицо:

- Ну разве пахнет от меня водкой, товарищ лейтенант? Матвей отстранился от матроса и с упреком сказал:

- Зачем вы это делаете, Бодров? Я и без этого вам верю.

- А он не верит! Стыдно мне, товарищ лейтенант, за него стыдно. Перед Анюткой стыдно. Ну ладно, меня обидел, ее-то он зачем оскорбляет? Ведь по его выходит, что и она вместе со мной водку пила...

"Наверное, это та самая девушка, которую тогда Бодров спасал от хулиганов и угодил в комендатуру. Вот не везет парню", - подумал Матвей.

- Вот что, Бодров. Я могу подтвердить, что вы водки не пили, сам обо всем доложу командиру. А вы сейчас разыщите девушку и извинитесь перед ней. Объясните, что произошло недоразумение и Дубровский, мол, очень сожалеет. Кстати, где вы оставили девушку?

- Я ее домой проводил, она тоже не захотела идти в кино. И извинился перед ней. Спасибо вам, товарищ лейтенант. Только Дубровский и вам не поверит.

Это было резонно. Дубровский, пожалуй, не поверит.

- А может быть, вам в санчасть зайти, справку от врачей взять?

- Не стоит, товарищ лейтенант, волокиту из-за этого затевать. Шут с ним, отсижу на "губе". А вы идите, товарищ лейтенант, вас вон тоже девушка ждет.

- Вы все-таки зайдите в санчасть.

- Хорошо, - пообещал Бодров, и Матвей побежал догонять Люсю.

- Что с ним? - спросила Люся.

- Так, недоразумение произошло.

В Доме офицеров шел французский фильм "Мансарда". Фильм не был дублирован. Матвей машинально пробегал глазами

титры, но в содержание фильма не мог вникнуть. Правильно ли он поступил, посоветовав Бодрову идти в санчасть? Если Бодров принесет справку, не расценит ли это Дубровский как подрыв его авторитета? "Ну и черт с ним, пусть! Нельзя же матроса лишать права доказывать свою невиновность!"

Когда они вышли из Дома офицеров и Люся спросила, понравился ли фильм, Матвей признался:

- Не знаю. Я не понял, в чем там дело.

- Вас расстроил тот случай с матросом?

- Да. Он мой подчиненный. Боюсь, как бы чего не натворил, парень он горячий.

Проводив Люсю до дому, Матвей заторопился в гавань.

- Бодров пришел? - спросил он у дежурного, когда вошел в казарму.

- Принесли. В дым пьяный.

Матвей подошел к каюте командира в тот момент, когда оттуда выходил Бодров.

- Ну что? - спросил Матвей.

- Спишут, наверное, на берег. Наглупил я, товарищ лейтенант. А жалко! Последний год остался, неохота на берегу его дослуживать.

Постучавшись, Матвей вошел в каюту. За столом командира сидел начальник политотдела Елисеев. Сам командир и новый замполит капитан-лейтенант Волгин расположились на стоявшей у стены койке. У противоположной стены сидел Дубровский.

- Вы видели вчера Бодрова? - спросил Елисеев.

- Так точно. Я видел его после того, как он ушел из Дома офицеров.

- Да, Бодров говорил нам об этом.

- В то время он был абсолютно трезв. Мы с ним разговаривали, он даже дохнул на меня, водкой от него не пахло.

- О чем же вы говорили с Бодровым?

Матвей передал разговор и добавил:

- Конечно, Бодров сделал глупость. Он сам это сознает. Но я должен признать, что и я тут виноват. Мне надо было пойти вместе с ним.

- У вас все? - спросил Елисеев, когда Матвей замолчал.

- Нет. - Матвей посмотрел на Дубровского. - Я считаю, что старший помощник оскорбил матроса.

- Разрешите мне сказать? - поднялся Дубровский.

- Говорите, - разрешил Елисеев.

- Странно получается. - Дубровский усмехнулся. - Выходит, что все виноваты, кроме Бодрова. А он между тем все же напился. Так ведь, товарищ лейтенант?

- Так. Но он не напился бы, если б вы его не оскорбили и не выгнали из Дома офицеров.

- Вы в этом уверены?

- Уверен. Он был с девушкой... И вообще, Бодров не пьет.

- Так. Значит, вы его защищаете, - спокойно констатировал Дубровский и, повернувшись к начальнику политотдела, веско произнес: - Я знаю, почему лейтенант Стрешнев защищает пьяницу Бодрова. Потому что сам лейтенант любит выпить.

- Я? - удивился Матвей.

- Да, вы. Я не люблю голословных утверждений и поэтому приведу факты. Помните, товарищ лейтенант, еще в поезде, когда вы только ехали служить сюда, вы устроили коллективную пьянку. Было это?

- Мы действительно там немного выпили, - признался Матвей. - Но разве это...

- Нет, вы уж выслушайте! - оборвал его Дубровский. - Вы можете расценивать этот факт по-своему, но это было не что иное, как коллективная пьянка. Если вам одного факта недостаточно, я приведу другой, более свежий. После случая с Афониным, когда лодка была в море, а вы остались здесь, на берегу, вы в сильном опьянении пришли на концерт артистов Большого театра и во время концерта вас вывели из зала в невменяемом состоянии.

- Неправда это! - Матвей резко вскочил со стула и в упор посмотрел Дубровскому в глаза.

- Если вы отрицаете этот факт, я могу напомнить, когда это было... Дубровский достал записную книжку, полистал ее и торжествующе произнес: Это было девятнадцатого числа. Есть и свидетели: вас видела моя жена.

- Я действительно тогда ушел с концерта. - Матвей старался говорить спокойно. - Но ушел я не потому, что был пьян, а потому, что разбередил ногу и у меня пошла из раны кровь. Вероятно, ваша жена не разобралась.

- Нет, она хорошо вас видела. Она даже сделала вам замечание, но вы грубо обругали ее.

- Ложь! Я не имею чести знать вашу жену. Она или ошиблась, или лжет.

- Прошу заметить, - Дубровский повернулся к начальнику политотдела, Прошу отметить, что лейтенант Стрешнев и сейчас ведет себя недостойно. Он оскорбляет мою жену, а следовательно, и меня!

- Послушайте, вы! - Матвей больше уже не мог сдерживаться. - Вы клеветник. Все это - и книжечка и показания вашей жены - мерзость.

- Лейтенант Стрешнев! - резко оборвал Матвея начальник политотдела. - Я прошу вас немедленно выйти!

Матвей круто повернулся и вышел в коридор. Там его нагнал новый замполит лодки капитан-лейтенант Волгин. Он совсем недавно сменил Елисеева, пока еще ко всему приглядывался, и Матвей не ожидал, что замполит может заговорить так сердито:

- Мальчишка! Вы вели себя, как сопляк. Вы понимаете, что вы сделали?

- Не мог я иначе! Ведь все, что он говорил, - сплошная ложь.

- Знаю. А вы, вместо того, чтобы разоблачить эту ложь, все дело испортили. Вы понимаете, что теперь Дубровский будет козырять тем, что вы его оскорбили?

- Ну и пусть козыряет.

- Нет, вы еще не знаете таких людей, как Дубровский. А мне они хорошо известны. Хотя я у вас на лодке недавно, но на политработе не первый год. Дай бог, чтобы я ошибался, но мне кажется, что Дубровского-то я сумел раскусить. Он будет жаловаться, будет писать во все инстанции, доказывать, что у нас на лодке подрываются основы единоначалия при молчаливом попустительстве старших начальников. Он сумеет повернуть дело так, что случай с Бодровым отойдет на второй план. Дубровский станет играть роль потерпевшего, а не виновника. Ведь это уже не первый случай его столкновений с матросами, и всякий раз Дубровский умел доказать, что он поступал якобы в интересах поддержания дисциплины. Он и на этот раз будет стараться выйти сухим из воды. А вы ему помогаете в этом.

- Что же мне делать?

- Вы сейчас же извинитесь перед ним.

- За что?

- За то, что оскорбили его.

- Не буду я извиняться. - Матвей повернулся и пошел.

- Товарищ лейтенант! - резко окликнул его Волгин. Матвей остановился.

- Разрешите идти? - спросил он подчеркнуто официально.

- Послушайте, как вам не стыдно? Я уверен, что вы никому из своих матросов не позволите говорить с вами таким тоном, каким разговариваете со мной. Или позволяете?

- Нет. Вы меня простите, - виновато сказал Матвей. - Но только извиняться перед Дубровским я не буду. Поймите, не из упрямства.

- Ладно, идите.

"А ведь он прав, - подумал Волгин, провожая Матвея взглядом. - Почему мы должны бояться Дубровского? Потому что он склочник? Будут лишние хлопоты, проверки, дознания? Пусть

с точки зрения субординации Стрешнев вел себя не совсем тактично, но ведь в принципе-то он прав".

Командир бригады капитан первого ранга Уваров слушал Дубровского со смешанным чувством удивления и негодования. Но он хотел, чтобы Дубровский высказался до конца, и поэтому ни разу не прервал его.

- ...Капитан третьего ранга Крымов, по существу, потворствует Стрешневу. Объявил ему всего-навсего выговор, а надо под трибунал отдавать. Иначе уставного порядка на лодке не навести. Крымов попал под влияние Елисеева. А тот, вместо того чтобы помогать нам поддерживать строгий уставной порядок, панибратство разводит. И лицемерит. На словах призывает уважать матросов, а на деле сам не уважает их, на "ты" к ним обращается. У мичмана Алехина ребенок родился, так он сам на крестины собирается. Деньги на подарок с офицеров собирают...

Дубровский говорил спокойно. Но в его изложении все факты принимали совершенно иную окраску, в их подборе чувствовалась глубокая продуманность. "А ведь он действительно не глуп, - думал Уваров. - Но откуда у него эта подлость, кляузничество?"

А Дубровский все увереннее продолжал:

- Нерешительность Крымова может привести к тому, что лодка растеряет свою былую славу, которую завоевывали с таким трудом. О том, насколько далеко зашло дело, говорит хотя бы такой факт. Еще при Елисееве на лодке провели партийное собрание, на котором обсуждался вопрос о взаимоотношениях начальников и подчиненных. На мой взгляд, обсуждение этого вопроса не в компетенции партийного собрания. Этот вопрос можно было бы обсудить на совещании офицеров. На партийном же собрании помимо офицеров присутствовали и старшины и матросы. Обсуждать при них поведение офицеров - значит подрывать авторитет последних. Это прямое посягательство на принцип единоначалия.

- Да, на единоначалие мы никому посягать не позволим, - согласился комбриг.

- Вот и я о том же говорю! - оживился Дубровский. - Дисциплина на лодке и без того хромает. Случай с Бодровым показывает, что есть у нас еще и разгильдяи.

Дубровский умолк, выжидательно глядя на комбрига. Уваров не торопился. Он молча прошелся по кабинету, потом остановился перед Дубровским.

- Так. - Уваров зашел за стол и сел. Пристально посмотрел на Дубровского. Тот сидел неестественно прямо, лицо его выражало

почтительное внимание.

- Я выслушал вас, товарищ Дубровский. Вы пришли ко мне не жаловаться. Вы пришли, как вы выразились, доложить о состоянии дел на лодке, поскольку сочли это своим долгом офицера и коммуниста. Я тоже коммунист и считаю своим долгом сказать вам следующее.

Уваров достал папиросу, не торопясь закурил и опять пристально посмотрел на Дубровского.

- Я давно наблюдаю за вами и могу отметить, что вы грамотный, знающий офицер, отличный специалист. Я не раз отмечал ваши успехи, и вы это хорошо помните. Но вы совсем не помните другого, о чем и я, и начальник политотдела, и Крымов не раз предупреждали вас. Вы не умеете работать с людьми, не научились этому и не хотите учиться. Вы не любите людей, любите только себя, и считаете себя выше всех, не брезгуете такими средствами, как наушничанье, кляузничество и откровенная клевета...

- Товарищ капитан первого ранга! - Дубровский встал, лицо его было бледным. - Это серьезные обвинения, и я прошу не бросаться ими. Вы, вероятно, неправильно истолковали мое искреннее желание проинформировать вас...

- Нет, Дубровский, я отвечаю за каждое сказанное мной слово. Я долго колебался, прежде чем сказать все это. Мне и раньше приходилось сталкиваться с карьеристами. Они, как правило, были подхалимами и угодниками, их легко было раскусить. Вас - сложнее. Вы не угодничали - нет! Вы критиковали. Вы знаете, как у нас относятся к критике и как оберегают тех, кто критикует. К сожалению, мы редко разбираемся, во имя чего человек критикует. Есть ведь и такие критики, которые прикрываются ею, как щитом: попробуй его самого задень, он скажет, что страдает за критику. Вот и вы, наверное, этим козырять будете. Ведь вы действительно прослыли человеком прямым и нелицеприятным, немало недостатков, как говорится, вскрывали. Там, где не за что было зацепиться, вы клеветали. Припомните хотя бы письмо, которое вы написали члену Военного совета, узнав, что Елисеева собираются назначить начальником политотдела.

Дубровский все еще стоял. Лицо его вытянулось и еще больше побледнело. На какое-то мгновение Уварову стало жаль его, но он тут же отогнал это чувство. Однако продолжал говорить уже более мягко:

- Поймите, что я все это вам говорю ряди вас самого. Вы еще можете исправиться, если до конца все осознаете. Но сейчас вам нельзя доверять работу с людьми. Поэтому я вам настоятельно

советую подать рапорт о переводе на другой флот. Здесь вам оставаться нельзя, здесь вас слишком хорошо знают. А там вы можете начать все сначала. Трудно, но надо. Если вы это поймете, можете стать человеком. Ведь вы неглупы, образованны, только вот есть в вас это... - Уваров поискал нужное слово, видимо, не нашел и закончил вопросом: - И откуда это в вас?

Дубровский ушел, так ничего больше не сказав. А Уваров долго еще сидел в глубокой задумчивости. Не слишком ли строго он поступает с Дубровским, не ошибся ли? Он снова и снова перебирал в памяти все, что знал об офицере. Вспомнил, как уже через три месяца службы Дубровский, исполнявший тогда должность командира торпедной группы на лодке, отличился во время торпедной атаки. Вскоре Уваров побеседовал с ним и убедился, что имеет дело со знающим, растущим офицером - "перспективным", как любил выражаться комбриг.

Пожалуй, ни одно качество в людях не привлекало комбрига так, как стремление к росту. Уваров не верил людям, которые заявляли, что им безразлично, какую должность они занимают. Обычно за такими заявлениями скрывались самые честолюбивые намерения. Не доверял комбриг и тем, кто выслуживался, открыто претендовал, иногда даже не без оснований, на повышение в должности. Больше всего Уварова привлекали люди, думающие не о должности, а о деле, ищущие себе работу по своим силам и способностям. Это были люди, почти всегда не удовлетворенные тем, что они сделали, стремившиеся сделать больше и лучше, узнать все до тонкостей, докопаться до мелочей. Это были люди дотошные и беспокойные. И Уваров старался дать им возможность проявить свои способности. Поэтому в бригаде иногда случались самые неожиданные назначения. Молодой лейтенант, едва прослуживший на лодке год, вдруг выдвигался на должность командира боевой части и - что было еще более неожиданным - успешно справлялся с новыми обязанностями. Правда, бывало, что иному и не по силам оказывалась новая должность, но такие случаи были редкими.

Поэтому в бригаде никого не удивило быстрое выдвижение лейтенанта Дубровского на должность командира минно-торпедной боевой части. Он быстро освоился с этой должностью, образцово наладил боевую учебу, и вскоре его подразделение стало лучшим на лодке. Правда, уже тогда у него было несколько срывов. Пришлось поправлять молодого командира. Это были срывы, свойственные молодости и неопытности, их легко простили Дубровскому, как только он открыто признал свои ошибки и пообещал их исправить.

"Вот тут-то мы, должно быть, и просмотрели его, - подумал

Уваров. Поверили, а не проверили. Не присмотрелись к нему. А ведь эти случаи должны были насторожить. Как часто мы все усилия направляем только туда, где явно обозначился прорыв, и совсем не работаем там, где за видимостью благополучия скрываются серьезные провалы в работе! Не потому ли мы часто "бьем по хвостам" и вместо предупреждения нарушений и проступков лишь разбираем их?"

Когда Дубровский после окончания курсов вернулся на лодку уже старшим помощником, он сумел добиться превышения нормативов при выполнении боевых задач, сам отлично выводил лодку в атаку, повысил требовательность. И хотя Елисеев как-то докладывал Герасименко, что при всем своем рвении Дубровский груб с людьми, не умеет сочетать высокую требовательность с заботой о людях, на это тогда опять не обратили внимания, полагая, что сам Елисеев "уравновешивает" старпома.

"Да, это урок не только для Дубровского, а и для всех нас", - подумал Уваров.

13

Остап Григорьевич с трудом отвыкал от давно заведенного распорядка. Вставал в семь утра, делал зарядку, обтирался холодной водой, завтракал. Потом кормил рыбок. Но больше делать было нечего. Он садился у окна и часами сидел так, глядя на улицу, хмурый и молчаливый. Смотрел на прохожих, на вьющиеся над гаванью дымки буксира, слушал гудки пароходов и пронзительные вскрики сирен и ловил себя на том, что все еще живет заботами своей бригады. "Скоро начнутся зачетные торпедные стрельбы", - и обдумывал, какие лодки допустить к ним первыми. "Лучшая уйдет в Ленинград для участия в День Флота в морском параде на Неве. В этом году, наверное, пошлют лодку Крымова. Как там сейчас, после ухода Елисеева? Новый замполит парень толковый, но ему будет трудно".

На военной службе сам Герасименко продвигался медленно и знал, как нелегко бывает на первых порах в новой должности. Особенно если предшественник твой был человеком дельным и авторитетным. Тогда люди относятся к тебе ревниво, взыскательно, и маленький промах, который охотно простили бы твоему предшественнику, готовы возвести в принцип. Заступать в должность после плохого предшественника легче, но потом работать труднее, почти все приходится налаживать заново.

Его нестерпимо влекло в порт, на "свои" лодки, и ему стоило больших усилий удержать себя. Знал, что его там приветливо встретят, может быть, о чем-то посоветуются с ним, о чем-то спросят. Но это только растравит его тоску, сделает ее совсем невыносимой. В первые дни его навещали Уваров, Елисеев,

работники политотдела. Сейчас редко кто заглядывает: он знает, что у них много других забот.

Он долго не находил себе дела в доме, пока не пристрастился к чтению. За последние годы ему редко удавалось находить время для чтения. Если и выкраивал часок-другой, то изучал политическую литературу - этого требовала его работа. На художественную времени почти не оставалось, и он прочитывал лишь то, что было общепризнанным или вызывало горячие споры. И вот теперь, читая все, что в свое время откладывалось "на потом", он неожиданно для себя обнаружил интересные и талантливые книги, и его прежнее, не очень лестное отношение к современной литературе основательно пошатнулось. Он увидел, что в литературу пришло новое, талантливое поколение, которое заявляло о себе громко и многообещающе. Правда, попадались и скучные, серые книги, они оставляли чувство горечи и недоумения. Особенно досадно было, когда автором такой книги оказывался писатель, ранее зарекомендовавший себя хорошими произведениями. В общем-то плохих книг было еще довольно много, но хороших стало больше.

- Остап, так можно ослепнуть от чтения, - говорила жена. - Ты бы сходил в магазин, мне надо масла.

Он надевал шинель с темными полосами невыгоревшего сукна на месте погон и шел в магазин. Мелкие поручения жены сначала радовали его, он был хоть чем-то занят. Но однажды встретил Гурина. Тот был когда-то помощником коменданта города и ушел в запас года полтора назад.

Поздоровавшись, Гурин насмешливо спросил:

- Что, Остап Григорьевич, и вы теперь стали "тыбой"?

- Какой "тыбой"? - не понял Герасименко.

- Не знаете? - удивился Турин. - Должность наша: с вами теперь такая. "Ты бы сходил за картошкой", "Ты бы купил колбасы или молока..." Словом, ты бы. Поняли?

Так вот он о чем? А ведь в самом деле...

Гурин пригласил:

- Заходите ко мне. Поговорим о том о сем, в картишки перекинемся. В преферанс играете? Ну вот и хорошо. У нас компания собирается, заходите!

"Действительно, я начинаю превращаться в мальчика на побегушках, подумал Герасименко. - Сижу как крот в норе. Пожалуй, надо встряхнуться".

Приходу Остапа Григорьевича обрадовались.

- Нашего полку прибыло! - радостно воскликнул Турин.

- Вот теперь и партийно-политическое обеспечение у нас на высоте! пошутил бывший начальник штаба бригады траления

Хохлов, здороваясь с Герасименко.

- Никольский, Александр Ильич, бывший командир авиационного полка, представил Гурин вставшего из-за стола высокого человека с обгоревшим лицом. Герасименко осторожно пожал его шершавую, тоже обгоревшую руку.

На круглом полированном столе лежали две колоды карт, лист бумаги, карандаши. Когда уселись за круглый стол, Никольский начал сдавать.

- Два круга распасовки.

Все согласно кивнули. Играли молча, изредка перебрасывались замечаниями по ходу игры. У Остапа Григорьевича "на горе" оказалось больше всех - он уже и не помнил, когда играл последний раз, кажется, года три назад, в санатории.

- Как поживаете, Семен Яковлевич? - спросил Герасименко у Гурина во время очередной сдачи.

- А вот так и живем. День да ночь - сутки прочь. Скучно живем, одним словом.

- Да, брат, невеселое это дело - отставка! - подхватил Хохлов. - Тебе в новинку, наверное, еще не надоело бездельничать. А мне вот, честно говоря, осточертело все это. Сейчас бы кочегаром на буксир пошел работать.

- Ну и шел бы.

- Э, дорогой мой Остап Григорьевич, не так все это просто. Я двадцать пять лет отдал службе. А больше ни на что, видно, не гожусь.

- Но у тебя же высшее образование!

- Военное. Не забывай этого.

- А опыт, организаторские способности? Ты что, не мог бы работать, скажем, мастером на судоремонтном заводе?

- Мог бы.

- Или в ДОСААФе?

- Тоже мог бы. Да кому я нужен?

- Нужен.

- Слушай, Остап Григорьевич. - Хохлов положил карты и закурил. Расскажу тебе одну историю. Неприятно мне вспоминать ее, но расскажу. Тебе это тоже надо знать... Так вот, пробовал я. Пошел в горсовет, в отдел, который трудоустройством занимается. Сидит там один тип. Каневский его фамилия. Он мне знаешь что предложил? В ларьке пивом торговать. Или кондуктором на автобусе. Нет, он не шутил! Он говорил серьезно. Более того, с этакой издевочкой в голосе. "У нас, говорит, трудно сейчас с работой. Вот, говорит, перед вами был товарищ. Из заключения вышел, растратчик. Ему тоже работу дать надо". Черт

его знает, почему я его тогда не ударил?

- Я бы ударил, - сказал Никольский.

- Понимаешь, Остап Григорьевич, я ничего не имею против продавцов и кондукторов. Дело тоже нужное. Но не по мне это. Мне не надо руководящую работу, я пойду кочегаром. И без денег, мне хватит пенсии. Но дайте мне дело по душе! А тут еще этот растратчик из тюрьмы. Ему, видите ли, предпочтение оказывают. Я двадцать пять лет отслужил, прошел три войны и вот...

- Ну этот, как его... Каневский, он-то небось не воевал? - заметил Гурин.

- Не в том дело. И я не собирался бахвалиться своими боевыми заслугами, хотя и это тоже нельзя со счета сбрасывать. Тем обиднее.

- Ну и больше ты не пробовал никуда обращаться? - спросил Герасименко у Хохлова.

- А ну их всех к дьяволу!

- Кого?

- Да этих чинуш... каневских.

- Ты же не в работники к нему наниматься пришел.

- Вот именно. Я добро хочу сделать и должен еще унижаться. Проживу и так. Я свое отработал, совесть у меня чиста. Пенсию за свой труд, за свои раны, за свои двадцатипятилетние скитания получаю.

- Да, поскитались мы немало, - подхватил Никольский. - Верите, я больше двух лет ни разу на одном месте не жил. В общей сложности в девятнадцати местах служил. И везде приходилось начинать сначала. Жил и в землянках, и в бараках. Ну мы-то ладно. Я удивляюсь, как жены наши выдерживали.

Заговорили о женах, о детях. У Гурина старший сын погиб в войну, младший - где-то на Севере с геологической экспедицией. У Хохлова дочь на Курильских островах, муж ее пограничник. У Никольского оба сына летчики, оба в разных местах. "Не заметил, когда оперились и разлетелись из своего гнезда". Остап Григорьевич тоже вспомнил о своем сыне, но промолчал. Он до сих пор глубоко переживал неудачно сложившуюся судьбу сына, женившегося на дочери известного ученого и жившего сейчас в Москве на его хлебах.

Игра шла вяло, вскоре они отложили карты и разошлись.

Остапу Григорьевичу и Никольскому было по пути. Сначала шли молча. Потом Никольский сказал:

- Я вижу, вы, Остап Григорьевич, уходите несколько огорченным.

- Пожалуй, - признался Герасименко.

- Вы Хохлову не верьте. Он работает как зверь. Пишет. Я читал. Не роман, но толково. И нужно. Для молодежи нужно. Словом, Хохлова отставка не сломила. Гурина - да, а Хохлова - нет.

- А что Гурин?

- Он вполне доволен. Жалуется, что скучно, но вы не верьте, ему-то не скучно. Огородишко завел, копается. Корову покупать собирается. Собственник!

- Почему же вы к нему ходите?

- Вы думаете только ради преферанса? Нет, это между делом. Гурина надо вырвать из паутины частнособственнических инстинктов. И так о нас, отставниках, бог знает какие сплетни разносят.

- Ну а вы? - спросил Герасименко.

- Я? Я работаю. Нештатный пропагандист горкома, председатель культурно-бытовой комиссии. В общем-то, дел хватает. Сейчас детский сад на общественных началах организуем, городской пионерлагерь, самодеятельный театр. "А как же я? Так и буду сидеть дома? - спросил себя Герасименко. Разве я ушел в отставку из жизни? Разве у меня нет потребности работать?"

На следующее утро Герасименко пошел в горком партии.

В приемной первого секретаря Карамышева сидело человек семь. Секретарша предупредила Герасименко:

- Без четверти двенадцать Михаил Петрович уедет на завод. Вряд ли он успеет принять вас.

Но Остап Григорьевич решил все же подождать, он знал, что поймать Карамышева трудно. "Авось успеет".

Первые четыре посетителя прошли быстро, но пятый застрял в кабинете секретаря на целый час. Когда он вышел, секретарша сказала:

- Все. Остальных Михаил Петрович примет вечером. В это время вышел Карамышев. Он был уже в пальто.

Поздоровавшись, извинился:

- Прошу простить, меня ждут на заводе. Если у кого дела совершенно неотложные, пройдите к товарищу Постнову. А ты, Остап Григорьевич, мне очень нужен. Одевайся, поговорим в дороге.

Герасименко вопросительно посмотрел на Карамышева. Они были знакомы давно, вместе бывали на совещаниях, сидели в президиумах, но отношения их были чисто, деловыми. Поэтому Остап Григорьевич удивился, уловив в обращении Карамышева какие-то дружеские нотки.

Пока Герасименко надевал шинель, Карамышев с улыбкой

разглядывал его. Потом, взяв за локоть, вывел из приемной.

- Я к тебе, Остап Григорьевич, давно собирался заехать, да все как-то не получалось. Как живешь?

- Да ведь как сказать... - Герасименко неопределенно пожал плечами.

- Работу пришел просить?

- Угадали.

- Я знал, что ты придешь. Наш брат, партийный работник, не умеет сидеть на пенсии, к людям его все время тянет. Как, тянет?

- Тянет.

- То-то! - Карамышев торжествующе рассмеялся. - А работу мы тебе, Остап Григорьевич, уже подыскали.

- Мне?

- Тебе. Чему удивляешься? Думал, и мы тебя в запас уволили?

- Так какую же работу? - спросил Герасименко.

- На судоремонтный секретарем парткома рекомендовать будем.

- Но ведь там меня не знают. А должность-то, между прочим, выборная.

- Это тебя-то не знают? Между прочим, знают. Лодки твои там ремонтируются. Ты депутат горсовета, член горкома. Да кто тебя в городе не знает?

- Надо подумать.

- Подумай, пожалуйста. Только не долго думай. Через две недели у них партийная конференция.

- Трудно будет.

- Очень трудно. Поэтому на твоей кандидатуре и остановились. Воробей ты стреляный, да и шея у тебя вон какая крепкая, выдюжит. - Карамышев засмеялся.

14

Ночью вошли в Неву, бросили якорь напротив Адмиралтейства. До рассвета оставалось добрых три часа, но спать никто не ложился. Матросы высыпали наверх, неторопливо курили, переговаривались. Многие впервые были в Ленинграде.

На мостике кто-то тихо и торжественно читал:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит...

До утра так никто и не заснул. После завтрака взялись за уборку. Когда все было вымыто, протерто, надраено до зеркального блеска, пошли в ход утюги и щетки. После обеда с первой группой увольняющихся Матвей сошел на берег. Замполит повел матросов на Дворцовую площадь, а Матвей направился в

обратную сторону, к мосту лейтенанта Шмидта.

Университет. Академия художеств с лежащими перед ней каменными сфинксами. А вот и дом академика Павлова. Памятник Крузенштерну. Кажется, ничего не изменилось, кажется, только вчера ты выходил из этого парадного подъезда и на углу Восьмой линии садился в трамвай. Но почему так замирает сердце?

Он долго стоял у парадного подъезда училища, не решаясь войти. К кому он, собственно, пойдет? Сейчас все курсанты и преподаватели на практике, на кораблях. Опустели аудитории, умолкли гулкие длинные коридоры, и только где-нибудь в компасном зале одинокий дневальный, скучая, расхаживает вокруг паркетной картушки и пытливо вглядывается в замершие в нишах статуи выдающихся ученых.

Матвей тихо побрел по Одиннадцатой линии. Вот вход в клуб училища. Там на втором этаже - голубая гостиная, картинная галерея, музей, зал Революции. А вот столовая, контрольно-пропускной пункт. Отсюда они вместе выходили с матерью: тогда снимали комнату на Среднем проспекте.

Мать... Он знал ее всего два года. Да, два года, если не считать тех первых трех лет в детстве. Если бы она .дождалась, пока он окончит училище, он увез бы ее с собой, не дал бы ей работать, заставил бы лечиться. Тогда, может быть, все сложилось бы иначе.

Вон то окно на втором этаже. Маленькая уютная комната. Он не был там после смерти матери. Он даже не хотел заходить за ее вещами - их оставила у себя хозяйка. Она же потом принесла ему в училище альбом с фотографиями и перевязанные выгоревшей лентой письма отца...

Им снова овладели грустные воспоминания, он шел, ничего не замечая. Не заметил, как дошел до Первой линии, машинально свернул на нее и опять вышел на набережную. Долго стоял облокотившись о гранитный парапет и глядя в мутную, с жирными пятнами мазута воду. Потом прошел по набережной до Дворцового моста, перешел через него, пересек площадь и через арку Главного штаба вышел к центральной телефонной станции. Отправив Курбатовым поздравительную телеграмму, вышел на Невский. Пестрая толпа подхватила его и понесла...

Была суббота, рабочий день уже закончился, и люди спешили домой. Матвея обгоняли, задевали свертками и сумками, торопливо извинялись, но он ничего не замечал. Только у Казанского собора, очнувшись, подумал: "А куда я иду?" Кроме Сони, у него в этом огромном городе не было ни одного близкого человека. И стоило вспомнить о Соне, как его неудержимо

потянуло к ней. Почему он ни разу не написал ей, что с ней сталось за это время? Его охватило нетерпение. Завидев зеленый глазок такси, выскочил на мостовую и загородил машине дорогу.

Соня была дома. Кажется, она ничуть не удивилась.

- А, Матвей. Проходи. - Старательно закрыла дверь и, повернувшись к нему, сказала: - Ну, здравствуй.

Она было протянула ему руку, но Матвей взял ее за плечи, настойчиво притянул к себе и поцеловал. Потом прижал ее голову к груди и ласково погладил ладонью по волосам. Она стояла покорно и тихо, но Матвей чувствовал, что все в ней напряжено. Вот она вздрогнула и легким движением рук мягко отстранила его, сказала:

- Сними тужурку. Жарко.

А через минуту уже совсем спокойно говорила:

- Я только что с работы, у меня беспорядок. Сейчас немного приберу, и мы приготовим чего-нибудь поесть.

Она держалась с обескураживающей непринужденностью. Казалось, они расстались только сегодня утром. Для Матвея это было совсем неожиданно, он думал, что придется объясняться. Но Соня ни о чем не спрашивала, и Матвей был благодарен ей.

Пока она торопливо прибирала комнату, он молча наблюдал за ней. Она осталась такой же, как и восемь месяцев назад.

- У меня сейчас такая сумасшедшая работа, я так устаю, что дома уже ничего не хочется делать.

- Может быть, нам пообедать в ресторане?

- Нет, я уже купила продукты. Если не съесть, все пропадет, жарища-то вон какая. Холодильник я так и не купила.

- Тогда я пойду принесу чего-нибудь выпить. Как-никак завтра наш праздник.

- Да, я и не поздравила тебя.

- Поздравишь завтра.

Она внимательно посмотрела на него.

- Не забудь купить минеральной воды.

- Хорошо.

- И постарайся побыстрей. У меня уже почти все готово.

Матвей снял со стула тужурку, но Соня сказала:

- Подожди-ка. - Она открыла шкаф и, порывшись в нем, достала рубашку. Это была его клетчатая рубашка, он забыл ее тогда. - Надень.

- Спасибо! - Он вложил в это восклицание особый смысл. Она поняла и, прикрыв глаза, кивнула.

Когда он вернулся, стол был уже накрыт. Сели, как обычно, друг против друга. Как бы между прочим Соня спросила:

- Ты надолго?

- На неделю.

- На парад?

- Да.

Больше она ни о чем не спрашивала. Они говорили о том о сем, старательно избегая говорить о себе.

- У нас, пожалуй, прохладнее.

- Да, лето нынче в Ленинграде необыкновенно жаркое. Я уже успела загореть.

- Ты хорошо выглядишь.

- Это комплимент?

- Это правда.

- Давай я еще положу тебе салата. На корабле вас, наверное, не балуют овощами.

- Не очень.

- Сейчас в овощах больше всего витаминов... Наконец он не выдержал:

- Зачем мы говорим обо всем этом? Ведь нам все равно не уйти от тех вопросов, которые мы не решаемся задать Друг другу.

- Что же, ты прав, - грустно согласилась Соня...

Он проснулся от ее взгляда. Когда повернул голову, Соня закрыла глаза и притворилась спящей. Но он сразу понял, что она не спала. Сколько прошло времени? Было еще светло, значит, прошло часа три-четыре, не больше.

Матвей погладил ее по щеке. Соня сразу открыла глаза и улыбнулась. Она послушно отдавала прикосновению его ласкающей руки свои щеки, шею, грудь. Ее волновали эти прикосновения.

А он ощущал в себе чудовищное спокойствие, и от этого спокойствия ему стало стыдно. Зачем он обманывает и ее и себя? Зачем он вообще здесь?

Он вспомнил о Люсе. Не было ли все это предательством по отношению к ней? Именно предательством, самым низким и грязным. Как он мог забыть о ней? Прошлое оказалось сильнее? Но ведь в прошлом у них с Соней ничего не было, кроме привычки. Впрочем, было. Была благодарность. Искренняя благодарность за ее сочувствие, может быть, даже за ее жалость к нему. Да, она пришла к нему в трудный момент, сочувствие ее было непритворным. Она ни в чем но виновата. Виноват только он. Вероятно, у нее тоже осталась привычка. Она никогда не любила его, ей просто было очень нужно, чтобы с ней кто-то был, чтобы она не чувствовала себя одинокой. Она на четыре года старше его, ей уже двадцать семь. Женщине в эти годы трудно и почему-то стыдно быть одинокой.

Но как он мог забыть о Люсе? Он сам этого не понимал.

Матвей обвел взглядом комнату. Все здесь привычное, знакомое, но все стало ему чужим. И эта смятая постель, и Соня. У него появилось какое-то чувство опустошенности.

Соня резко отшатнулась. И в тот же момент Матвей встал и начал одеваться.

- Мне надо на корабль, - сказал он.

Она молчала. В сумерках он не видел ее лица, но ощущал на себе ее взгляд.

Когда он уже оделся, Соня позвала:

- Матвей...

Он подошел к кровати.

- Матвей, - Соня, не сдержавшись, громко разрыдалась. Она уткнулась лицом в подушку, тщетно пытаясь заглушить рыдания. Ее голые плечи вздрагивали. Рука Матвея непроизвольно потянулась, чтобы погладить их. Но он боялся сейчас прикасаться к ней, боялся, что в нем снова вспыхнет жалость и не хватит мужества уйти.

- Не надо! Соня, не надо! - повторял он отчужденно и с досадой.

И она вдруг перестала рыдать, села на постели, по-детски вытерла тыльной стороной ладони слезы и грустно спросила:

- Почему так получается? Почему мне так не везет? Ведь я не хуже других. Ну была бы я уродом или просто развратной женщиной, тогда можно было бы еще как-то объяснить. Но ведь я ничем не хуже многих других! Почему же им есть счастье, а ко мне оно не приходит? Скажи, Матвей, почему так получается?

Он растерянно молчал. Ему стало жалко ее. Но он подавил эту жалость и жестко сказал:

- Счастье - не холодильник, который можно выиграть по лотерее. Оно не приходит, его надо взять. Его берут и отстаивают.

- Но как? Как его взять и где его взять?

- Не знаю.

- Эх вы!..

Кого она еще имела в виду, Матвей не понял.

- Ладно, иди. С тобой счастья не вышло. И вижу, что не выйдет. Но я тебе благодарна и за то, что было.

- Ну зачем ты так? - он едва сдерживал раздражение.

- Не сердись, Матвей. Говорю, как умею. Я на тебя не обижаюсь, ты не в чем не виноват. Так уж получилось. А теперь - прощай. Дай я тебя поцелую.

Он подставил губы, она крепко поцеловала.

- Иди.

Она стояла на площадке, запахнув халатик, придерживая его рукой на груди, и смотрела, как Матвей спускается по лестнице.

- Будь счастлив!

Он слышал, как осторожно закрылась дверь и почувствовал щемящую грусть.

15

Люся проснулась от звонка. Она машинально протянула руку и, нащупав будильник, нажала кнопку. Но звонок повторился. Оказывается, это звонил не будильник. Кто-то пришел. "Кто бы мог в такую рань?" - подумала Люся и откинула одеяло. Но тут же снова натянула его на себя, услышав, что по коридору прошаркали чьи-то шаги.

А через минуту в дверь ее комнаты постучалась соседка.

- Люсенька, вы не спите?

- Нет, входите, пожалуйста.

Соседка была в ночной рубашке и тапочках на босу ногу.

- Извините, если разбудила. Вам телеграмма. Я подумала, что она, наверное, срочная, коли так рано принесли.

- Спасибо. - Люся взяла телеграмму и развернула ее. "Капитан покидает судно последним", - прочитала она и улыбнулась.

- Что-нибудь действительно срочное? - спросила соседка.

Люся свернула телеграмму и сунула под подушку.

- Да, срочная. Спасибо.

- Пожалуйста. - Соседка ушла.

"Матвей! Милый мой Матвей, значит, ты тоже думаешь обо мне?" - Люся радостно рассмеялась. Потом достала из-под подушки телеграмму и перечитала ее. Подписи нет. Она и не нужна. Отправлена из Ленинграда вчера, в двадцать три сорок. "Я была уже дома. Странно, однако я в это время тоже думала о нем".

Впрочем, с тех пор, как он ушел в Ленинград, она все время думала о нем.

Это было неудержимо, как обвал. Стоило ей хоть на минуту отвлечься от дел, как сразу наваливались воспоминания. Они, точно ночные бабочки около огня, вились вокруг событий последнего вечера, проведенного вместе. Она помнила каждое сказанное им слово, каждую фразу, слышала его голос, ощущала его взгляд. Когда он вернется? Что она скажет, когда увидит его?

- Люсенька, ты не опоздаешь? - приоткрыв дверь, спросила мать.

- Ой, уже четверть восьмого!

* * *

Юзек ждал ее у проходной.

- Ну, как дела? - спросила Люся.

- Вернули.

- Гаврилов?

- Да.

- Что он сказал?

- Сказал, что это никуда не годится.

- Так. Идем! - Люся взяла Юзека за руку и потащила к заводоуправлению.

Герасименко был один. Втолкнув Юзека в его кабинет, Люся еще с порога начала:

- Товарищ секретарь, когда же прекратится это безобразие? Третий раз возвращают и, по существу, ничем не мотивируют...

Остап Григорьевич улыбнулся:

- Простите, как ваша фамилия?

- Казакова. А что?

- Здравствуйте, товарищ Казакова.

- Ой, извините, я, кажется, не поздоровалась. Здравствуйте, товарищ Герасименко.

- Меня зовут Остапом, по батьке Григорьевич.

- Очень приятно. Понимаете, Остап Григорьевич, он бывает иногда совершенно беспомощным.

- Простите, а кто этот молодой человек? - опять прервал ее Герасименко.

- Это Юзек. Шварц. Сварщик в моей бригаде.

- Вот теперь я начинаю кое-что понимать. Вы - бригадир, а это сварщик Юзек Шварц. Садитесь, пожалуйста. И как можно спокойнее объясните: первое в чем состоит упомянутое вами безобразие; второе - что именно возвращают в третий раз и но мотивируют по существу; и, наконец, третье кто бывает иногда совершенно беспомощным и в чем мы ему можем помочь.

Спокойный тон секретаря парткома почему-то окончательно вывел Люсю из себя. И она сердито ответила:

- Первое: вышеупомянутое безобразие состоит в том, что начальник БРИЗа Гаврилов зажимает предложения рабочих. Второе: в третий раз возвращают рационализаторское предложение Шварца. Третье: сам Шварц об этом никому никогда не скажет. Вот почему вам докладываю я.

Она сделала ударение на слове "докладываю", намекая Герасименко на его недавнюю службу и рассчитывая уязвить его тем, что в делах завода он плохо разбирается. "Ишь ведь какая ершистая!" - подумал Герасименко. Он понял ее намек, но не обиделся. Отчасти потому, что в ном была доля правды - он еще не успел вникнуть во все стороны жизни завода. Отчасти же по другой причине: ершистых людей он любил больше, чем покладистых.

- Ну что ж, будем разбираться, - сказал он.

- А сколько будете разбираться? - спросила Люся - Месяц,

два?

Герасименко внимательно посмотрел на нее, потом заглянул в лежавший под стеклом план. С работой БРИЗа он должен был знакомиться только через неделю. Придется, видимо, заняться сегодня. И он спокойно ответил:

- Зачем же месяц? Сейчас и разберемся.

Он встал, по привычке одернул китель и предложил:

- Пойдемте-ка к Гаврилову.

Бюро рационализации и изобретательства располагалось в небольшой полутемной комнатке, где едва помещались стол, шкаф и два стула. За столом сидел Гаврилов. Это был щупленький старичок с голым черепом и бородкой клинышком, в потертом пиджаке, обсыпанном пеплом. Нагнув голову, точно собираясь боднуть Герасименко, Гаврилов посмотрел на него поверх больших очков в роговой оправе и спросил:

- Чем могу служить?

- Я бы хотел ознакомиться с предложением товарища Шварца, - сказал Герасименко.

Гаврилов поочередно оглядел Люсю и Юзека, и в его умных глазах мелькнула добродушная усмешка.

- Извольте, - он открыл шкаф и, вынув из него папку, протянул ее Остапу Григорьевичу.

Герасименко взял папку, взвесил ее на ладони и положил пород Гавриловым.

- Вы, очевидно, знаете, что я не специалист. Поэтому я попрошу вас популярно объяснить суть дела.

Гаврилов рассказал о предложении Шварца. Спросил Юзека:

- Я ничего не упустил?

- Нет, все точно.

- Так вот, предложение это никакими теоретическими и техническими расчетами не обосновано. Я это сейчас докажу. Идите сюда, Шварц.

Юзек подошел к столу.

- Идите и вы, - пригласил Гаврилов Люсю. Он положил перед ними чистый лист бумаги:

- Пишите.

Люся взяла карандаш. Гаврилов стал диктовать какие-то формулы. Герасименко ничего в них не смыслил, но Люся и Юзек, судя по всему, разбирались в них.

Наконец Гаврилов, откинувшись на спинку стула, спросил:

- Что мы имеем в итоге?

- Ничего, - растерянно сказала Люся.

- Вот именно ничего, - подтвердил Гаврилов.

- Да, но практически, может быть... - начала было Люся.

- Ничего не может быть! - сказал Гаврилов и выдвинул ящик стола. Он стал извлекать из него металлические пластины и стержни, электроды, куски угля.

- Вот, извольте полюбоваться. Посмотрите хотя бы на этот шов.

Люся взяла стальную плиту, внимательно рассмотрела шов.

- Шов хороший. Даже красивый.

- Спасибо. Но красота эта обманчива. Вот данные лаборатории, - Гаврилов протянул Люсе листок.

- Да, хуже не придумаешь.

- А вот еще. - Гаврилов положил перед Люсей еще несколько листков.

Люся перечитала их, поинтересовалась:

- Скажите, кто все это проверял?

- Ну, это не важно.

- Но ведь это месяц работы, притом кропотливой.

- Ошибаетесь. Я затратил на нее семнадцать дней.

- Вы хотели сказать - ночей.

- Это не имеет значения.

- Нет, имеет! - Люся подошла к Гаврилову, неожиданно обняла его. Дорогой наш товарищ Гаврилов! Вы извините нас. Мы совершенные идиоты. Юзек, идем!

Люся схватила Юзека за руку и вытащила из комнаты.

Гаврилов вынул платок и сделал вид, что протирает очки. Но Герасименко заметил, что глаза старика влажные.

- Вы действительно сами все проверяли?

- Видите ли, этот Шварц - парень с головой. У него необычен ход рассуждений. И мне вдруг подумалось: а что, если в этом что-то действительно есть? Может быть, я отстал? И потом, знаете: новое всегда непривычно. Вот я и решил проверить.

- Почему же вы им не сказали? Шварц мог бы вам помочь.

- Шварц? Нет, он совсем непригоден для практической работы. Он прирожденный фантазер. Я третий раз возвращаю ему работу, и каждый раз он предлагает новый вариант. Может быть, двадцатый или тридцатый вариант окажется открытием. А эта девушка, что же, вам жаловалась?

- Да.

- Замечательная девушка.

- Она вас здорово ругала.

Гаврилов засмеялся:

- Они думали, что сидит тут старый гриб, копается в бумажках и душит их молодую пылкую мысль. Н-да. Но бумажек, к сожалению, у меня действительно много. Я имею в виду - ненужных.

- Знаете, - сказал Герасименко, - уж коли я зашел к вам, то мне хотелось бы подробнее ознакомиться с работой БРИЗа, с предложениями рабочих. Не сочтите это за проверку. Просто мне хочется посмотреть, много ли предложений, кто их вносит, насколько они характеризуют возросший технический уровень рабочих. И действительно ли растет этот уровень, или мы только говорим об этом.

- Почту за честь, - Гаврилов поклонился. - Знаете, всерьез работой нашего БРИЗа никто не занимался с одна тысяча девятьсот сорок седьмого года. И я буду очень рад ознакомить вас. Уверяю, что вы почерпнете довольно любопытные сведения.

Весь день Герасименко просидел с начальником БРИЗа.

- Как видите, предложений много, большинство их внедрено в производство, - говорил Гаврилов. - С одной стороны, это хорошо, ибо свидетельствует о действительно возросшем техническом уровне рабочего. Но позвольте высказать еще одну крайне тревожащую меня мысль. Вот по этому станку рабочие нашего завода внесли тридцать шесть усовершенствований. А вот еще, - Гаврилов вынул из шкафа пачку журналов. - Я специально поинтересовался этим станком. На других заводах, по опубликованным в печати сведениям, внесено еще около сотни усовершенствований. Хорошо ли это? В журналах и газетах буквально хвастаются этими цифрами. А ведь это очень плохо! Что значит полторы сотни усовершенствований? Они значат, что в серийное производство был запущен никуда не годный станок. Эти усовершенствования говорят не столько о творческой мысли рабочих, сколько о безответственности, а может быть, и бездарности, и технической безграмотности конструкторов станка. Вы понимаете, о чем я говорю?

Гаврилов понравился Остапу Григорьевичу. Работа у него была налажена образцово, но видно было, что она его не удовлетворяет. "Не дают старику оперативного простора, - подумал Остап Григорьевич. - Тесновато ему тут".

16

Лодка возвращалась из Ленинграда. До базы оставалось не более трех часов хода, когда получили радиограмму комбрига. В. ней предписывалось зайти в полигон и провести зачетную стрельбу. Сам комбриг находился на тральщике, который должен служить целью.

К этой стрельбе готовились долго и тщательно. Но потом началась подготовка к параду, покраска, обнаружилась прорва дел, связанных с переходом в Ленинград, и стрельба неизбежно отодвинулась на второй план. Правда, во время стоянки в Неве торпедисты занимались, но им то и дело мешали экскурсанты,

которых через каждые два часа перевозил с берега на лодку рейдовый катер. Поэтому сейчас, прочитав радиограмму, Крымов озабоченно потер щеку и вызвал на мостик Семена Пронякова. Когда тот поднялся, Крымов протянул ему радиограмму и, выждав, пока Проняков ее прочтет, спросил:

- Готовы?

- Готовы, - уверенно ответил Семен.

- Проверьте все лично.

- Есть! - Семен нырнул в рубочный люк.

Начали поиск цели. Через двадцать минут акустик доложил, что слышит шум винтов. Но это был всего лишь рыболовный траулер. Потом им встретился большой транспорт, идущий курсом к Ленинграду. Наконец они обнаружили в третьем квадрате тральщик.

- Боевая тревога! Торпедная атака!

Прежде чем послать Крымову радиограмму, Уваров запросил по радио, вышел ли торпедолов. Из базы сообщили, что торпедолов вышел полчаса назад. Продиктовав шифровальщику радиограмму, Уваров приподнялся над обвесом мостика, оглядел горизонт и озабоченно сказал стоявшему рядом командиру тральщика капитан-лейтенанту Баскакову:

- Как бы не потерять торпеду. Ветер крепчает.

Шторм все усиливался, море было усеяно белыми барашками, ветер срывал с их верхушек крупные хлопья пены.

- Потерять не потеряем, а поднимать торпеду будет трудно, - сказал Баскаков.

Тральщик шел малым ходом, лагом к волне, и его валило с борта на борт. Волны захлестывали палубу, разбиваясь о надстройки, окутывали корабль светло-оранжевым туманом брызг. Уварову принесли плащ, но он уже не согревал - китель успел промокнуть насквозь. Баскаков, оставив за себя на мостике помощника, пригласил Уварова пить чай, и они спустились в кают-компанию.

Когда они снова поднялись на мостик, Уваров спросил у помощника командира тральщика:

- Торпедолова не видно?

- Никак нет.

Уваров посмотрел на часы. Торпедолов должен был давно прийти.

- Запросите через оперативного базы его место.

- Есть!

На посланную радиограмму долго не отвечали. Наконец передали, что по приказанию командира бригады траления торпедолов вернулся в базу. В тот же момент акустик доложил,

что слышит шум винтов.

- Приготовить гранаты! - приказал Уваров. Он хотел немедленно поднять лодку.

Но было уже поздно: акустик слышал шум винтов торпеды. Ее след тотчас же обнаружили сигнальщики.

Торпеда прошла точно под тральщиком в районе трубы и вскоре всплыла кабельтовых в трех по левому борту.

- Молодцы! - похвалил подводников Баскаков. Уваров промолчал, хотя и сам, оценив атаку как отличную, мысленно похвалил Крымова. Комбриг был сейчас озабочен тем, что делать с торпедой дальше. Вряд ли удастся на такой волне поднять ее на борт тральщика. "Какого черта он вернул торпедолов?" - с досадой подумал Уваров о командире бригады траления.

Когда лодка всплыла, ей передали радиограмму: "Торпеда прошла под целью, всплыла у вас по курсу в трех кабельтовых. Прикройте ее с наветренной стороны, буду брать торпеду на буксир".

Развернувшись, лодка прикрыла от ветра плясавшую на волне торпеду. Тральщик зашел с подветренной стороны. Отпорным крюком удалось зацепиться за рым зарядного отделения торпеды и завести трос.

К тому времени совсем стемнело, на тральщике и на лодке включили прожекторы. Их тонкие жала скрестились на едва выступавшей из воды головке торпеды.

О том, чтобы поднять торпеду на борт тральной лебедкой, не могло быть и речи, и Уваров приказал буксировать ее малым ходом. Но не прошли они и двух миль, как были вынуждены отказаться от этой затеи. Волна стала еще круче, тральщик бросало из стороны в сторону, создавалась опасность нарушить герметичность торпеды и утопить ее. Оставалось отдать трос и, удерживая торпеду в луче прожектора, ждать торпедолова.

Тральщик лег в дрейф, лодке было приказано идти в базу. Уваров снова запросил у оперативного дежурного место торпедолова. Вскоре тот сообщил, что торпедолов вышел, и передал командиру тральщика приказание комбрига немедленно следовать на базу.

- Но ведь это же нелепо! - воскликнул Баскаков. - Торпедолову идти сюда не меньше двух часов.

"Это не только нелепо, это просто чудовищно!" - подумал Уваров. Оставить торпеду - значит потерять ее. Вернуть лодку? Но у нее слабый прожектор, она через десять минут все равно потеряет торпеду. Да и оставлять лодку одну в надводном положении нельзя.

Уваров приказал связаться с командиром бригады траления

Самохиным и доложить ему обстановку. Но Самохин лишь подтвердил свое приказание. Чем он руководствовался, отдавая это приказание, Уваров не знал и не мог даже представить, какие причины заставляют Самохина принять решение, нелепость которого совершенно очевидна.

"Неужели он мстит?"

После случая, когда по вине Самохина упустили зашедшую в наши воды чужую лодку и Самохин был предупрежден о неполном служебном соответствии, он разговаривал с Уваровым сквозь зубы. Очевидно, полагал, что тогда Уваров должен был, выгораживая его, свалить всю вину на Дубровского.

Однако надо было что-то предпринимать. И Уваров приказал лодке вернуться.

Слабый луч прожектора едва пробивал десять - двенадцать метров темноты и ложился на воду небольшим бледно-желтым пятном, в котором клокотало и пенилось море. Нет-нет да и выталкивало оно из кипени волн темную головку торпеды. Удерживать ее в свете прожектора было трудно, то и дело приходилось подрабатывать электромоторами.

Инженер-механик доложил Крымову, что плотность электролита мала и, если торпедолов задержится, они окончательно "посадят" аккумуляторные батареи. Крымов приказал лечь в дрейф и следить за торпедой радиолокатором. Но радиолокационный контакт был ненадежен: шторм усиливается, и поймать на экране такую точечную цель было невероятно трудно. Матвей Стрешнев, поднявшись на мостик, замерил направление и силу ветра и нанес на карту вектор дрейфа.

Теперь оставалось только ждать подхода торпедолова. Крымов разрешил команде ужинать и сам спустился в кают-компанию. На мостике остались Вадим Сенцов, Матвей Стрешнев, рулевые-сигнальщики Бодров и Широков.

Матвей молча курил одну папиросу за другой и никак не мог подавить в себе поднимавшегося раздражения. Его, как и всех на корабле, радовал успех атаки. Но все, что делалось после этого, было непонятно и особенно досадно. Почему ушел комбриг с тральщиком? Матвей не знал, что так распорядился Самохин, и всю вину сваливал на Уварова. Его уважение к Уварову поколебалось. Конечно, и начальство может ошибаться. Но разве все, что сейчас делается, просто ошибка? Ведь любому мало-мальски грамотному моряку ясно, что логичнее всего было бы оставить с торпедой тральщик.

Хорошо еще, что с тральщика догадались сбросить буй. Парусность у него больше, чем у торпеды, его отнесет, но он все-

таки хоть приблизительно будет указывать место.

Погас прожектор.

- Что там? - спросил Матвей.

- Опять замыкание, - ответил Широков.

Это было уже в третий раз. Где-то, видимо, пробило кабель, а волна то и дело захлестывает мостик. Широков, подсвечивая фонариком, осматривал кабель. Потом спустился в боевую рубку и долго возился там. Матвей тоже спустился в рубку и присел рядом с матросом. Широков покосился на него и ничего не сказал. Последнее время матрос стал угрюм и неразговорчив, сторонился товарищей.

- Что это вы грустите? - спросил Матвей. Матрос усмехнулся:

- Вы ведь, товарищ лейтенант, меня уже спрашивали об этом.

Только теперь Матвей вспомнил, что действительно спрашивал Широкова, и, кажется, не раз, но так и не узнал, в чем дело.

- Так что же у вас все-таки приключилось?

- Ничего интересного. Так, мелочи жизни, - уклонился от прямого ответа Широков.

Матвей вдруг подумал, что совсем не знает этого матроса. То есть знает, что со своими обязанностями он справляется хорошо, исполнительный, умелый специалист. И только. А как человек? А что у него на душе, что он любит, о чем думает?

Что он мог сказать сейчас о Широкове? А о других? Может быть, несколько лучше он знал только Бодрова.

Видимо, матросы замечали его привычку уходить в себя. Это, наверное, обижало их. Вот и Широков не доверяет ему. Значит, Матвей не сумел расположить его к себе.

Что же происходит с матросом? Неприятностей по службе у него не было, ни с кем вроде не ссорился. Может, в городе? Но Широков редко ходит на берег. А почему? Да, ведь он женат. Единственный из его подчиненных женатый матрос. Может быть, дома что-нибудь случилось?

- Видимо, мне вы еще не доверяете, - сказал Матвей. - Но поверьте, мне хочется вам чем-то помочь. Может быть, дома у вас что-нибудь неладно? Что пишет жена?

Кажется, он угадал. Широков, быстро взглянув на Матвея, потупился. Потом тихо сказал:

- В том-то и дело, что она ничего не пишет.

- Как же так?

- А вот так. Не пишет, и все. И на мои письма не отвечает.

- Может, вы ее чем-нибудь обидели?

Широков долго колебался: рассказывать или нет? Наконец заговорил:

- Не знаю, товарищ лейтенант, может, я в чем-то виноват. Только все это не так просто, как кажется. Словом, такое дело. Мы поженились с. Галей за два месяца до того, как мне пойти служить. Жили эти два месяца у моих родителей. Галины родители в другом городе, и она до свадьбы в общежитии жила. Когда меня призвали, Галя хотела вернуться в общежитие, но я настоял, чтобы осталась у моих родителей. Сказать по правде, я ревнивый. Ну, думаю, с родителями все какой-то догляд над ней будет. Ведь не на один месяц ухожу на четыре года. А потом они не поладили с матерью. Чего они там не поделили - не знаю. Галя вообще-то старалась угодить. Но матери угодить трудно, характер у нее тяжелый. Одним словом, ушла Галя. Написала мне, что не может больше так жить. А потом пришло письмо от матери. - Матрос достал из кармана конверт, вынул из него исписанный корявым почерком тетрадный листок, протянул: - Вот, почитайте это место.

Матвей взял листок.

"Живет она теперь у Насти Поляковой. Сам знаешь, кто такая Настя, о ней весь поселок говорит. Нашла себе подругу! У них там гулянки каждый день. И наверно, совсем она тебя забыла. Так вот, сынок, получилось как. Но ты не кручинься. Девок хороших много, найдешь себе другую, как вернешься со службы. А ей, беспутной, и не пиши вовсе, не стоит она тебя".

Матвей вернул матросу письмо. Тот аккуратно свернул его, вложил в конверт, тяжело вздохнул.

- После этого я написал Гале. Сами понимаете, сгоряча написал много такого, чего она, может, и не заслуживала. Особенно меня взбесила ее дружба с Настей, о которой по всему поселку дурная слава идет.

- И что же вам ответила Галя?

- А ничего. Потом еще несколько раз писал. Ни ответа ни привета. Не знаю, как теперь и быть, товарищ лейтенант.

Матрос замолчал. Он, наверное, ждал, что посоветует лейтенант. А что он мог посоветовать? Матвей и сам в таких делах был неопытен. Утешать матроса было бесполезно.

- А что, если вам самому поехать туда и во всем разобраться?

Широков усмехнулся:

- Кто же меня пустит? До отпуска мне еще целый год ждать.

- Ладно, что-нибудь придумаем, - пообещал Матвей, решив ходатайствовать перед командиром о предоставлении матросу краткосрочного отпуска.

17

В дверь постучали. К Курбатову заглянул рассыльный.

- Товарищ старший лейтенант, вас просит комдив.

В каюте командира дивизиона кроме самого Астахова сидели водолазный врач капитан Савин и какой-то штатский мужчина. Астахов представил его:

- Председатель рыболовецкого колхоза Федор Тимофеевич Котов. Просит у нас помощи.

- Да уж выручайте, - подтвердил Котов. - А то у нас водолазы-то не шибко обученные.

Астахов пояснил, в чем дело. Три месяца назад у Черной банки затонул рыболовецкий сейнер. Колхозники решили его поднять. В колхозе был старенький водолазный бот, удалось раздобыть и понтоны. Нашлось и несколько водолазов из бывших военных моряков. Но как поднимать сейнер, никто толком не знал. Вот Котов и обратился за помощью к Астахову.

- Алексей Петрович и не такие суда поднимал, - сказал Астахов. - Вот он и будет руководить работами. На всякий случай пойдет и врач.

- Спасибо, - поблагодарил Котов и пожал Астахову руку. - Мне этот сейнер во как нужен.

- Когда выходить? - спросил Алексей.

- Хорошо бы сейчас и выйти. Я ведь на боте и пришел за вами, - сказал Котов.

- Через час я буду готов. Только забегу домой.

- Как сынишка? - спросил Астахов.

- Богатырь!

- Серафима Петровна управится с ним одна?

- Еще бы!

Алексей забежал домой, наскоро собрал чемоданчик и через час вместе с Савиным и Котовым вышел в рыболовецкий колхоз.

Бот был дряхлый, оборудование устаревшее, собрано по частям из списанного. Осмотрев рекомпрессионную камеру, Савин спросил у Котова:

- Где вы ее откопали?

- А что? - встревожился Котов. - Не годится?

- Годиться-то годится, но такими камерами пользовались еще в первую мировую войну.

- Что поделаешь, другой нет, - вздохнул Котов.

Алексей тоже осмотрел камеру и покачал головой. Действительно, старушка. В ней одно отделение, и если придется кого-то посылать на рекомпрессию, то только в одиночку.

Водолазы тоже оказались не ахти какими специалистами. В колхозе они очищали корпуса сейнеров, освобождали винты, если на них наматывались сети. На больших глубинах работать им не приходилось.

Работы шли успешно, и уже через неделю к подъему сейнера

было почти все готово. Оставалось только завести буксирный трос, чтобы выдернуть из толщи ила корму сейнера.

Под воду пошел водолаз Григорий Спиридонов. После него Алексей намеревался сам проверить, все ли хорошо подготовлено к подъему. Он уже был в готовности, оставалось только надеть шлем. Страхуя Спиридонова, Алексей следил за манометром, переговаривался с водолазом по телефону.

Вот Спиридонов опустился на сорок метров.

- Как самочувствие? - спросил Алексей.

- Нормально.

Алексей слышал в трубке ровное дыхание Григория. Пятьдесят метров... шестьдесят... И вдруг дыхание водолаза оборвалось. Стрелка манометра с отметки шестьдесят пять сразу прыгнула на семьдесят четыре.

- Воздух! - крикнул Алексей мотористам. И в трубку: - Гриша, ты меня слышишь? Что случилось?

Слабый-слабый голос в трубке ответил:

- Упал... шланг запутался... воздух!

- Выбирать шланг-сигнал! - приказал Алексей.

Но ни воздушный шланг, ни сигнальный конец не выбираются. Значит, где-то там их зажало. Спиридонов без воздуха. Алексей вопросительно смотрит на Савина.

- Идите, Алексей Петрович, - тихо сказал врач. Быстро завинчивают шлем. Алексей отталкивается от трапа и скользит вниз по спиридоновскому шлангу идти по спусковому концу некогда. Вот он стремительно летит вниз. В телефоне слышится голос страхующего его Глазкова: "Тридцать метров... пятьдесят... семьдесят..." Сейчас будет дно. Но на дне Спиридонова нет. Его шланг-сигнал уходит под понтонный трос и снова поднимается вверх.

Спиридонова он находит на палубе сейнера, почти у самой рубки. "Как он попал сюда?" - думает Алексей. По манометру было видно, что Григорий упал на дно. А потом, наверное, дали много воздуха, водолаз не успел стравить его через головной клапан, и его выбросило наверх. Теперь, чтобы подняться на поверхность, надо снова спуститься вниз и пройти под тросом понтона.

Алексей подошел к Спиридонову. Тот лежал на палубе, уцепившись за кнехт. Алексей легонько постучал по его шлему и прижался к его иллюминатору. Так они могли слышать друг друга.

- Идемте вниз! - крикнул Алексей.

- Голова болит... Запутался... Умру я... - хрипел водолаз.

"Упал духом. Как же это? Из всех колхозных водолазов

Спиридонов - самый опытный. Что он еще бормочет?" - Алексею не слышно, но там, наверху, все слышат. К телефону подошел Савин:

- Алексей Петрович, у Спиридонова шоковое состояние.

Видимо, началось наркотическое действие азота. При работе на глубине свыше шестидесяти метров это случается. Тогда у водолаза появляется беспричинный смех, говорливость, затем начинается головокружение, теряется ориентировка и сообразительность, начинаются зрительные и слуховые галлюцинации.

- Вставай! - прокричал Алексей Григорию.

Но тот по-прежнему лежал. Может быть, у него нет сил? Алексей взял водолаза за плечи. Но оторвать его от палубы не мог - Григорий еще сильнее уцепился за кнехт. Алексей попытался разжать его руки, но и это не удалось. Тогда он ударил по правой руке водолаза. Спиридонов на мгновение разжал пальцы, но тут же снова ухватился за кнехт. Алексей понял, что ему не справиться с водолазом, - страх удвоил его силы.

Оставалось одно.

- Перекройте Спиридонову воздух! - попросил Алексей.

- Ясно! - донеслось в телефоне. - Перекрываем.

Алексей, увидев, что Григорий обмяк, разжал ему руки и рывком поставив на ноги, крикнул в телефон:

- Провентилировать!

Но как только Спиридонову дали воздух и он пришел в себя, ухватился за леер. И опять Алексей не смог оторвать его.

- Перекройте еще раз воздух и ему и мне, - попросил Алексей.

- Вас понял. Перекрываю, - донеслось сверху. Алексей обхватил Спиридонова. Перекрыли воздух, оба они сразу потяжелели и покатились по палубе вниз.

Когда в скафандры снова хлынул свежий воздух, они были уже на дне. Оставалось протащить Спиридонова под тросом, чтобы освободить шланг-сигнал. Но теперь Алексей никак не мог заставить Спиридонова лечь, чтобы проползти под тросом. Григорий норовил перешагнуть через трос. Но тогда шланг-сигнал захлестнется вокруг троса, и они уже не смогут подняться.

Алексей попробовал силой заставить Спиридонова лечь. Он подошел к водолазу сзади и опрокинул его на спину. Но из этого ничего не вышло: Григорий тут же встал и намертво вцепился в трос. Пришлось снова прибегнуть к уже испытанному методу: перекрыть воздух. Алексей с трудом протащил Григория под тросом. Теперь шланг-сигнал был свободен, можно было выходить наверх. Но для этого надо добраться до спускового конца, закрепленного за корму сейнера. Алексей опасался, что

ему и туда придется тащить водолаза, но Спиридонов стал вдруг покорным и послушно пошел к корме.

Савин по телефону передал график подъема. Первая остановка должна быть на глубине сорок пять метров. Затем выдержки шли через каждые три метра. Алексей и Григорий пробыли на глубине больше нормативного срока, и теперь им придется выходить на поверхность почти десять часов.

Сверху спустили беседку на первую выдержку. Алексей сообщил об этом Спиридонову и нагнулся, чтобы проверить крепление спускового конца. Когда он поднялся, Спиридонова рядом не было. "Неужели ушел?" Светлые пузырьки стравленного воздуха пунктиром обозначали путь водолаза.

Алексей набрал в скафандр избыток воздуха и пошел вверх вслед за Спиридоновым. Вот и первая остановка - в воде свободно висит беседка. Григория на ней нет. "Что он, с ума спятил? Ведь это верная кессонка!"

- Спиридонова на выдержке нет! - сообщил Алексей по телефону.

- Он здесь, - ответил Глазков.

- Но это же...

- Он пошел без выдержки, и его схватила кессонная.

- Надо было снова вниз послать.

- Не захотел. Кричит от боли, а вниз идти не хочет. Пришлось качнуть воздуха, его выбросило. Сейчас он в барокамере.

- Жив?

- Пока жив. Но дело его плохо. Он там один не вытянет.

Да, один Спиридонов не вытянет, за ним нужен уход. Возможно, потребуется идти в базу. Но бот не сможет уйти, пока он, Алексей, здесь. "Надо выходить", - решил Алексей. Он понимал, что идет на большой риск. Но ведь там человеку грозит смерть.

- Приготовьтесь, выхожу наверх, - сообщил Алексей по телефону.

- Что вы, товарищ старший лейтенант! - испугался Глазков.

- Надо! Прошу приготовиться. Иду на выход!

Его выбросило у самого трапа. Теперь нельзя терять ни одной десятой доли секунды. Раздеваться некогда - кессонная болезнь ждать не будет. Его моментально поднимают на борт, вспарывают ножом водолазную рубаху, и он, вывалившись из скафандра, в два прыжка оказывается у барокамеры, но кессонка намертво схватывает его. Кажется, что он попадает в жернова мельницы и его начинают ломать и переламывать. Задохнувшись от нестерпимой боли, он валится на палубу, но его подхватывают и вталкивают в люк камеры.

Стальная бочка камеры напряженно гудит. Это компрессоры гонят сжатый воздух. За тонкой стальной стенкой слышатся чьи-то голоса. Но вот включили громкоговорящий телефон, и Савин спрашивает:

- Как себя чувствуете, Алексей Петрович?

- Немного лучше. Плечи чуть ноют, а ноги болят.

- Как Спиридонов?

- Плох.

- Следите за ним.

- Ладно.

Компрессоры накачивают сжатый воздух до восьми атмосфер, потом постепенно будут снижать давление до нормального, имитируя выход со дна. Гудит в ушах. Лежать неудобно. Кушетку занял Спиридонов. Алексей лежит на полу, на деревянной решетке. Он прислушивается к боли во всем теле и вспоминает признаки кессонной болезни. Обычно сначала появляется зуд, кожная сыпь, незначительные боли в суставах и мышцах. Но это лишь в легкой форме. В средней форме это острые боли во всем теле и так называемый меньеровский синдром. И, наконец, тяжелая форма - параличи, синюшность, одышка, поражение легких, потери сознания.

Боль отступает медленно. Она лишь чуть-чуть поутихла в плечах, ноги же по-прежнему нестерпимо жжет. Может быть, скоро утихнет и боль в ногах. Но Алексей знает, как коварна кессонная болезнь. Она может затаиться где угодно - ив суставах, и в крови, и в легких. И выгонять ее надо постепенно и наверняка. Может показаться, что она уже ушла, но стоит выйти из камеры, как она нанесет смертельный удар. Поэтому надо особенно внимательно наблюдать за всеми признаками болезни и информировать о них врача - только тогда он может назначить соответствующий режим лечения.

Савин приказывает:

- Делайте массаж.

И Алексей делает массаж сначала Спиридонову, потом себе. Водолаз лишь тихо постанывает. Потом он молча глотает несколько витаминизированных таблеток, предусмотрительно запасенных в камере. Через систему вентилей и задвижек им передают лекарства и грелки. Почти все грелки Алексей отдает Спиридонову.

Разомлев от тепла, тот зевает:

- Спать хочется.

- Нельзя! - строго предупреждает Алексей. - При кессонной болезни сон страшный враг. Стоит заснуть, и уже не проснешься. Ты попробуй петь.

Но Григорий упрямо повторяет:

- Спать, спать...

Алексей начинает колотить его ребром ладони по ногам, по спине. Григорий недовольно мычит. И едва Алексей перестает его тормошить, Спиридонов засыпает.

- Не спите!

Но водолаз уже не слышит. Алексей снова трясет его.

- Спать, спать, - шепчет Григорий. А сил уже нет, чтобы бороться с ним.

И вдруг совсем близко загремела музыка. Духовой оркестр играл марш. "Что это? - Алексей приподнялся и заглянул в стеклянный глазок камеры. Вплотную к камере стоял патефон. - Молодцы ребята, хорошо придумали".

Потом им пели Леонид Утесов и Клавдия Шульженко, их развлекали Аркадий Райкин и Рина Зеленая, Тарапунька и Штепсель. Сначала Григорий слушал их, но потом опять начал засыпать. Алексею снова пришлось тормошить его.

Прошло почти шесть часов. Бот пришел в базу. Давление в камере постепенно снижалось. Алексей почувствовал облегчение. Плечи уже не ныли, боль в ногах стала не режущей, а глухой. Но состояние Спиридонова не только не улучшалось, а начало ухудшаться.

- Как вы себя чувствуете? - запросил врач.

- Плохо. Хуже мне, - прохрипел Спиридонов.

- Алексей Петрович, придется снова "идти на глубину". Прибавляем давления. Следите за водолазом внимательнее.

- Хорошо.

Снова загудели компрессоры. Когда давление увеличилось, Григорию стало немного лучше. Но он опять заладил:

- Спать, спать...

И снова началась борьба: Алексей то принимался тормошить водолаза, то просто щипал его, чтобы не дать ему уснуть. Во время одной из схваток Григорий зацепился за электрический провод и оборвал его. В камере наступил мрак.

Когда через несколько минут над иллюминатором повесили переносную лампу, Алексей увидел, что Григорий спит. Разбудив водолаза. Алексей стал уговаривать его:

- Ну потерпи еще немного. Тебе нельзя спать. Понимаешь?

- Понимаю. Но не могу.

- У меня уже нет сил.

- Ладно, я посижу.

Алексей вытянулся на решетке и стал прислушиваться к себе. Боль в ногах обострялась. "Отчего бы?" - Он но телефону спросил об этом у Савина. Тот ответил неопределенно:

- Это бывает. О причинах судить трудно.

"Успокаивает". Алексей понимал, что так просто, ни с того ни с сего, этого не бывает. Возможно, что режим, выбранный для Спиридонова, не годился для него, Алексея. Что ж, врач в этом случае поступил правильно - Григорий в более тяжелом состоянии.

- Владимир Иванович, вы для Спиридонова все назначайте, а я продержусь, - сказал Алексей врачу.

- Я знаю, что делать, - сердито ответил Савин. "Если сердится, значит, дела неважные", - подумал Алексей. Он слишком хорошо знал уравновешенный характер водолазного врача-физиолога. Только Алексей хотел извиниться перед врачом, как с кушетки свалился Григорий. Он всем телом придавил Алексея. "Уснул все же!"

- Гриша, проснись! Да проснись же, черт тебя побери!

Но водолаз молчал. Алексей никак не мог выбраться из-под него: мешала кушетка. Наконец Алексею удалось выпростать руки, и он принялся трясти водолаза:

- Гриша! Гриша!

Молчит, не двигается.

Алексей прислушался. Дыхания не слышно. Он нашел его руку и стал нащупывать пульс. Водолаз был мертв.

Врач-физиолог капитан медицинской службы Владимир Иванович Савин через иллюминатор камеры едва различал то, что происходило внутри нее. Но он знал: Курбатов в тяжелом состоянии. Течение болезни шло незакономерно, назначенный ранее режим был нарушен ради спасения жизни водолаза. Теперь, когда Григорий умер, для Курбатова надо было выработать новый метод лечения. Именно выработать. И сделать это мог только он, Савин, врач, наблюдавший течение болезни.

- Как ноги? - спросил Савин по телефону.

- Не болят. Я их совсем не чувствую.

- Попробуйте пошевелить пальцами.

- Ничего не чувствую.

Савин положил трубку и, повернувшись к Астахову, тихо сказал:

- Паралич. Давление снижать пока нельзя.

Астахов кивнул.

- Мне нужно немедленно связаться с Ленинградом.

Спустя семь минут Савин разговаривал с видным специалистом в области физиологии водолазного труда профессором Гусевым. Тот подтвердил решение Савина: врач должен находиться в камере, рядом с больным.

- Но как я туда войду? Ведь давление нельзя снижать ни в

коем случае.

- Надо что-то придумать, - ответил профессор. - Я немедленно вылетаю в Синеморск.

Через сорок минут позвонили из Ленинграда: профессор Гусев после консилиума специалистов назначил лечебный режим. Но Савин лишь бегло просмотрел радиограмму и отложил ее. Он знал то, чего не знали о больном самые видные специалисты. Савин избрал другой режим.

18

У Герасименко шло заседание парткома, когда позвонил Астахов. Заседание пришлось прервать. Вместе с главным инженером Остап Григорьевич пошел в проектное бюро.

Отложив все дела, работники бюро вместе с прибывшими из порта водолазными специалистами принялись за проект предкамеры. Для ремонтников это был необычный заказ. Но сейчас от них зависела жизнь человека, и они решительно взялись за дело. Вскоре проект предкамеры, которая позволила бы врачу войти к больному, не снижая давления в рекомпрессионной камере, был готов.

Изготовить предкамеру поручили бригаде Люси Казаковой. Когда главный инженер объяснил ей задание, Остап Григорьевич отозвал Люсю в сторонку:

- Там в барокамере муж Серафимы Петровны Курбатовой.

- Алексей?

- Да. Надо, чтобы Серафима Петровна об этом пока не знала. Вы ведь, кажется, дружите с ней? Корабль уже пришвартовался к заводскому причалу, и ей могут передать.

- Хорошо, я постараюсь сделать так, чтобы Сима не узнала об этом. Она ведь еще в отпуске после родов. Мы к ней пошлем Ариадну, пусть все время будет возле нее.

- Хорошо.

- Остап Григорьевич, что с Алексеем?

- Кессонка его схватила.

- Это очень опасно?

- Видимо, да. Думаю, что жизнь ему спасут. Это во многом зависит от того, насколько быстро мы сделаем предкамеру.

Люся объяснила электросварщикам задание. Но едва она расставила их по местам, как дали гудок на обед. Сварщики будто не слышали его. Только Коля Пашин закинув на затылок щиток, потянулся к узелку с продуктами. Однако, увидев, что никто, кроме него, не собирается обедать, Коля снова принялся за работу.

Весть о тяжелом состоянии водолаза вскоре разнеслась по всему заводу. В бригаду Люси Казаковой потянулись люди из

других цехов. Каждый предлагал свои услуги, но Люся взяла только двух газосварщиков-корпусников.

Окончилась смена, и от людей не стало отбоя. Пришлось выставить караул. Но толпа у дверей цеха не убывала. Рабочие, нещадно дымя папиросами, вполголоса обсуждали создавшееся положение. То и дело посылали кого-нибудь к причалу узнать, как себя чувствует водолаз. Кто-то принес из столовой бачок супу. Сварщики, не снимая щитков, присели вокруг бачка и наспех похлебали из него.

Наконец длинный цилиндр предкамеры был готов, его погрузили на автокар и отвезли к причалу. Пока его стрелой переносили на борт катера, Люся упрашивала Астахова разрешить ей на правах друга взглянуть на Алексея. Астахов долго сопротивлялся, но наконец сдался.

- Владимир Иванович, уступите ей, пожалуйста, место, - обратился он к Савину, стоявшему у иллюминатора рекомпрессионной камеры. Люся приникла к стеклу. В камере было темно, переносная лампа бросала в нее лишь слабый пучок света. Люся увидела лежащего на полу человека. В его позе было что-то неестественное. Лишь приглядевшись, она поняла, что под ним еще один человек.

- Разве их двое? - спросила она.

- Двое, - ответил Савин, отстраняя ее от иллюминатора. - И в этом вся трагичность положения. Тот, что сверху, уже мертв.

Люся закусила губу, чтобы не расплакаться.

Лебедкой подали предкамеру. И только теперь выяснилось, что приварить ее к барокамере нельзя ни автогеном, ни электросваркой. В камере большое давление, от высокой температуры может воспламениться краска, и вспыхнет пожар. В спешке об этом не подумали.

- Что же делать? - спросила Люся.

Сейчас все смотрели на главного инженера. А он стоял у борта, глядел в море и напряженно думал. Так прошло несколько тягостных минут.

- А если болтами? - спросил вдруг Юзек.

- Помолчи-ка уж! - оборвал его кто-то. - Ты что, в камере дырки сверлить будешь?

- Зачем в камере? Можно и не в камере. Главный инженер, подойдя к Юзеку, попросил:

- Говорите, Шварц. Если за фланец, то тут ничего не выйдет, он входит внутрь камеры.

- А надо в обтяжку. У нас готовые стержни есть с нарезкой. Как раз по длине подойдут. Только вот выдержат ли?

- Это идея! - главный инженер достал блокнот, вытащил

карандаш и начал что-то торопливо писать. Но даже те, которые стояли рядом и видели все формулы и цифры, выскакивавшие из-под карандаша главного, ничего не понимали в них. Наконец главный поднял голову и торжествующе сказал:

- Выдержат!

Через пятьдесят минут предкамеру присоединили к барокамере и испытали на герметичность при давлении в десять атмосфер. Когда давление сняли, в предкамеру вошел Савин.

Гудят компрессоры, нагнетая в предкамеру сжатый воздух. Савин напряженно прислушивается к ровному гулу. "Скорей бы уж!" - думает он. Оставшись один в глухой темноте предкамеры, он острее сознает всю опасность своего положения. Малейшая неточность крепления предкамеры может вызвать нарушение герметичности цилиндра, резкое снижение давления. И тогда неизбежная кессонная болезнь или мучительная смерть. Тогда ему уже не помогут, ему просто не успеют помочь.

Но он сам принял такое решение, он сознательно шел на риск. Там, в рекомпрессионной камере, водолаз ждал его помощи. И его долг, долг врача, помочь больному, даже если для этого надо рисковать собственной жизнью.

Компрессоры смолкли. Снаружи простучали: "Норма". Теперь давление в предкамере и рекомпрессионной камере уравнялось. Савин отдраил люк и протиснулся в его отверстие. Затем он с трудом втиснул в предкамеру тело Спиридонова и снова задраил люк.

Теперь они с Курбатовым были в барокамере вдвоем. Уложив Алексея на кушетку, Савин начал обследовать его. Результаты оказались неутешительными: паралич ног и таза и сопутствующее кессонной болезни двустороннее воспаление легких. Это заставило отказаться от первоначально принятого Савиным решения: продолжать повышать давление в камере. Нужно было искать другой выход.

В это время на корабль прибыли прилетевшие из Ленинграда профессор Гусев, терапевт профессор Ладов и доцент кафедры нервных болезней Штырев. Савин обстоятельно проинформировал их о состоянии больного, и они, посоветовавшись, назначили новый режим лечения: применение средств, направленных на активизацию сердечной деятельности и регулирование дыхания, высококалорийное питание и соответствующий рекомпрессионный график.

За все это время Курбатов не издал ни одного стона. Савин удивлялся его выносливости и самообладанию.

Через полтора часа Алексей почувствовал себя немного лучше и даже поел - впервые за двое суток. А еще через шесть

часов двадцать три минуты, когда давление в камере снизили до нормального, открыли люк. Алексея на носилках перенесли в санитарную машину и отвезли в госпиталь.

Консилиум шел очень долго. Когда Савин вышел из госпиталя, Люся бросилась к нему:

- Ну как? Он будет жить?

- Будет.

- Значит, все хорошо?

- Не совсем. Простите, а вы кто ему?

- Я подруга его жены. Я должна сказать ей.

- Жить он будет, но ходить вряд ли. Во всяком случае, очень долго не сможет ходить.

Люся опустилась на скамейку и заплакала...

19

Торпедолов пришел лишь утром. Шторм еще не утих, найти торпеду было трудно. Сначала обнаружили сброшенный тральщиком буй и, рассчитав район поиска, начали искать торпеду. Заметили ее только на шестнадцатом галсе. Пока ее поднимали на борт торпедолова, день уже кончился. В базу лодка вернулась вечером, и только к десяти часам Матвею удалось выйти в город.

Дверь открыла Надежда Васильевна.

- Вы знаете, Люся еще с работы не пришла, - сказала она. - Что-то задерживается. Занятий у нее сегодня как будто нет. Да вы проходите.

Надежда Васильевна проводила Матвея в комнату Люси.

- Вы извините, я вас оставлю на несколько минут, - сказала она. - Маме что-то нездоровится.

Матвей и не знал, что у Люси есть еще и бабушка. Он сел на диван и огляделся. В комнате ничто не изменилось. Косо прибитая вешалка у двери, эстампы на стенах, заваленный книгами письменный столик в углу. Матвей взял лежавшую сверху книгу. Это оказался томик стихов Есенина. Он открыл томик и увидел телеграмму: "Капитан покидает судно последним". Улыбнулся.

Он еще раз перечитал телеграмму и посмотрел на портрет Люсиного отца. Матвею показалось, что старый моряк глядит на него с укором. Казалось, он спрашивал: "Как ты смел прийти сюда?" И Матвей почувствовал, что боится встречи с Люсей. Он встал и уже собирался потихоньку уйти, но вернулась Надежда Васильевна.

- Ужинать будете? - спросила она.

- Нет-нет! Спасибо, я только что поужинал. Вы пожалуйста, не беспокойтесь.

- Ну тогда хоть чаю выпейте.

- Спасибо, и чаю не хочу. Я, наверное, пойду.

- Подождите еще, Люся скоро придет. А то она будет огорчена.

- Вы так думаете?

Надежда Васильевна внимательно посмотрела на него и, сев на стул, взволнованно заговорила:

- Вы извините меня, Матвей. Я знаю, что мне не следует вмешиваться. Но я мать и не могу об этом не думать. Мне кажется, что Люся вам нравится. Я вижу, что и вы ей тоже по душе. И я только об одном хочу вас попросить: если вы имеете серьезные намерения, пожалуйста, не торопитесь. Я вот вас еще не совсем знаю. Может быть, мне и не обязательно знать. Но боюсь, что и вы еще мало знаете друг друга.

- А мне кажется, что я знаю ее всю жизнь, - признался Матвей.

- В молодости так говорят часто. Но, поверьте, вы еще не знаете жизни. Я не отговариваю вас, но хочу, чтобы вы не торопились, а получше узнали друг друга. Ваши родители где живут?

- У меня их нет.

Надежда Васильевна встала:

- Извините меня, если я вас обидела. Может быть, мне не следовало заводить этого разговора.

- Нет, почему же? Я вас понимаю.

- Спасибо. Больше мы никогда не будем об этом говорить.

Надежда Васильевна снова ушла к матери.

Матвей пытался читать, но никак не мог сосредоточиться. Он думал о том, что сказала Надежда Васильевна, потом долго не мог решить, что сказать Люсе о Соне и надо ли говорить вообще. Наконец ему удалось прочесть три или четыре стихотворения. Но тут он задремал - сказалась усталость: последние двое суток он почти не спал.

* * *

Люся открыла дверь своим ключом, на цыпочках прошла в комнату. И чуть не вскрикнула, увидев Матвея. Он спал полулежа, неловко свалившись на валик дивана. На полу валялась книга. Люся подняла ее, села на стул и стала разглядывать Матвея.

Он заметно похудел, лицо его осунулось, почернело. Наверное, он очень устал. И лежать ему неудобно. Люся осторожно расшнуровала и сняла с него ботинки. Матвей что-то пробормотал, но не проснулся.

И вдруг ей стало страшно. Она вспомнила об Алексее и подумала, что ведь и у Матвея служба опасная и с ним тоже

может что-то случиться. И она поняла, что теперь всю жизнь будет тревожиться о нем, хотя, может быть, никогда не скажет ему об этом. Так тревожилась ее мать, когда отец уходил в море. Так, наверное, тревожатся все матери и жены моряков.

Потом она встала, тихонько вышла в кухню, вскипятила чайник. Стараясь не греметь посудой, не спеша накрыла на стол. Было уже семь часов. Наверное, Матвею надо вернуться на корабль к подъему флага. Придется его будить.

Она погладила Матвея по щеке. Он сразу открыл глаза, но долго еще смотрел на нее непонимающим взглядом. И только когда Люся ласково потрепала его по щеке, он понял, что это не сон. И сел, удивленно оглядывая комнату.

- Эх ты, засоня! - засмеялась Люся. - Вставай, а то опоздаешь на корабль.

Матвей вспомнил, как уснул. Увидел подушку, свои ботинки. Ему хотелось сказать Люсе что-нибудь ласковое, особенное, но он только спросил:

- Ты давно пришла?

- Нет, только что. Ты знаешь, с Алексеем плохо, - Люся села рядом с Матвеем и рассказала все, что знала о случившемся с Алексеем. Потом уткнулась Матвею в грудь и заплакала.

- Мне так жаль его. И Симу.

Он гладил ее волосы и неумело утешал:

- Ну, не плачь. Случилось не самое страшное, могло быть хуже.

Наконец она успокоилась, притихла. Матвей нагнулся и, поцеловав ее, прошептал:

- Люся... Люсенька...

- Не надо, Матвей, не надо ничего говорить.

А он все шептал:

- Я хочу говорить, потому что я люблю тебя. И ты мне скажи что-нибудь хорошее.

- Не умею я, Матвей. Все хорошие слова, какие я знаю, обесценены. Их слишком часто говорят. Другие. Другим. Я не хочу их говорить тебе.

- Жаль, - вздохнул Матвей. - А мне так хочется, чтобы ты мне сказала что-нибудь хорошее.

- Давай просто помолчим вдвоем. Мне хорошо с тобой молчать.

Он замолчал, хотя ему хотелось сейчас кричать оттого, что она рядом с ним, что он чувствует ее дыхание, запах ее волос. Вот она подняла голову, посмотрела ему в глаза и вдруг испуганно сказала:

- Не смотри на меня так!

Матвей хотел ее поцеловать, но она отстранилась:

- Никогда не смотри на меня так!

Он опустил руки и сказал:

- Странная ты.

- Может быть, - вздохнула Люся.

- Мне, кажется, пора идти, - сухо сказал Матвей и стал надевать ботинок.

Люся рассмеялась:

- Обиделся.

Она взъерошила ему волосы, потом нагнулась и поцеловала его, ловко увернулась от объятий и весело сказала:

- Давай-ка пить чай.

Матвей вздохнул:

- Трудно мне будет с тобой, Казакова.

- А ты передумай, пока не поздно. Насколько я понимаю, ты еще не сделал мне предложения.

- Разве? А мне казалось, что сделал. В таком случае официально заявляю, что претендую на вашу руку, а также и сердце.

- Трудно вам будет, Стрешнев, - вздохнула Люся.

- Что поделаешь, придется терпеливо нести свой крест. Хотя, насколько я понимаю, ты еще не дала согласия.

- Разве? А мне казалось, что я согласилась. Сделать официальное заявление?

- В письменной форме. Прием от двух до восьми.

- Сейчас половина восьмого.

- Я, кажется, опаздываю.

- Тогда торопись...

20

Поезд пришел в полдень. Ивана Широкова никто не встречал, он умышленно не послал телеграммы.

От станции до Рабочего поселка ходил автобус, но Иван не хотел, чтобы о его приезде узнали. Он подождал, пока автобус отъехал, и подошел к стоявшему у станции грузовику.

- До Рабочего не подкинете?

Шофер оглядел его, почесал затылок:

- Не совсем по пути. Ладно, лезь. Чемодан брось в кузов.

- Спасибо.

Закинув чемодан в кузов, Широков влез в кабину. Шофер, освобождая ему место, взял с сиденья пиджак и небрежно сунул его под себя.

- На побывку? - спросил он, когда машина тронулась.

- На побывку.

- А я, брат, в пехоте три года оттопал.

- Служба везде служба.

- У вас-то, на флоте, поди, потяжелей.

- Всяко бывает.

- А я моря боюсь. На земле оно как-то сподручней. Ездил я раз на пароходе от Одессы до Ялты - всю душу вывернуло наизнанку, как пустой карман.

"Ездил! Небось специально так сказал, знает, что на корабле ходят". Широкова раздражала словоохотливость шофера. Он мешал матросу думать. Видимо почувствовав это, шофер умолк.

Дома была одна мать. Она мыла на кухне посуду, когда Иван вошел.

- Кто там?

- Это я, мама.

- Ой, никак, Ванюшка! - Аграфена Степановна выбежала навстречу, всплеснула руками. - Сынок! - Она обняла его, поцеловала и заплакала: Радость-то какая! Да чего же ты телеграмму-то не отбил? Я тебе сейчас пирожков напеку, с ливером. Ты иди-ка посиди со мной.

Дома! Все здесь было знакомо, все радовало Ивана. И все же в доме не хватало Гали. Он умышленно не спрашивал о ней мать. Но Аграфена Степановна сама заговорила:

- Что же о Галине-то не спросишь?

- А что спрашивать? Ты все написала.

- Ой, сынок, боюсь не будет у вас жизни. И если рвать, то рвать сразу, незачем терзаться понапрасну.

- Там видно будет.

Не заметил, как подошел вечер. Вернулся с работы отец. Помылся, надел чистую рубаху, новый костюм, сходил в магазин, купил бутылку вина. Как бы оправдываясь, пояснил:

- От водочки теперь воздерживаюсь: организм перестал принимать. А ты, часом, не втянулся?

- Нет, у нас с этим строго.

- И правильно, добра от водки никогда не было.

Отец рассказывал о заводе, о своей работе, ругал кого-то из нового начальства за нерасторопность. Потом, заметив, что Иван слушает его не очень внимательно, сказал:

- Утомил я тебя разговорами. Поди погуляй, своих дружков-приятелей повидай.

Когда Иван выходил из дому, шепнул:

- Ты, Ванюшка, мать-то не шибко слушай насчет Галки. Не горячись, разберись сам.

- Попробую.

- Если захочет вернуться, пусть возвращается.

- Спасибо, отец.

- Ладно, иди.

Настя Полякова жила в другом конце поселка. Идти туда было довольно далеко, но Иван шел быстро и минут через двадцать уже остановился у небольшого домика с покосившимися стенами и подслеповатыми окнами. Домик этот достался Насте в наследство от тетки. Тетка умерла, когда Насте было четырнадцать лет, и с тех пор Настя жила одна. Кое-как закончила семь классов, пошла работать в швейную мастерскую. Она оказалась хорошей портнихой, веселой и разбитной девчонкой. Может быть, эта веселость и привлекала парней - от них не было отбоя. Настя нет-нет да и принимала приглашения в ресторан. В поселке он был единственный, и каждый визит туда обсуждался кумушками на все лады.

Иван тоже когда-то ухаживал за Настей, знал, что ничего худого она себе не позволяла. Но ведь прошел год, многое могло измениться. Во всяком случае, Гале она не компания.

Света в доме не было. На стук в окно никто не отозвался. Иван подошел к двери, нащупал замок. "Так и есть, обеих нет дома, куда-нибудь ушли вместе".

Он решил дождаться. Присел на крыльцо, закурил. В голову лезли самые дурные мысли. Наверное, Настя с Галей сейчас в ресторане. Пойти туда? А если их там нет? Тогда он пропустит их возвращение. Иван был почти уверен, что вернутся они не одни, и хотел выследить их. И он даже обрадовался, когда до него донеслись голос Насти и мужской голос. Он прислушивался, ожидая, что вот-вот услышит и Галю.

- Может быть, в гости позовешь? - спрашивал мужчина.

- Всю жизнь мечтала, - отвечала Настя.

И тут вдруг Иван услышал звук пощечины.

- Ты чего дерешься? - спросил ее спутник.

- А ты не давай воли рукам.

- Подумаешь - недотрога.

- Попробуй еще раз дотронуться.

- И попробую!

- Я тебе попробую. Катись-ка отсюда, парень!..

Настя вошла во двор, звякнула щеколда. Иван кашлянул.

- Ой, кто тут еще? - испугалась Настя.

- Не бойся, не укушу.

- Иван, ты?

- Ну я.

- А чего же ты тут сидишь?

- Да вот спектакль смотрю.

- И верно, спектакль. Прицепился тут... как репей.

- Знает, к кому цепляться.

- Я и тебе могу съездить по затылку.

- Где Галка?

- Скоро придет. Заходи в дом, я на тебя погляжу.

Они вошли. Настя включила свет, оглядела Ивана.

- Обожаю моряков! Если бы заранее знала, что ты моряком будешь, отбила бы тебя у Галки. Тебе идет форма, прямо красавец.

- Ладно болтать-то! Где Галка?

- Я же тебе сказала, что скоро придет.

- Что-то долго ее провожают - наверное, она покладистей тебя, усмехнулся Иван.

Настя окинула его презрительным взглядом:

- Дурак ты, Ванька! Тебе надо молиться на Галку, а ты бабьим сплетням веришь. Ну-ка садись, говорить будем!

Иван сел, бросил на стол бескозырку.

- Говори, только покороче.

- А я и не собираюсь долго рассусоливать: глуп ты.

- Уже слышал. Короче.

- А короче вот что: любит тебя Галка. Понял? Страдает она. И ты ее не обижай. Учиться она пошла. А ты не ценишь. Зачем написал ей такое письмо?

- А что мне было делать?

- Мозгами надо шевелить. И сердцем чувствовать. Да разве вы, мужики, умеете сердцем чувствовать? Кобели вы все, одно у вас только и есть на уме.

- Перестань ругаться-то. Говори толком, где Галка?

- В школе она.

- В какой школе?

- В вечерней. Через час вернется. Хочешь - жди, а хочешь - иди встречай.

- Ладно, я пошел.

Иван вышел из дому и направился к школе.

Еще год назад, он и сам учился в этой школе. Многие его одноклассники и сейчас, наверное, учатся. Ему не хотелось встречаться с ними, он свернул в сквер, встал под дерево и закурил. До конца занятий оставалось двадцать минут.

Иван стоял под деревом и напряженно думал. Теперь его подозрения почти рассеялись. И рассеял их не разговор с Настей, а ее пощечина тому парню. "Значит, все-таки наговаривают на Настю". Он не одобрял того, что Настя держит себя слишком свободно, иногда даже вызывающе, и считал, что девушка должна быть скромной во всем - в словах, поступках. Именно такой и была Галя. А какая она сейчас?

Иван услышал звонок. Из подъезда высыпали ученики. Это

были в основном рабочие завода, они пришли в школу после смены. Многие, наверное, дремали на уроках. Но сейчас они вели себя как школьники: бежали но лестнице, громко кричали, кто-то даже огрел товарища по синие портфелем.

Когда он увидел Галю, первым его желанием было броситься ей навстречу. Он уже подбежал к штакетнику, чтобы перемахнуть через него, но вовремя остановился. Галя шла не одна. Рядом с ней был высокий парень в белой рубашке с папкой иод мышкой. Они, в отличие от других, шли не торопясь, о чем-то разговаривали. До Ивана донеслись лишь обрывки фразы:

- ...пропорционально корню квадратному из А квадрат плюс Б квадрат...

Иван отпрянул в глубь сквера, несколько минут стоял ошеломленный, ни о чем не думая, лишь сдерживая бешенство. Потом сорвался с места и побежал догонять их.

Он увидел их раньше, чем выбежал из сквера. Они стояли на перекрестке, шагах в десяти от него. Иван услышал голос парня.

- Тебя проводить?

- Не надо, - ответила Галя.

- Темно ведь. Не боишься?

- Боюсь.

- Ну тогда провожу.

- Спасибо, Гоша, но не надо этого делать. Могут подумать нехорошее.

- Кто подумает? Я женатый, да и ты замужняя.

- Тем более.

- Ну, смотри, тебе виднее. Муж-то пишет?

- Пишет.

- Передавай ему привет. Я его не знаю, но он, должно быть, хороший парень.

- Почему ты так думаешь?

- Не знаю. Наверное, за плохого ты не вышла бы. До свидания.

- Спокойной ночи.

Парень свернул в переулок. Галя постояла немного и пошла к дому. Иван хотел позвать ее, но но мог - стыд сдавил ему горло. Он подслушивал, он мог подозревать Галю. Он, человек от природы прямой и честный, сейчас был противен самому себе. Долго шел за Галей, не решаясь окликнуть. Ощущение вины перед ней сделало его робким. Наконец позвал:

- Галя!

Она остановилась. В темноте он не видел се лица, но понял, что она или не узнала его голоса, или не поверила, что это он.

- Это я, Иван.

Она бросилась к нему:

- Ванюша?!

Уткнулась лицом ему в плечо и заплакала. Иван растерянно утешал:

- Ну ладно, не плачь. Чего плакать-то?

Но она долго еще не могла успокоиться. Наконец подняла голову и с мягким укором спросила:

- Что же ты не написал, что приедешь?

- Да так вот получилось, - виновато проговорил он и тихо добавил: Подлец я, Галюша.

- Ну ладно, не написал и не написал. Главное, что приехал. Что же мы стоим? Пойдем, - она взяла его под руку. - Ох, Ванюша, если бы ты знал, как я рада! Ты мне веришь?

- Сейчас верю. А там не верил.

Он стал рассказывать о том, что передумал в бессонные ночи, как ехал, как был у Насти, как ждал у школы, подслушивал. Он думал, что Галя рассердится на него, но она лишь сказала:

- Смешной ты, Ваня. Как ребенок.

- Верно, - согласился он.

- Вот и насчет отпуска обманул, писал, что только через год приедешь.

- Нет, тут я не обманул тебя, Галюша. Отпуск мне не положен.

- А как же ты? Самовольно? - встревожилась она. Иван улыбнулся:

- Нет, начальство на десять суток отпустило. Вроде бы за хорошую службу. А вообще-то, это лейтенант наш выхлопотал.

21

Алексей проснулся оттого, что прямо в лицо ему ударило солнце. Не открывая глаз, он протянул руку, нащупал занавеску и задернул ее Долго еще лежал с закрытыми глазами, хотя отчетливо сознавал, что больше уже не заснет. Матрос Игорь Незабудкип и старший матрос Василий Солдатов обсуждали свои дальнейшие жизненные планы. Оба они по состоянию здоровья подлежали увольнению в запас. Незабудкин не хотел расставаться с флотом и решил плавать на торговых судах. Солдатов отговаривал его:

- Что военный корабль, что торговое судно - один шут. То же море, те же штормы, вахты, месяцами не будешь на берегу. Разве это жизнь с твоей-то язвой желудка? Да и вообще. Ни дома, ни семьи, ни покоя.

- А ты что, уже на покой собрался?

- Я не в том смысле. Ну, ты понимаешь, о чем я говорю.

- Нет, Вася, не понять нам друг друга. Мы по-разному смотрим на жизнь.

- Подумаешь - романтика! Мало ты ее хлебнул за три года? Вкалывай дальше! - Солдатов дотянулся до окна и, распахнув его, закурил.

Третий сосед Алексея по палате, лейтенант Корнюшин, похрапывал. Четвертого, матроса Петра Бондаренко, не было слышно. Бондаренко поступил с переломом руки всего четыре дня назад. То ли его мучили боли, то ли от природы он был угрюм и молчалив, но он сторонился товарищей, в разговорах не участвовал, лежал, молча уставившись в потолок.

За полтора месяца в палате сменилось одиннадцать человек. И каждый раз Алексей с завистью провожал тех, кто выписывался. Он знал, что ему придется лежать здесь еще долго, - может быть, вся жизнь пройдет в постели. Ноги были парализованы, и никаких признаков улучшения. А лежать уже осточертело. Дни текли лениво и скучно, он наизусть знал, что будет происходить сегодня, завтра, послезавтра. Ровно через полчаса войдет в палату сестра и сунет каждому из них по градуснику под мышку. Если это будет Анна Николаевна, то она сядет и молча будет ждать, пока не пройдет ровно десять минут. Потом она соберет градусники и так же молча уйдет в другую палату.

Но сегодня дежурит Тося. Она стремительно влетит в палату, остановится, шумно втянет через маленький, слегка вздернутый носик воздух и строго спросит:

- Опять курили?

Пообещав пожаловаться, начнет раздавать градусники. Это будет длиться минуты полторы-две, но Тося вполне успеет за это время рассказать, что вчера в матросском клубе был "шикарный вечер", что в третью палату положили с воспалением легких "шикарного старшину", а сегодня по случаю воскресенья будет "шикарный обед". Потом она вспомнит, что забыла дать порошки кому-то из первой палаты, и убежит.

Едва за ней захлопнется дверь, Незабудкин вытащит градусник и начнет осторожно пощелкивать но нему ногтем. Поскольку Анна Николаевна и Тося дежурят через день, то нормальная температура у Игоря бывает только по нечетным числам.

Как только Тося вернется за градусниками, Вася Солдатов заведет с ней разговор о том, что сильнее - любовь или дружба. Вася сорвался в трюм, сломал ногу. Она еще побаливает, и это, должно быть, мешает Васиному красноречию: едва он начинает жестикулировать, как лицо его сразу искажает гримаса, и он умолкает. Тося не упускает случая воспользоваться передышкой, поспешно собирает градусники и выпархивает из палаты.

Потом Вася просовывает в дверную ручку костыль и

закуривает. Лучшего применения костылю он пока не нашел. А курить ему товарищи разрешают и палате, поскольку погода стоит теплая и окна все время открыты.

Сегодня события развивались в обычной своей последовательности. Сразу же после завтрака Игорь подвинул к кровати Алексея стол, и все, за исключением Бондарен ко, сели играть в домино. За этим занятием и застал их Матвей. Игорь неохотно собрал костяшки, отодвинул стол, и Матвей сел возле Алексея.

- Ну, как дела? - спросил Матвей.

- Как видишь, спозаранку развлекаюсь умнейшей, после городков, игрой, Алексей сказал это весело, широко улыбаясь.

"А он ничуть не изменился", - подумал Матвей. Понимает ли Алексей всю трагичность своего положения, или он еще надеется на выздоровление? Матвей не знал, насколько Алексей осведомлен о своей болезни и ее последствиях, и старался не говорить с ним на эту тему. Сейчас он вообще не знал, о чем говорить с Алексеем и как говорить. Сочувствовать? Или сделать вид, что ничего не случилось?

Должно быть, Алексей понимал его состояние и поэтому каждый раз, когда приходил Матвей, сам направлял разговор. Он расспрашивал Матвея о его делах, о том, что происходит в гавани и на флоте. Матвей рассказывал подробно, может быть, даже слишком увлеченно, радуясь тому, что находится тема для разговора. Ему было жаль Алексея, и он боялся, что жалость может его обидеть.

Сегодня разговор не клеился. Матвей чувствовал, что Алексей хочет что-то спросить, но то ли не решается, то ли не хочет спрашивать при других. Матвей подмигнул Незабудкину, и тот позвал Солдатова:

- Пошли, Вася, покурим.

Солдатов подхватил костыль и заковылял к двери. Корнюшин и Бондаренко тоже поднялись с кроватей, набросили халаты. Когда они вышли, Алексей спросил:

- Ты мне хочешь что-нибудь важное сказать?

- Нет. Мне показалось, что это ты собираешься о чем-то спросить.

Алексей внимательно посмотрел на него и сказал:

- Пожалуй, спрошу.

Он помолчал еще несколько минут, задумчиво глядя в окно. Наконец заговорил:

- Ты только не удивляйся тому, что я скажу. Пока лежишь тут, обо всем передумаешь. Я ведь понимаю, что положение мое незавидное, и никаких иллюзий у меня на этот счет нет. Ходить я,

видимо, уже не буду. Врачи об этом пока не говорят, но по всему видно, что это так. Книжечки мне тут подсовывают. И об Островском и о Маресьеве. Все это они зря стараются. Я и без этих книжечек не собираюсь вычеркивать себя из жизни. Пусть буду инвалидом, но без дела оставаться не собираюсь. Живут же безногие и работают. Одни коробочки клеят, другие сапоги чинят. И я мог бы найти применение своим рукам. Этими руками, - Алексей потряс могучими кулаками, - многое можно делать. Главное - делать, а не чувствовать себя полутрупом.

Алексей умолк. Матвей ждал, когда он снова заговорит. И, не дождавшись, сказал:

- Что ж, все верно. Я и не предполагал, что ты думаешь иначе.

- А я думаю! - воскликнул Алексей. - Представь себе - думаю иначе.

- То есть как это иначе?

- А вот так. Не хочу я клеить эти коробочки! Не хочу обманывать себя видимостью работы, делать, абы что-нибудь делать. Я моряк. Понимаешь моряк! Всей душой моряк. Это я говорю не для того, чтобы покрасоваться. Я тут многое передумал и, может быть, только здесь и понял, что я до мозга костей моряк. Ты никогда не испытывал тоски по морю? А я испытывал. Бывало, поедешь в отпуск, первое время наслаждаешься. Я в деревню ездил каждый год. Земля, лес, горы - все умиляет тебя. А к концу отпуска начинаешь чувствовать, что тебе чего-то не хватает. Сначала не понимаешь, чего именно. А потом догадываешься, что тебя к морю тянет. И тут тебе отпуск начинает казаться длинным, и ты уже дни подсчитываешь. А они, как назло, медленнее идут. Вот это я, брат, испытывал. Но все это ничто по сравнению с тем, что ощущаешь, когда тебе надо с морем навеки расстаться.

- Но ведь ты можешь никуда не уезжать. Оставайся в Синеморске.

- И клей коробочки?

- Ну не обязательно коробочки.

- А что?

- Я не знаю, но можно чем-нибудь другим заняться.

- В том-то и дело, что я не хочу ничем другим, кроме своей специальности, заниматься.

- Но ведь ты понимаешь, что к ней ты вряд ли вернешься. Даже если ты выздоровеешь, будешь ходить, тебе все равно уже трудно снова стать водолазом.

- Вот тут-то мы с тобой и дошли до самого главного. Слушай меня внимательно. Я хочу остаться водолазом даже если не буду ходить. Под воду меня конечно, не пустят. Ну а, скажем, инструктором? Неужели я не сумею обучать хотя бы вашего

брата, подводников? Почему бы мне не работать на учебно-тренировочной станции в вашей бригаде? Как ты думаешь?

- Просто не знаю, надо поговорить с комбригом, может, он и согласится тебя взять.

- Ты не понял меня, Матвей. Я ведь не к тому завел разговор, чтобы ты за меня походатайствовал. Может быть, меня и возьмут. Ну из жалости, что ли, пристроят. А я не хочу, чтобы из жалости. Вот я и спрашиваю тебя: как ты думаешь, нужен я еще или нет? Только честно! Я не обижусь, если ты скажешь "не нужен". Ты ответь, как ты сам думаешь.

- Думаю, что нужен. И вот почему. Ты один из немногих в стране водолазов-глубоководников, у тебя опыт Сколько часов ты провел иод водой?

- Около пяти тысяч.

- Вот видишь! Я лично взял бы тебя, будь моя власть.

- Но ведь я инвалид! Меня надо будет возить в кресле.

- Конечно, я бы об этом тоже подумал. Может быть, даже поколебался бы, прежде чем что-либо решил. И все-таки взял бы.

- Ну что ж, спасибо, Матвей! Пускай начальство рассуждает так же, как ты. Я написал рапорт командующему флотом.

- Когда?

- Позавчера. Отдал по команде. Теперь вот жду решения.

- Скоро не жди.

- Знаю. Тут ведь и командующий, пожалуй, не решит, главкому надо докладывать. Ничего, подожду. Ты только Симе пока ни о чем не говори.

"Кто он, фанатик? Нет. Но откуда у него эта одержимость?" - думал Матвей, возвращаясь из госпиталя. Мысленно продолжая разговор с Алексеем, он спрашивал себя: "А как бы ты поступил на его месте?" И не мог ответить.

Истекал год его службы на подводной лодке. Он прошел в хлопотах и заботах. Заботы эти были в общем-то обыденные. И хотя за этот год Матвей много бывал в море, но и походы были заполнены тоже, пожалуй, слишком будничным трудом. Если первые выходы в море были волнующими, то теперь они стали не только привычными, но подчас и обременительными. И вряд ли Матвей рискнул бы сказать, что он очень доволен своей службой.

И все-таки она нравилась ему. Он не мог бы сказать сейчас, чем именно ему нравится его работа. Во всяком случае, тут было нечто большее, чем привычка. Призвание? Нет, это, пожалуй, слишком громкое слово. Может быть, тяга к морю, как выразился Алексей?

Да, теперь Матвей с уверенностью мог сказать, что с морем он связан на всю жизнь. Он и не помышлял о том, чтобы уйти на

берег или на "гражданку". И не только потому, что служба привлекала его. А еще и потому, что всегда чувствовал: надо! Надо, чтобы кто-то сегодня служил на подводных лодках, и он, именно он, должен служить. Потому что он, может быть, лучше других понимал, зачем это надо.

Ну а если бы судьба обошлась с ним так же круто, как с Алексеем? Как бы он тогда поступил? Он не мог сейчас ответить на этот вопрос. Он хотел бы поступить так же.

Около Дома офицеров Матвея окликнул Семен.

- Ты чем намерен сейчас заняться? - спросил он.

- Пока ничего определенного не наметил. Только что был в госпитале.

- У Курбатова? Как он?

- Все так же.

- Жаль парня.

- Не такой уж он жалкий.

- Как говорится, дай бог. Надежда на поправку есть?

- Мало.

- Н-да, коварная эта штука - кессонка. Водолазы ее еще "заломаем" называют. Действительно, ломает человека.

- Ломать-то ломает, а вот сломить даже ей не всегда удается, задумчиво сказал Матвей.

- Я вижу, ты сегодня настроен философски, - улыбнулся Семен. - А я, понимаешь ли, наоборот, намерен сегодня основательно провентилировать все отсеки головного мозга. Если составишь компанию, двинем, пожалуй, в парк.

- Можно.

- Тогда пошли.

В парке уже чувствовалось дыхание осени: шелестели под ногами опавшие листья, легкий багрянец окрасил деревья.

- Хочешь послушать стихи? - спросил Семен.

- Валяй, - согласился Матвей.

- Называется "Осень", - сообщил Семен. И начал читать:

Пожелтели под окнами клены,
Опустело заметно в саду.
По по-прежнему здесь влюбленные
На скамейках признаний ждут.
Их до полночи дождик мочит
Ветер медной листвою порошит,
Ну а я себе, между прочим,
Приобрел в магазине... калоши.
Может, зря? Или пеплом подернуты
Наши чувства и сердце остыло?
Или стала вот эта комната

Нам желаннее вьюжного пыла?

Брось скорее кастрюли и вышивки,

И пойдем посидим в саду.

Мы еще не успели выкипеть,

И калоши еще подождут

Семен выжидательно умолк. Потом все-таки спросил: Ну как, нравится?

- В общем-то, ничего. Только я что-то подобное читал у Есенина. Все это уже было.

- Может быть, - согласился Семен и с горечью сказал: - Черт его знает, никак не могу избавиться от этого влияния классиков. Они, кажется, уже обо всем написали, ничего нового придумать нельзя.

Матвей рассмеялся.

- Ничего смешного нет, - рассердился Семен. - Человек, можно сказать, мучается, а ты ржешь.

Матвей решил еще более "завести" Семена и спросил:

- Между прочим, где ты купил калоши? У нас в городе, насколько мне известно, их нет. И второе: кому это ты так настоятельно рекомендуешь бросить кастрюли и вышивки?

- Это же литературный образ!

- Ну тогда извини. А я уже начал было подозревать, что за этим стоит вполне реальный образ. Сам понимаешь, наша каюта осиротела бы без тебя.

- А я возьму и назло вам женюсь! - решительно заявил Семен. - Жизнь стала невмоготу тоскливой. Ну вот слоняемся мы с тобой по парку. Что нас может тут привлечь? Карусель? Мне уже двадцать пять стукнуло, и я не испытываю желания прокатиться верхом на деревянной лошадке. Лекция? Но я отлично высыпаюсь и в своей каюте. Может быть, вот эти древние аттракционы с кривыми зеркалами? Остается один выход: "поперчиться" в "Шторме".

В единственном ресторане "Шторм" действовал, как, впрочем, и во всем городе, "сухой закон". Это означало, что водки там не подают, но в неограниченном количестве продают перцовку.

- Ну наперчусь я до чертиков, - продолжал, все более горячась, Семен, и понесут мое молодое красивое тело в комендатуру. Утром - головная боль, "фитили" от коменданта, от командира, душеспасительные беседы замполита; Нет, я категорически заявляю, что не позже чем через неделю женюсь!

- На ком?

- А все равно. Ты знаешь, один из нашего выпуска, после того как получил назначение на ТОФ, пришел в общежитие пединститута и заявил: "Еду на Тихий океан, кто хочет выйти за

меня замуж - сейчас же пойдет со мной в загс". Ну, одна согласилась. Уехали. И живут себе припеваючи! Счастливы, полюбили друг друга.

- Где же ты думаешь сделать подобное объявление?

- Мне безразлично где. Хочешь, вот сейчас сделаю официальное предложение первой же женщине в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти, которая нам встретится?

- Не валяй дурака.

- Тебе хорошо рассуждать, ты, кажется, встретил спою женщину.

- Встретишь и ты.

- Когда? Через пять лет? А пока - "перчись" в "Шторме"? Мерси!

- Чего же ты хочешь?

- Я хочу всегда чувствовать себя человеком.

- И для этого тебе не хватает только женщины?

- А ты не смейся. Женщина облагораживает человека.

- Займись общественно полезным трудом. Он тоже облагораживает. Говорят, он даже обезьяну превратил в человека.

- Я с тобой говорю почти серьезно. Ведь все, что я сказал, верно?

- Да, почти все. Ну и что же? Давай будем выть дуэтом. Нас, видите ли, плохо развлекают. А вот Алексей Курбатов хочет служить. Без ног. Понял?

- Ты это серьезно?

- Такими вещами не шутят.

- Тогда я просто сопляк.

- Кажется, ты недалек от истины. - Матвей взглянул на часы. - Ладно, у меня через десять минут свидание, поэтому валяй дальше один. Устраивай свою личную жизнь и вентилируй отсеки головного мозга. И помни, что капитан покидает судно последним.

- При чем тут капитан?

- Вырастешь большой - узнаешь. Привет!..

22

Матвей, закончив предварительную прокладку, свертывал карты, когда в каюту вошел Крымов.

- Закончили? - спросил он.

- Только что, товарищ командир.

- Давайте посмотрим.

Матвей разложил карты. Крымов бегло просмотрел прокладку, расчеты.

- Хорошо. Все это передайте флагманскому штурману, он пойдет с нами. А вы в этот поход не пойдете.

- Почему? - удивился Матвей.

- Узнаете от комбрига. Он вызывает вас на шестнадцать часов.

- Есть!

Крымов как-то странно взглянул на Матвея, вздохнул и вышел. Матвей непонимающе посмотрел ему вслед, пожал плечами и начал свертывать карты.

Флагманский штурман, видимо, ждал Матвея.

- Прокладочка? - спросил он, как только Матвей вошел.

- Так точно!

- Ну-с, поглядим, Матвей Николаевич, что вы нарисовали, - сказал штурман. И, разглядывая карты, бормотал: - Так-с, а курсики я бы более жирненько чертил, карандашик надо брать помягче. Но в общем-то все чинненько. Люблю порядочек.

Это верно, флагштурман порядок любил, был придирчив, хотя говорил всегда ласково, в уменьшительных формах.

- Приборчики проверяли? - спросил он, отодвигая карты.

- Так точно! К походу все готово.

- Великолепно. - Флагштурман тоже как-то странно посмотрел на Матвея. Вечером еще увидимся, а за сим ни пуха ни пера. Можете посылать к черту, не обижусь.

"Зачем меня вызывает комбриг? - терялся в догадках Матвей, шагая к штабу. - Крымов с "флажком" как-то странно разговаривают. И почему меня не берут в поход, ведь выходим только утром?"

Он перебрал в памяти все события последних дней и не нашел ничего такого, что заслуживало бы внимания комбрига. "Нет, тут что-то не то".

Было без четверти шестнадцать. Матвей, зная, что Уваров любит точность, решил войти к нему с боем часов, а пока причесался, одернул китель, протер рукавом пуговицы. Невольно подумал: "Как на свидание".

В приемную вошел минер с двадцать четвертой старший лейтенант Мальков.

- Тебя тоже вызвали? - спросил он, поздоровавшись.

- Да. Не знаешь зачем?

- Понятия нс имею.

В это время в приемную вошел матрос Ефанов, писарь секретной части. Мальков подмигнул Матвею.

- Сейчас узнаем. - И, обращаясь к матросу, спросил: - Не знаете, зачем нас комбриг вызвал?

Но Ефанов только пожал плечами и незаметно, как это умеют делать только писаря, проскользнул в кабинет комбрига. Однако Матвей успел разглядеть, что под мышкой матрос держал

несколько папок с личными делами.

- Кажется, нам предстоит серьезный разговор.

- Ты думаешь?

Но Матвей не успел ответить. Из кабинета Уварова вышел писарь и пригласил:

- Товарищ лейтенант Стрешнев!

Когда Матвей вошел в кабинет комбрига, Ефанов прикрыл за ним дверь и, не дожидаясь расспросов Малькова, выскользнул в коридор.

В кабинете Уварова кроме самого комбрига сидели начальник политотдела Елисеев и незнакомый Матвею капитан первого ранга. Матвей доложил о прибытии.

- Садитесь, - пригласил Уваров и взглядом указал на стул.

Матвей сел. Он понял, что разговор будет важный, и насторожился.

- Как настроение? - спросил Елисеев.

- Ничего, - уклончиво ответил Матвей, пытаясь сообразить, с чего это вдруг начальство заинтересовалось его настроением.

- Скажите, вы довольны своей службой на лодке? - поинтересовался Уваров.

- В общем - да.

- А в частности?

- В частности? - на миг задумался Матвей. - Пожалуй, тоже все нормально.

- Значит, своей службой вы удовлетворены.

Матвей опять задумался. Он еще не понял, к чему клонится разговор. Потом решительно сказал:

- Если говорить откровенно - не совсем.

- А что именно вас не удовлетворяет?

- Как сказать? Наверное, сам себя не удовлетворяю. Как-то не успеваю охватывать все сразу. За одно возьмешься, другое не успеваешь делать. Вроде бы стараешься ничего не упустить, а потом смотришь - что-то забыл. То ли времени нс хватает, то ли еще в чем дело.

Матвей умолк. Уваров с Елисеевым переглянулись, и оба засмеялись.

- Ну что ж, достаточно самокритично и откровенно, - сказал молчавший до этого капитан первого ранга.

Матвей вспомнил свой первый разговор с Уваровым и догадался: речь идет о новом назначении.

- Как здоровье?

- Не жалуюсь.

- Хорошо. Служба на лодках нравится? Уходить на надводные корабли или на берег не собираетесь?

- Нет.

- Видите ли, Матвей Николаевич, мы хотим предложить вам новую, интересную и очень перспективную службу. Речь идет об атомных лодках. Я не буду распространяться о том, что для молодого офицера это заманчивое предложение. Вы, очевидно, сами имеете об этом достаточное представление и свои собственные суждения. Как вы на это смотрите? Не торопитесь с ответом, обдумайте и взвесьте все. Ответите завтра. Очевидно, вы понимаете, что это большое доверие. Подумайте и твердо решите, сможете ли вы его оправдать. Офицер вы еще не очень опытный, и, если можно так выразиться, плаваете пока на перископной глубине. Но у вас есть ряд достоинств: настойчивость, решительность, вдумчивость. И молодость. Кстати, вы думаете жениться?

- Да, скоро.

- Тем более подумайте. Вам придется жить в глухих гарнизонах, надолго уходить в море, на недели и месяцы Жена подводника должна быть верной и мужественной. И еще одно: квартиру вам сразу не обещаем. Я бы вам посоветовал пока воздержаться от женитьбы. Настоящая любовь в разлуке только крепнет. Впрочем, это лишь совет Поступайте по своему усмотрению. А с ответом придете завтра.

- Хорошо, я подумаю. Разрешите идти?

- Пожалуйста. Попросите старшего лейтенанта Малькова.

Андрея уже не было. Вадим и Семен торопливо одевались. Палубные часы на стене показывали половину шестого. Матвей встал, быстро заправил койку и тоже начал одеваться.

- Ты что, в море собираешься идти? - спросил Вадим.

- Нет, я только провожу вас.

- Значит, решил?

- Да.

- Ну и правильно. Откровенно говоря, я тебе завидую. Даже обидно немного: почему мне не предложили? Я ведь больше тебя служу.

- Видимо, нужны пока лишь штурманы.

- А жаль! Наша старушка тоже еще на многое способна, однако с атомной ее не сравнить. Но учти, что и. служба там потяжелее. Как в автономку уйдешь, так почувствуешь все прелести подводной жизни. Наши походы тебе прогулками покажутся.

- Так уж и прогулками! Приходилось и тут довольно круто.

- Вообще-то служба везде есть служба, - согласился Вадим. - Напиши потом, как пойдут дела.

- Ладно.

Наскоро позавтракав в кают-компании, они пошли на пирс. Команда уже вся была на лодке, заканчивались последние приготовления к выходу. За столиком в выгородке центрального поста сидел флагманский штурман.

- Ко мне вопросов нет? - спросил у него Матвей.

- Нет, все в полном порядочке. А как у вас?

- Уезжаю.

- Ни пуха ни пера.

- Идите к черту!

Флагштурман неожиданно обнял Матвея:

- В общем-то, ругал я вас довольно часто, но вы мне нравились. Если что было не так, не обижайтесь.

- Что вы! Спасибо вам за все, - Матвей был искренне растроган. Он глубоко уважал "флажка", многому у него научился, но никак не ожидал от него такого проявления чувств.

Еще более растрогал его подарок, преподнесенный от имени команды старшим матросом Бодровым. Это был чернильный прибор, сделанный руками корабельных умельцев. На черной пластмассовой платформе стоял маяк. Возле него в пластмассу был искусно врезан никелированный силуэт подводной лодки. На латунных кнехтах лежала авторучка в форме торпеды. Бодров налгал кнопку, и на маяке засветился огонек.

- Здорово! - похвалил Матвей. - Спасибо, ребята. Я и не знаю, чем я заслужил такой подарок.

- Зато мы знаем, - сказал Проценко и, бережно вынув из кармана сложенный вчетверо листок, протянул его Матвею: - Вот, товарищ лейтенант, моя рекомендация.

Еще неделю назад у него с Проценко был разговор о вступлении и партию, и старшина пообещал дать рекомендацию. Больше они к этому не возвращались: Матвей как-то стеснялся напоминать о нем старшине. А тот, оказывается, и без напоминания не забыл.

- Спасибо, Федор Романович. Я оправдаю ваше доверие.

В это время в центральный пост спустился Крымов.

- Не хочется уходить от нас, Матвей Николаевич? - спросил он.

- Не хочется, товарищ командир. А надо.

- Надо, - подтвердил Крымов и, посмотрев на часы, сказал: - У нас еще есть десять минут. Пройдемте по отсекам, попрощаетесь со всеми.

Они шли из одного отсека в другой. Люди, оторвавшись от своих дел, напутствовали Матвея кто добрым словом, кто улыбкой, кто шуткой. И Матвей только сейчас по-настоящему почувствовал, насколько сроднился с ними. И ему стало грустно.

Сигнальщик доложил, что получено "добро" на выход. Едва Матвей сошел на пирс, как с мостика донеслась команда:

- Сходню убрать! Отдать кормовой!

Лодка медленно отошла от пирса, развернулась и пошла к выходу из гавани. Вскоре она растворилась в густом предутреннем тумане.

- Когда ты должен уезжать? - спросила Люся.

- Завтра.

Она вздохнула.

- Ты мне так ничего и не ответила.

- Разве ты сам не знаешь?

- Знаю, но все-таки...

- Нужно официальное подтверждение? - улыбнулась Люся. - Смешной ты, Матвей.

- Ничего смешного не вижу!

- Ну вот и обиделся.

- Я должен быть абсолютно уверен, что ты приедешь, как только я получу комнату.

- Ладно. Ты иди до вечера погуляй, а мне с мамой поговорить надо.

- Она тоже может приехать, как только я получу комнату.

- Спасибо. Я передам ей это.

Он проводил ее до дому и ообрел в парк. Собственно, идти больше некуда. Лодка в море, в бригаде делать нечего. С

Курбатовым он уже попрощался. Разве что пообедать? Только сейчас он вспомнил, что еще не обедал, и сразу захотел есть.

В "Шторме", как всегда в эти часы, было немноголюдно. Матвей сел за свободный столик. Но тут же его позвали:

- Садитесь сюда, лейтенант, вдвоем веселее будет. За соседним столом сидел капитан первого ранга Самохин. Матвей присел за его стол.

Самохин уже захмелел. Стоявшая на столе бутылка "перцовки" была на две трети опорожнена. Самохин налил из нее Матвею и себе.

- Давай-ка пропустим по малой, пока суть да дело.

- Спасибо, что-то не хочется. Я зашел только пообедать.

- А что, вас на корабле плохо кормят?

- Мой корабль в море.

- Ну тем более спешить вам некуда. - Самохин поднял рюмку. - Ваше здоровье, лейтенант...

- Стрешнев, - представился Матвей.

- Самохин. Бывший капитан первого ранга.

Матвей удивленно посмотрел на Самохина:

- Но вы же командир бригады траления!

- Значит, знаешь меня? Вот так, брат, бывший комбриг, бывший капитан первого ранга. У меня теперь все бывшее! - Самохин закинул голову и опрокинул рюмку в рот.

Подошла официантка, Матвей заказал обед.

- Принесите-ка еще бутылку этого зелья, - сказал Самохин.

- Не хватит ли вам, товарищ капитан первого ранга? - вежливо напомнила официантка.

- Это, деточка, мне самому виднее.

Официантка пожала плечами и ушла. Самохин опять повернулся к Матвею.

- Завидую вам, лейтенант, у вас все еще впереди: и жизнь, и служба, и карьера! И ошибки! Да-да, и ошибки! У вас будет немало ошибок. Так уж несовершенно устроен человек, что он часто ошибается. И поправляется. Но есть ошибки непоправимые. Знаете, лейтенант, какая самая страшная ошибка? Когда человек теряет самого себя! Вы понимаете?

- Догадываюсь!

- Нет, вы не догадываетесь! Можно отказаться от себя. Был, скажем, ты таким, а обстоятельства заставляют тебя поступить не так, как ты хочешь. И человек поступает вопреки своим убеждениям. Это одно. А я совсем о другом. Страшнее, когда человек сам не замечает, когда и как потерял себя! - Самохин опять наполнил рюмки: - Пейте!

- Спасибо, я больше не буду, - решительно отказался Матвей.

- Как хотите. Вы - офицер другого поколения. А я начинал офицерскую службу в войну. А для нас, тружеников моря, война продолжалась еще долго после ее официального окончания. Мы до пятидесятого года проводили боевое траление. В сорок восьмом у меня друг погиб - мина запуталась в трале, разорвалась под самой кормой. Хороший был парень Володя Стрельцов! Всю войну тралил - ничего, а в сорок восьмом погиб. Обидно?

- Конечно.

- А я вот жив.

- Вам повезло.

- Повезло? Может быть. Мне всегда везло. Может, поэтому я и потерял себя? Или наоборот? Как вы думаете?

- Я не совсем вас понимаю.

- А тебе надо понять, - сказал Самохин, переходя вдруг на "ты". - Надо понять, чтобы ты не совершил своей главной ошибки - не потерял себя.

Официантка принесла Матвею суп, Самохину - еще бутылку "перцовки". Но Самохин отставил ее в сторону и продолжал:

- В твои годы я мыслил широко и самостоятельно, был решителен и смел. Даже дерзок. У меня, брат, голова была забита идеями и реформами. И может быть, мне суждено было бы ходить в адмиралах, если бы я не слишком стремился к этому. Я был слишком тщеславен, и это во мне погубило личность. Кто это сказал, что каждый солдат должен носить в ранце маршальский жезл?

- Кажется, Наполеон.

- Это верно лишь тогда, когда солдат носит этот жезл, но не думает о нем. А я слишком стремился к чинам и славе. Ради этого молчал, когда надо было возражать, поддакивал, когда надо было протестовать, бороться. Я слишком боялся испортить отношения с начальством. А начальство не любит, когда ему возражают. Особенно начальство военное.

- Ну, положим, не все.

- А я и не говорю, что все. Всякие начальники бывают - и умные, и не очень, средние, что ли, ну и глупых еще немало. Умный начальник не должен любить людей слишком уж покладистых. А их любят больше, чем ершистых. У меня в бригаде есть один командир тральщика - Баскаков. Не любил я его. А вот теперь понимаю, что мне надо было на таких, как он, опираться. Это личность!

- Может, время сейчас другое? - спросил Матвей, пытаясь подсказать Самохину хоть какое-то оправдание. Ему было неловко присутствовать при этом самобичевании.

- Нет. Время здесь ни при чем. У меня был период культа своей личности. Вот, думал, добьюсь высокого положения, тогда и покажу свои способности. А когда добился, показывать было уже нечего. Их уже не было, способностей-то, сам убил их в себе. Я стал недолюбливать людей, которые со мной не соглашались. Даже тогда, когда чувствовал, что они в чем-то правы.

- Мне кажется, вы сгущаете краски.

- Нет, дорогой мой лейтенант...

- Стрешнев, - подсказал Матвей.

- Запомню. Теперь запомню. Вот даже такая привычка не запоминать фамилии младших по званию тоже результат этого. Если бы вы были адмиралом, уверяю вас, я сразу запомнил бы вашу фамилию.

- Что же вы думаете теперь делать?

- Придется начинать все сначала. Трудно, ох как трудно начинать все сначала, когда тебе сорок пять! Но надо начинать.

- Как? Ведь с флота вас уволили?

- Да, уволили. Это очень тяжело - прослужить более двадцати пяти лет и быть уволенным за неспособностью. Но не это главное. Главное - верить в себя. И тут уж не важно, где ты будешь. Может быть, даже лучше начинать все, именно все, сначала. У меня нет никакой специальности, кроме военной. Я знаю, что будет трудно. Но лучше начинать с самого трудного. Всегда. Это запомните. И вообще, запомните весь этот разговор, вам может пригодиться урок моего банкротства. Только не служебного, а духовного. Это важнее. Извините, что задержал вас.

- Спасибо вам. За доверие.

- Не стоит. Мне просто надо было сказать кому-то об этом.

- Ну тогда другое дело.

Дверь открыла Надежда Васильевна. На приветствие Матвея ответила довольно сухо. У нес было заплаканное лицо. "Не хочет, чтобы Люся приехала ко мне!" - решил Матвей.

- Люся у себя в комнате, - сказала Надежда Васильевна и ушла на кухню.

В комнате Люси царил беспорядок: кровать не убрана, на столе и стульях разбросаны книги, платья, валялись туфли, какие-то мелкие вещи. Матвей заметил, что со стен исчезли несколько эстампов и портрет отца Люси. Сама она, склонившись над чемоданом и нажимая коленкой крышку, пыталась закрыть замок. Люся обрадовалась Матвею:

- А, это ты? Очень кстати. Помоги-ка закрыть чемодан.

- Что все это значит?

- Я еду с тобой.

Матвей растерянно смотрел на нее.

- Похоже, что ты не рад.

- Что ты! - он подхватил ее, поднял и закружил по комнате. - Ты молодчина! Ты просто гений!

- Отпусти, голова кружится.

- Не пущу! Хочешь, я пойду на Север пешком и понесу тебя на руках?

- Хочу. Но мне будет обидно состариться у тебя на руках. Закрой-ка лучше чемодан.

Матвей нагнулся над чемоданом, нажал крышку и защелкнул замок. В чемодане хрустнуло.

- По-моему, я там что-то раздавил.

- Ладно, потом разберемся.

- Послушай, а как же Надежда Васильевна? Мне кажется, она недовольна.

- Она согласна. К нам она, видимо, не поедет. Не хочет нам мешать. И потом - бабушка.

- А разве они нам помешают? Если, конечно, у нас будет комната.

- Так мама считает. Я с ней согласна. Как думаешь, матрас брать или нет?

- Не знаю. Пожалуй, не надо. Там купим.

- В таком случае - берем.

- Первое семейное разногласие. Начало положено. Валяйте дальше, засмеялся Матвей.

- Но там мы ничего не купим. Может быть, там даже магазина нет.

- Резонно! Считаю конфликт исчерпанным.

Вошла Надежда Васильевна:

- Ужинать будете?

- Будем, - сказала Люся. - И даже выпьем чего-нибудь. Давай устроим сегодня свадьбу? Позовем гостей: Симу, Ариадну, Юзека. Кого еще, Матвей?

- Но ведь у меня ничего не приготовлено, доченька.

- И не надо, все будет экспромтом. Мы сейчас пойдем за Симой и по дороге чего-нибудь купим.

- Но вам надо еще собраться.

- По-моему, я уже все собрала.

- Ох, дети! До чего же вы еще наивны! Она собрала... - Надежда Васильевна укоризненно покачала головой. - Ну а ложку, хотя бы одну на двоих, вы взяли?

- Не-ет.

- То-то. Ладно, идите за Симой, я тут одна все соберу. А лучше зайдите сначала к Юзеку и пошлите его за Ариадной. Времени-то уже седьмой час.

- Мы в один миг.

- Все у вас в один миг: и замуж в один миг, и свадьба в один миг, и уезжаете тоже в один миг, - проворчала Надежда Васильевна добродушно.

23

До отхода поезда еще пятнадцать минут. Провожающих было много: Сима с маленьким Алешкой, Ариадна, Юзек, парни и девушки с завода. Пришел даже какой-то старичок. "Это наш БРИЗ", - сказала о нем Люся. "Странная фамилия", - подумал Матвей. Потом узнал, что фамилия старичка Гаврилов.

Надежда Васильевна пересчитывала чемоданы и узлы. Юзек с кем-то спорил, выклевывая слова носом. Сима рассказывала Алешке:

- Это паровозик, а это вагончики.

Алешка, напуганный толкотней и гамом, орал во всю мочь. Кто-то настойчиво советовал:

- Сима, дай ему соску! Нужны ему твои паровозики!

- А где керогаз? - спрашивала Надежда Васильевна.

- Кто нес керогаз?

- По-моему, его оставили в машине.

Коллективными усилиями керогаз обнаружили тут же, на перроне: он завалился за узлы.

- Напиши, есть ли там беличьи шубы, - просила Люсю девушка с раскосыми глазами. - Я сразу же вышлю деньги.

- Люся, пришли ей белого медведя. Бандеролью, - порекомендовал парень в кепке со сломанным козырьком.

Ариадна сказала:

- Счастливый вы, Матвей. Мне бы тоже хотелось уехать куда-нибудь далеко-далеко.

- Кто же вас держит?

- Страшно.

- А вы не бойтесь.

- Интересно, меня бы они тоже все пришли провожать?

- Почему вы об этом подумали?

- Я хочу, чтобы меня тоже любили.

- Раз хотите, значит, добьетесь.

- Да вот добиваюсь, - Ариадна показала Матвею свои руки. Они были в царапинах и ссадинах.

- Что это значит?

- Это значит, что я перешла работать в цех.

- Но ведь там грязно, ругаются?

- А вы, оказывается, злопамятны. Скажите, вам нравятся такие руки?

- По-моему, руки у вас просто красивые.

- Вы все шутите. А я серьезно.

- Я тоже.

- Становись! - крикнул парень в кепке со сломанным козырьком.

Толкаясь и перебрасываясь шутками, все выстроились в цепочку. Из рук в руки пошли по этой цепочке чемоданы и узлы. Когда они были погружены, снова все столпились около Матвея и Люси. Торопливые пожатия, поцелуи.

- А меня? - спросила раскосая девушка, подставляя Матвею щеку. Матвей чмокнул ее. Кто-то крикнул:

- Полундра! Клавка у Люси мужа отбивает.

- Люся, всего девять мест, - говорила Надежда Васильевна. - Ты пересчитай.

- Хорошо, мамочка.

Наконец раздался свисток, Матвей вскочил на подножку, и поезд тронулся.

Капитан-лейтенант с усиками помогал Матвею укладывать вещи.

- Судя по всему, следуете к новому месту службы. - Да.

- Хлопотливое дело.

"Опять усики! Неужели и этот окажется сослуживцем?" - подумал Матвей, вспомнив Дубровского.

- А я в отпуск, - сообщил капитан-лейтенант. "И на том спасибо", обрадовался Матвей.

- А вообще-то мне тоже пришлось изрядно поездить. На шестом месте служу. К счастью, пока холост.

- Пора бы и вам жениться, - посоветовала четвертая попутчица, пожилая женщина с крашеными волосами.

- Я вам, кажется, ничего плохого не сделал, - пошутил капитан-лейтенант.

- Не понимаю мужчин, которые слишком поздно женятся. Вам, наверное, за тридцать, а женитесь потом на девчонке лет восемнадцати. Что у вас с ней может быть общего?

- Поздравляю, - шепнул Матвею капитан-лейтенант. - По-моему, она старая дева.

Люся стояла в коридоре и смотрела в окно. Матвей стал рядом, она прислонилась к его плечу.

- Грустно?

- Немного. Это пройдет.

- Ты бы поплакала. Говорят, легче становится.

- Не умею.

- Ты меня любишь?

Люся улыбнулась:

- Вопрос поставлен весьма своевременно. После того как я

стала твоей женой...

- А ведь и верно: жена. Как-то даже непривычно.

- Никогда не зови меня "жена".

- Почему?

- У меня есть имя. А просто "жена" - это как-то слишком равнодушно. Скажи, а сам-то ты хоть раз был на Севере?

- Нет! Ты не боишься?

- А разве можно бояться завтрашнего дня?

- Правильно. Тем более, что день там длинный - по полгода.

- Я хочу, чтобы у нас всегда был длинный день.

- И светлый.

- И чтобы весь год!

- Пусть всегда будет день.

- Пусть!

Часть вторая

1

Казалось, ночь тянется бесконечно. За девять лет службы на Севере Матвей Стрешнев уже привык к тому, что здесь и день и ночь длятся месяцами. Напротив, казалось удивительным, когда весной и осенью на Севере, как и на всей остальной земле, каждые сутки всходило и заходило солнце, каждые сутки день сменял ночь.

И, хотя эти полярные ночи ежегодно повторялись и длились столько же, сколько и пять лет назад, и десять, ощущение было такое, что каждый год они становятся длиннее, и не один Стрешнев, заглядывая в календарь, с сомнением покачивал головой.

Календарь с удивительным постоянством указывал на одни и те же даты восхода и захода солнца, начала и конца длинной полярной ночи. Правда, это был не обычный отрывной календарь. Это был "Морской астрономический ежегодник" - настольная книга всех штурманов и вахтенных офицеров на кораблях. В нем указывалось время восхода и захода солнца для каждой широты, время куда более точное, чем в отрывных календарях.

Может быть, эта ночь показалась Стрешневу особенно длинной лишь потому, что прошла она в хлопотах, связанных с подготовкой к походу. Он был старшим помощником командира атомной подводной лодки, а известно, что на плечи старпома взвалено огромное хозяйство, и он обязан позаботиться обо всем, начиная от зубных щеток для матросов и кончая запасами ядерной энергии. А может быть, потому, что для них эта ночь, окончившаяся по календарю месяц назад, все еще продолжалась. Уже месяц, как над северными широтами Атлантики и Баренцева моря всходило и заходило солнце, а лодка еще не всплывала на

поверхность. Указаний поступало совсем немного, хотя шли большие морские учения. Задачи экипажу атомной лодки были поставлены заранее и сейчас лишь уточнялись детали.

Успешно атаковав крейсер "противника", атомная подводная лодка уходила от преследования противолодочных сил его охранения. В центральном посту установилась напряженная тишина, слышны были лишь пощелкивание лага, шуршание перьев различных самописцев да короткие слова команд. Даже из-за выгородки гидроакустика не доносились привычные вскрики посылок гидролокатора - станция работала в режиме шумопеленгования. Акустик периодически докладывал:

- Пеленг меняется на корму...

Лодка уже вырвалась за внешнее кольцо охранения и сейчас, погрузившись на глубину, полным ходом шла на ост-зюйд-ост. Корабли охранения еще рыскали в поисках лодки, и акустик слышал работу их гидролокаторов. Но вот он доложил:

- Горизонт чист, шумов нет.

Все облегченно вздохнули, командир лодки капитан второго ранга Гуреев устало опустился в кресло и сказал:

- Кажется, оторвались.

- Похоже, что да, - подтвердил посредник, представитель штаба флота маленький, толстый капитан первого ранга. Он то и дело перекатывался от одного поста к другому, успел побывать во всех отсеках, хотя такое путешествие давалось ему нелегко, потому что в люки он едва пролезал, и то как-то боком, просунув сначала голову и одно плечо, а затем уже с трудом протаскивая свое грузное тело. - Однако мы еще не получили подтверждения того, что крейсер "потоплен".

Да, пока другой посредник, находящийся на крейсере, не сообщит, что, хотя бы две торпеды прошли под килем, задача не считается выполненной. Лодочные акустики утверждают, что по меньшей мере три прошли точно под целью, однако подтверждение посредника обязательно. Но Гуреев не спешит, потому что еще не ясна обстановка в воздухе, там могут оказаться самолеты или вертолеты "противника". Он идет в боевой информационный пост, возвращается оттуда минут через десять и сообщает своему старшему помощнику капитану третьего ранга Стрешневу:

- Как будто все в ажуре. Как думаешь, Матвей Николаевич, не пора ли всплывать?

- По-моему, рановато. Надо выйти хотя бы за радиус действия вертолетов противолодочной обороны.

- Мы уже вышли. Вот если, не дай бог, самолет-разведчик...

Посредник прислушивается к их разговору, что-то помечает в

своем блокноте. Они не обращают на это внимания, такова уж обязанность посредника - записывать все, что он считает важным.

Через десять минут Гуреев отдает приказание всплывать. И опять в центральном посту, во всех отсеках лодки повисает тишина, может быть, даже более напряженная, чем перед атакой. Все ждут сообщения по радио. Если сообщат, что крейсер условно потоплен, значит, не пропал их изнурительный труд, значит, не зря стояли бессонные вахты и много дней не всплывали на поверхность.

Ну, а если... Нет, в это никто не хотел верить.

И все-таки это было не исключено, и теперь вес с замиранием сердца ждали. Ждали, как приговора.

В наступившей тишине отчетливо слышен свист поступающего в балластные цистерны воздуха высокого давления и шум вытесняемой из них воды.

- Обе вперед малый!

- Радисты, включите трансляционную сеть!

И сразу во все отсеки ворвалась звуковая суматоха эфира: музыка, обрывок громко произнесенной на каком-то непонятном языке фразы, свист, писк и треск радиопомех, опять музыка... И вдруг все стихло, слышалось только шипение, похожее на равномерный шум воды. Так вода шумит на старой сельской мельнице, просачиваясь сквозь плотину, пенясь в темной тихой речушке со склоненными над ней вербами и кустами черемухи...

И все вздрогнули, когда по лодке было объявлено:

- Три торпеды прошли под килем, две из них в районе трубы...

Но ликовать еще было рано: предстояло скрытно форсировать противолодочный рубеж на пути в базу, лишь после этого задача будет считаться выполненной успешно. До рубежа оставалось добрых полторы сотни миль, и "противник" постарается обнаружить лодку как раз здесь.

Гуреев приказал погружаться и идти полным ходом. Все находились на своих постах, однако напряжение заметно спало, матросы повеселели. Как бы там ни было, а главная часть задачи выполнена.

И тут посредник преподнес очередной сюрприз:

- Командир выбыл из строя, командование принимает старший помощник.

- Есть! - капитан третьего ранга Стрешнев покосился на Гуреева, тот пожал плечами.

- Идите в каюту, - предложил Гурееву посредник. - Вам предоставляется великолепная возможность хорошенько отдохнуть.

Гуреев усмехнулся. И посредник, и Стрешнев, и каждый офицер и матрос знали, что командиру будет не до отдыха. В своей каюте, оторванный от дел, он будет волноваться еще больше и за корабль, и за действия своего старшего помощника, хотя и уверен в нем.

Но больше всех волновался сам Стрешнев. Он тоже был уверен в себе, однако знал, что прорвать противолодочный рубеж чрезвычайно трудно. Сейчас, после "потопления" крейсера, лодку будут ждать именно на этом рубеже, она не сможет его миновать.

Стрешнев знал два сравнительно безопасных прохода в рубеже. Одним они шли сюда, и прорываться лучше опять этим же проходом, хотя бы потому, что тут в обороне "противника" есть брешь. Но ее могут заткнуть: "противник" наверняка увеличит состав сил и средств на рубеже.

Что же делать?

Стрешнев старался не выдать своего волнения, он знал, как это влияет на экипаж, и, может быть, поэтому волновался еще больше. Он должен принять решение, которое в данной обстановке окажется единственно правильным, приведет к успеху. В поисках этого решения он перебрал все возможные варианты, и ни один из них не годился. Оставался единственный путь: в обход рубежа.

А обойти его можно лишь под паковым льдом Арктики. Это было рискованно само по себе, а тут еще часть экипажа состояла из молодых матросов-первогодков, да и остальные тоже не плавали подо льдами. И сам он ходил всего раз, когда служил штурманом, самостоятельно управлять кораблем ему тогда, разумеется, не пришлось.

Он подошел к штурманскому столику, склонился над картой. Горошинки и треугольники определений запутались в паутине пройденного пути на подходе к району обнаружения крейсера. Затем лодка легла на боевой курс, вот здесь произвели залп, дальше началась ломаная линия послезалпового маневрирования. Все это время они шли по счислению, и, хотя приборы работали надежно и на штурмана капитан-лейтенанта Глотова можно было вполне положиться, счислимое место нельзя было считать абсолютно точным.

- Дайте карту ледовой обстановки, - попросил Стрешнев.

Глотов достал карту, расстелил на столе, придавив углы грузиками. Этой карте вполне можно доверять, ледовая обстановка нанесена всего два дня назад, по данным, полученным с метеоспутника.

- Ветер, конечно, мог сместить границу льдов севернее или южнее, сказал Глотов, - но величина этого перемещения невелика.

Южная кромка льдов находилась от счислимого места лодки милях в ста восьмидесяти. Глубины Ледовитого океана тут вполне достаточные, чтобы пройти подо льдами, только в одном месте выпирает подводный хребет, но он лежит немного в стороне. Айсбергов за последнее время в этом районе не наблюдалось.

Сделав предварительную прокладку курса в обход противолодочного рубежа, Стрешнев подсчитал, сколько на это потребуется времени, с учетом того, что подо льдами придется идти средним ходом. Можно было успеть вернуться в базу в заранее обусловленный срок.

- Штурман, ложитесь на курс двадцать градусов! Подготовьте точный расчет плавания!

- Есть! Рулевой, ложитесь курс двадцать!

При перекладке руля лодка слегка накренилась. Стрешнев понял, что переложили и горизонтальные рули, чтобы удержать лодку на заданной глубине. Стрелка глубиномера закачалась и вскоре успокоилась, а картушка репитера гирокомпаса все еще бежала по кругу. Но вот и она остановилась, и старшина группы рулевых доложил:

- На румбе двадцать!

Посредник что-то записывал в свой блокнот. "Интересно, одобряет ли он мое решение?" - подумал Стрешнев.

Впрочем, решение принято.

Да и не положено советоваться с посредниками. Вот если бы на Гуреева взглянуть, узнать, что он думает? Но Гуреев сидит в своей каюте, он "выбыл из строя". Штурман старательно вычерчивает циркуляцию и прокладывает новый курс, лицо у него, как всегда, озабоченное, не догадаешься, о чем он думает в данный момент. Акустик невозмутимо вращает рукоятки, выискивая шумы... Да, сейчас он, Стрешнев, командир, его решения должны быть твердыми, каждое его распоряжение должно выполняться быстро, точно и беспрекословно.

Прошло несколько часов. Лодка подходила к границе паковых льдов.

- Сергей Петрович, - обратился Стрешнев к замполиту, капитану третьего ранга Тетереву. - Пройдите по отсекам, объясните, что скоро войдем под лед, пусть все будут особенно внимательными...

Тетерев кивнул и тихо, чтобы не слышал посредник, сказал:

- Не волнуйтесь, Матвей Николаевич, все будет в порядке.

"Значит, все-таки заметил, что я волнуюсь, - отметил про себя Стрешнев. - Или просто догадывается? Надо взять себя в руки".

Прежде чем нырять под лед, необходимо точно определить

место лодки, а для этого придется всплыть на несколько минут, чтобы штурман успел замерить высоты звезд. Всплывать лучше у самой кромки льдов: меньше риска быть обнаруженным. Но у самой кромки, как правило, держится туман, звезд можно и не увидеть. Кроме того, могут помешать плавающие льдины.

- Штурманской группе приготовиться к определению места астрономическим способом и по радиопеленгам! - распорядился Стрешнев. После того как капитан-лейтенант Глотов доложил о готовности группы, приказал: - По местам стоять, к всплытию! Обе машины стоп!

Застопорили ход, но лодка еще продолжала по инерции двигаться вперед, лаг пощелкивал все реже и реже.

- Всплывать на перископную глубину!

- Есть! - Офицер на посту погружения и всплытия подал необходимые команды.

- Держать дифферент пять градусов на корму! - распорядился Стрешнев и тут же подумал, что это приказание, пожалуй, излишне, потому что дифферент и так был пять градусов на корму.

Когда стрелка глубиномера подошла к цифре, означавшей, что ограждение мостика находится у поверхности воды, Стрешнев приказал:

- Поднять перископ!

Старшина группы рулевых включил механизм подъема перископа, и блестящий стальной цилиндр медленно начал подниматься. Из сальника в подволоке в шахту шлепнулось несколько капель. Ствол перископа поднимался, вот уже показалась из шахты его нижняя часть с окулярами. Они остановились точно на уровне глаз Стрешнева. Откинув рукоятки вниз, Стрешнев ухватился за них и припал к окулярам.

Над поверхностью уже сгустились сумерки, но видимость была отличной. С юго-запада на темно-синем небе отчетливо проступали звезды. Через неделю начнется длинный полярный день, солнце вообще не будет заходить, да и сейчас оно вошло в воду всего на час с небольшим, потом поднимется снова. До восхода надо успеть определиться.

- Метрист, вести круговой поиск!

И лишь после того как метрист доложил, что горизонт чист, Стрешнев приказал:

- Стравить давление! Отдраить люк!

Старшина группы рулевых поднялся по скоб-трапу вертикальной шахты, ведущей на мостик. Вот он повернул штурвал кремальерного затвора, стальная крышка слегка отошла от гнезда, и сквозь образовавшуюся узкую щель из лодки со

свистом стал выходить воздух. Неприятно кольнуло в ушах.

- Люк отдраен! - доложил старшина, хотя в этом докладе не было необходимости, скачок давления и без этого почувствовали все. Но полагается докладывать. Командир должен быть уверен, что его приказание понято и выполнено. Даже незначительная ошибка одного матроса может привести к катастрофе и стоить жизни всему экипажу. Поэтому на подводных лодках, как это ни надоедливо, каждое приказание повторяется громко и четко.

- Открыть люк!

Старшина откинул крышку люка, и в отсек хлынул морской воздух. Он был густой, прохладный, пьянящий. Пахло свежестью, йодом, рыбой, и еще чем-то острым. Конечно, в лодке надежно работают кондиционные и регенеративные устройства, постоянно поддерживается одинаковое процентное содержание кислорода, но что может быть приятнее свежего дыхания моря, особенно когда ты больше месяца не видел белого света, не глотал этот живительный атмосферный воздух!

Стрешнев поднялся на мостик. Следом за ним лез посредник. Телом он так закупорил колодец рубочного люка, что все работающие механизмы, опять хлебнув отсечный воздух, тяжко и глухо вздохнули.

Море было на редкость спокойным, лишь слегка покачивалось да шлепало волнами по корпусу лодки. На северо-востоке на фоне догорающего заката четко прочерчивалась линия горизонта, а на юго-западе море сливалось с небом, густо усеянным крупными звездами. И в этой бескрайней шири рубка подводной лодки казалась удивительно маленькой и одинокой.

Прямо на носу вскинулись серебристые нити слабого полярного сияния, и небо задрожало, переливаясь всеми цветами радуги. Отсветы сияния, отражаясь в воде, рассыпались на тысячи хрустальных бусинок.

Апельсиновое зарево заката начало бледнеть и вот уже стало янтарным, как гигантское ожерелье, охватившее могучую грудь земли. Сияние, вспыхнув всего лишь на мгновение, давно угасло, а отсветы его все еще переливались в небе, играя многоцветьем всех существующих в природе красок самых тончайших, невиданных на земле оттенков. Воздух был удивительно прозрачным, хрустально-чистым и прохладным, как ключевая вода.

И хотя времени было в обрез, Стрешнев все-таки решил доставить морякам удовольствие перед тем, как нырнуть под лед: дать возможность если уж не всем, то хотя бы свободным от вахт побывать наверху.

- Внимание, в отсеках! Разрешаю свободным от вахт выходить

наверх. Командирам отсеков установить очередность выхода.

- Есть! - многоголосо и радостно откликнулись из отсеков.

И матросы один за другим стали выскакивать наверх, громко называя свою фамилию:

- Матрос Епифанов!

- Старшина второй статьи Еременко!

- Старший матрос Габиддулин вышел наверх!

Помощник вахтенного офицера записывал их фамилии.

Такой порядок на подводных лодках существует давно; он продиктован жесткой необходимостью: так легче проследить, чтобы при погружении, особенно при срочном, наверху случайно не остался человек.

- Надо бы и командиру дать проветриться, - напомнил посреднику Стрешнев.

- Да, конечно, - согласился посредник и, подойдя к переговорной трубе, позвал: - Виктор Андреевич, поднимайтесь наверх.

Выбравшись на мостик, Гуреев озабоченно окинул взглядом горизонт.

* * *

Плавание подо льдами всегда связано с риском: при неисправности лодка не сможет всплыть на поверхность, не сможет даже передать сигнал бедствия, если не окажется случайно в этот момент под полыньей или разводьем. Именно случайно, поскольку вероятность такого совпадения практически ничтожна.

Плавание подо льдами сопряжено с трудностями навигационного порядка: с невозможностью определения местоположения корабля обычными способами, давно проверенными и достаточно надежными.

В Северном Ледовитом океане стрелка обычного магнитного компаса начинает беспорядочно метаться из стороны в сторону: по мере приближения к полюсу на нее перестает действовать горизонтальная составляющая земного магнетизма и стрелка вместо севера может показать на юг.

Более надежей гироскопический компас. Вращение Земли действует на гироскоп таким образом, что приводит его ось в положение, параллельное оси Земли, то есть располагает точно по меридиану. Однако по мере приближения к полюсу относительная скорость вращения Земли постепенно понижается, а на полюсе становится равной нулю. И уже на расстоянии пятисот миль от полюса гирокомпас начинает "выходить из меридиана" и поэтому полагаться на его точность рискованно.

В течение довольно длительного времени, наряду с поисками

соответствующей энергетической установки, способной надолго обеспечить подводную лодку энергией, необходимой для плавания под водой, проблема кораблевождения в арктических широтах была ахиллесовой пятой подледного плавания. И еще одним чудом двадцатого века стало изобретение инерциальной навигационной системы - этого электронного мозга корабля с его таинственными, светящимися зеленым светом трубками, счетно-вычислительными устройствами, рядами всевозможных циферблатов, измерительных приборов и мигающих лампочек.

В надежности этой системы не приходилось сомневаться, Стрешнев был озабочен лишь тем, чтобы сейчас, до того как они погрузятся под воду, как можно точнее определить место лодки, нанести, как говорят штурманы, "колышек", от которого проляжет весь дальнейший путь лодки подо льдом.

Капитан-лейтенант Глотов произвел все расчеты и нанес этот "колышек". У приборов в центральном посту собралась группа обслуживающих эти приборы матросов, старшин и офицеров. Включена телевизионная камера и эхоледомеры, мурлычет гидролокатор, по-прежнему пощелкивает лаг и жалобно пищит эхолот, шуршат перья самописцев. Стрешнев приказал погружаться сразу на большую глубину.

Если верить карте ледовой обстановки, льды уже должны появиться, но пока эхоледомер указывал, что над лодкой все еще чистая вода. Видимо, под действием южного ветра за эти двое суток, с тех пор как была составлена карта, кромка пакового льда сдвинулась на север.

Однако далеко уйти она не могла, и Стрешнев уже с беспокойством поглядывал на эхоледомер: уж не испортился ли? Оба его вибрирующих пера вычерчивали тонкую сплошную линию. Но вот они дрогнули, разошлись, потом опять начали сближаться. Значит, попалась пока отдельная плавающая льдина.

Потом льдины стали попадаться все чаще, и вот уже перья больше не сходятся, вычерчивая извилистую конфигурацию ледового потолка, простершегося над лодкой на сотни миль. Иногда перо резко опускалось вниз и вычерчпнало острые вершины, напоминающие своими очертаниями сталактиты.

Разговоры и шутки моряков, стоявших у приборов, постепенно стихли. Даже в тусклом свете лампочек, которыми освещался центральный отсек, стали заметными морщины, пролегшие на лицах людей. Началось то самое важное, еще не происходящее в их жизни, таинственное и неповторимое - плавание подо льдом.

Оставив за себя вахтенного офицера, Стрешнев отправился в корму и заглянул в машинный отсек. Этот отсек был освещен

флюоресцентными лампами. Стрешнев даже зажмурился, ослепленный их ярким светом. В отсеке стоял монотонный гул турбин и работающих механизмов, и вахтенный механик доложил почти в самое ухо:

- Полный порядочек, товарищ капитан третьего ранга!

Через два часа Стрешнев отдал приказание ложиться на новый курс.

2

Обогнув противолодочный рубеж, Стрешнев вывел лодку из-подо льда и повернул в базу. Он рассчитывал, что теперь, когда лодка вошла в свои воды, и учения фактически закончились, посредник разрешит Гурееву снова вступить в исполнение обязанностей командира, и тогда ему, может быть, удастся хоть немного вздремнуть. Стрешнев не спал уже третьи сутки.

Лодка приближалась к базе, напряжение заметно спало, а начала сказываться усталость многих дней. Нет-нет да кто-нибудь клевал носом. В такие вот моменты командиру приходится быть особенно внимательным, и Стрешнев то и дело запрашивает:

- Штурман, курс?

- Курс двести пятьдесят шесть, - докладывает штурман.

- На румбе двести пятьдесят шесть, - как эхо, отзывается и рулевой.

- Глубина девяносто, дифферент ноль! - сообщают с поста погружения и всплытия.

Тут и механики встрепенутся:

- Обе машины работают "средний вперед".

А вот и замполит капитан третьего ранга Тетерев принялся за дело. Подняв задремавшего было матроса Коняева, спросил:

- Вы что же это? Попали в историю, а так бесславно спите.

- В какую историю? - пугается матрос.

- Он еще не понимает! В историю нашего флота. Вы же прошли подо льдами Арктики. Как и ваш однофамилец в свое время.

Какой еще однофамилец?

- Ну как же, неужели не знаете? В тысяча девятьсот сороковом году во время войны с белофиннами подводная лодка "Щ-324" под командованием одного из трех первых Героев Советского Союза - капитана третьего ранга Коняева, возвращаясь в базу из боевого похода, форсировала подо льдом пролив Сёдра-Кваркен. Чтобы не выдать противнику маршрутов форсирования Кваркена нашими подводными лодками и обезопасить свой корабль от налетов вражеской авиации, Коняев и провел лодку под сплошным льдом. Вот так-то!

- А я и не знал! - удивляется матрос Коняев. - И долго они

шли подо льдом?

Около десяти часов. А потом и всплыли из-подо льда же, взломав его. А толщина была довольно приличная, до двадцати пяти сантиметров. И это была ведь не современная атомная лодка, а обычная дизельная "щука"...

К их разговору начинают прислушиваться: подходит один матрос, другой, третий. Кто-то замечает:

- А говорили, что немцы первыми начали лазить под лед во вторую мировую войну.

- Но мы же раньше! - отстаивает приоритет своего однофамильца Коняев. Мало ли кто что скажет! Американцы вон тоже утверждают, что они первые, хотя они даже позже немцев начали.

- Ну, если уж говорить о приоритете, - продолжает Тетерев, - то первое в истории подледное плавание было совершено еще раньше, чем это сделал однофамилец нашего Коняева. В тысяча девятьсот тридцать восьмом году советская подводная лодка "Народоволец" под командованием Виктора Николаевича Котельникова получила почетное задание: следовать к первой в мире дрейфующей станции "Северный полюс-1" и снять со льдины отважную четверку папанинцев. В Датском проливе на пути лодки встретились ледяные поля. С целью подготовки лодки к форсированию ледяных преград Котельников решил пройти под этими полями. Погрузившись на глубину пятьдесят метров, лодка прошла под ледовой перемычкой шириной около полумили...

Стрешнев приказывает включить трансляционную сеть, и теперь голос Тетерева слышен во всех отсеках.

А лаг все пощелкивает и пощелкивает, отсчитывая милю за милей.

Еще издали Стрешнев увидел на причале контр-адмирала Сливкина, командира соединения подводных лодок. Рядом с ним стояло несколько штабных офицеров, чуть в стороне - оркестр.

Как только матросы подали швартовые, Гуреев спустился на палубу. Оркестр грянул "Встречный марш". Взбежав по сходне на причал, Гуреев, четко печатая шаг, двинулся навстречу адмиралу. Вот между ними осталось метра три-четыре, Гуреев остановился, вскинул руку к пилотке, и оркестр тотчас смолк, точно трубы его вдруг захлебнулись.

- Товарищ адмирал! Атомная подводная лодка вернулась с выполнения задания. Состояние корабля и механизмов исправное, настроение личного состава бодрое. Готовы к выполнению новых заданий.

Адмирал сначала пожал Гурееву руку, потом притянул к себе, обнял, троекратно поцеловал.

- Поздравляю. - И, обернувшись к стоявшим на палубе матросам и офицерам, повторил: - Поздравляю, товарищи подводники, с успешным выполнением задания и благополучным возвращением на родную землю!

Опять заиграл оркестр, штабные офицеры поочередно пожимали Гурееву руку. Потом адмирал прошел на лодку, спустился вниз. Переходя из отсека в отсек, с каждым здоровался, пристально вглядываясь в лица матросов, старшин и офицеров.

- Устали. Ну ничего, дадим отдохнуть. А то, я вижу, вон даже Макаров отощал.

- Килограмм семьсот граммов скинул, товарищ адмирал, - подтвердил Макаров, маленький толстый матрос из трюмных машинистов.

- Ему бы еще пяток можно скинуть, - сказал высокий худощавый матрос Грищенко. - А я вот меньше потерял, и то заметно.

- А вы у Макарова взаймы попросите, - посоветовал адмирал. - Или не даст?

- Почему же? Давно предлагаю, да не берет...

Потом все, кроме вахтенных, выстроились на палубе, и начальник политотдела начал приветственную речь. Говорил он недолго. Адмирал, забрав с собой посредника и Гурсева, уехал в штаб, чтобы там выслушать более обстоятельный доклад. Постепенно разошлись и штабные офицеры, оркестранты, закинув за плечи барабаны и трубы, строем промаршировали к проходной.

Проводив начальство, Стрешнев не ушел до тех пор, пока но привел все механизмы в готовность, а корабль - к новому выходу в море. Об этом знали все матросы и поэтому взялись за работу, стараясь закончить ее побыстрее. Стрешнев рассчитывал, что они все закончат к обеду, но управились гораздо раньше, и он разрешил экипажу идти в казармы, оставив на лодке только вахтенных.

Сам он намеревался сразу же пойти домой и до возвращения Люси с работы хоть немного поспать. Но не успел он переодеться, как вахтенный на мостике доложил:

- Товарищ капитан третьего ранга, там рассыльный прибежал, вас срочно просит адмирал.

- Хорошо. Передайте, что иду.

"Скорее всего требуют на доклад о последнем этапе похода, когда командование поручили мне, - решил Стрешнев. - Неужели я что-нибудь не так сделал? Вероятно, у адмирала весь "синклит" собрался"...

Но когда он вошел в кабинет адмирала, тот был один.

- Садитесь, Матвей Николаевич. Вот сигареты. - Адмирал подвинул целый набор сигаретных коробок. - Какие предпочитаете: "Столичные", "Яву" или "БТ"?

Спасибо, товарищ адмирал, не курю. В этом походе поневоле пришлось бросить.

- Ну и правильно. А я вот опять втянулся. - Сливкин за курил и, озабоченно потерев ладонью лоб, будто стараясь разгладить прорезавшие его морщины, сказал: - Вот что, Матвей Николаевич: долго нам разговаривать, к сожалению, некогда, потому что вам надо спешить. Вам необходимо вылететь в Москву, завтра в десять ноль-ноль вас примет главком. Билет на самолет уже заказан. На сборы остается... - Адмирал отвернул рукав и посмотрел на часы. - Остается всего два с половиной часа. Мало, но, думаю, управитесь. Верите мою машину и распоряжайтесь ею до самого отлета. К жене на работу не заезжайте, она уже дома, о вашем отъезде знает.

- Спасибо, товарищ адмирал.

- Я понимаю, вы устали, особенно за последние трое суток. Вам полагается отдых, но тут такое дело...

- Товарищ адмирал, а вы не скажете, зачем меня вызывают? Да еще к главкому.

Сливкин улыбнулся:

- Об этом вы спросите у самого главкома. Он вас вызывает, он и объяснит.

Стрешнев догадался, что адмирал знает, зачем его вызывают в Москву, но почему-то не хочет говорить. Допытываться не полагается, не говорит - значит не считает нужным.

- Зайдите в строевую часть, возьмите командировочное предписание.

- Есть!

- Ну, ни пуха. - Адмирал проводил Стрешнева до двери. - Когда будете возвращаться, дайте телеграмму или позвоните. Встретим.

- И с чего это вдруг такие почести? - Стрешнев выжидательно посмотрел на адмирала.

Сливкин усмехнулся:

- Все равно больше ничего не скажу. Всему свое время.

Должно быть, Люся видела, как он подъехал к дому, потому что, когда он поднялся на третий этаж, дверь в квартиру была открыта. Люся стояла на пороге, прислонившись к косяку. Едва он переступил порог, тихо приникла к нему, будто прислушиваясь к тому, как гулко стучит у него сердце, и вдруг плечи ее начали вздрагивать. Матвей понял, что она плачет, спросил удивленно:

- Ты что? Вот уж не ожидал!

- Извини. Совсем я расклеилась почему-то. Не знаю даже, почему.

Он долго целовал ее в губы, в мокрые глаза, в щеки, в шею, ощущая знакомый, едва уловимый запах ее духов, ее волос, ее тела - словом, ее запах!

Люся вдруг отстранилась, озабоченно посмотрела на него и грустно сказала:

- А ты опять похудел.

Он знал, что похудел, но говорить об этом не стоит, она и так слишком уж печется о его здоровье. Она считает, что раз муж плавает на атомной лодке, то обязательно облучается, а раз облучается, то самое страшное - это когда человек начинает худеть, это первый признак рака. Матвей много раз пытался популярно объяснить, что это чепуха и что биологическая защита на лодке вполне надежна. Люся молча выслушивала эти объяснения, согласно кивала, но видно было, что она не верит.

- Это тебе только кажется, ты просто отвыкла. И потом я не выспался, вот и осунулся. А где Иришка?

- В садике. А мама уехала в Синеморск неделю назад. Если бы мы знали, что ты вернешься через неделю, она дождалась бы. Но мы ведь не знаем, когда ты уходишь и когда возвращаешься.

- Давай-ка поедем за Иришкой.

- Нет, сначала я тебя покормлю.

Матвей не стал возражать, потому что еще не обедал, а из большой комнаты доносился запах свежих огурцов, укропа и еще какой-то зелени. Для севера это роскошь, тем более сейчас - весной.

Обычно они обедали в кухне, а сейчас Люся накрыла стол в большой комнате, постелив праздничную скатерть, достав подаренный Курбатовыми сервиз. Стол ломился от всяческой снеди: тут были и салат, и огурцы, и редиска, кроме того - ветчина, балык, крабы и даже кетовая икра.

- Душ принимать будешь?

- Обязательно.

- Давай, только побыстрее, а то у меня утка перепреет. С черносливом.

- Ну, ты у меня молодец! - искренне удивился Матвей.

До этого все хозяйство вела Надежда Васильевна, он и не предполагал, что Люся умеет что-либо готовить. Смущенная похвалой, Люся поспешила в кухню, крикнув на ходу:

- Чистое белье в ванной, на полочке.

Он хотел принять только душ, но соблазн хорошенько пропариться был настолько велик, что Матвей набрал в ванну воды и плескался довольно долго, Люся дважды напоминала ему,

что времени мало, а надо еще заехать в садик к Иришке. Наконец он вышел с таким ощущением, будто заново родился на свет.

- Хорошо! - сказал он, усаживаясь за стол.

- А все-таки ты похудел, - опять озабоченно сказала Люся. - Тебе надо хорошенько отдохнуть. Тебе, кажется, полагается санаторная путевка?

- Да, как только вернусь. Ты не могла бы попросить и себе отпуск? За свой счет не дадут?

- Нет, у нас сейчас много работы. И потом как-то неловко: я ведь еще и года не проработала, мне и очередной-то не полагается.

- А жаль!

- Ты думаешь, я не хотела бы поехать с тобой? Еще как хотела бы! Вот и в Москву хорошо бы поехать вместе. Кстати, зачем тебя туда вызывают?

- Понятия не имею.

Она не поверила ему и больше об этом не спрашивала. Впрочем, она уже привыкла не расспрашивать его о служебных делах. Не полагается говорить на эту тему даже с близкими людьми.

Пообедав, они поехали в детский садик к дочери.

Когда проезжали мимо стадиона, Матвей с удивлением увидел там матросов из своего экипажа. Они с увлечением гоняли по полю футбольный мяч, покрикивая друг на друга.

"Соскучились по земле", - отметил Матвей, полагавший, что все матросы экипажа сейчас спят. - Устали ведь, а вот уже бегают. Что значит молодость". Его самого укачивало в машине, и только усилием воли он сдерживался, чтобы не заклевать носом.

Иришка заметно подросла, окрепла и стала еще более похожей на мать: так же шаловливо вздернут носик, такие же большие серые глаза и темные крылья бровей над ними. "Это хорошо, что она похожа не на меня, а на Люсю", подумал Матвей.

О втором ребенке они поговаривали не раз. Да и Надежда Васильевна постоянно напоминала:

- Иришку вы слишком балуете, она становится капризной, пора вам вторым ребенком обзаводиться.

Впрочем, сама же Надежда Васильевна больше всех и баловала внучку, потакая всем ее капризам.

- Ти посему такой гъюсный? - спросила Иришка, теребя его за уши.

- Да вот тебя давно не видел, а опять надо уезжать.

- В моле?

- Нет, в Москву. Но я не надолго, дня на два, на три, не больше.

- А меня возьмес?

- Нельзя, дочка. Мы с тобой потом поедем на юг, там море теплое, ты будешь купаться.

- Зачем обманывать ребенка? - шепнула Люся.

- А я не обманываю, - сказал Матвей. Он и в самом деле сейчас решил, что ни в какой санаторий не поедет, а вместе с дочерью отправится к Черному морю, снимет комнатку и месяц они проведут там, загорая, купаясь. И вообще лучшего отдыха не придумаешь...

- Ладно, я подозду, - серьезно пообещала Иришка. Но сразу же загрустила.

- Можно ее взять с собой до аэродрома? - спросил Матвей у воспитательницы, совсем еще юной девушки, напускающей на себя серьезный вид и даже с родителями разговаривающей строго и наставительно.

- Пожалуйста, - на сей раз воспитательница даже обрадовалась.

Но когда Матвей хотел помочь дочери одеться, воспитательница строго заметила:

- Нет уж, вы мне ребенка не балуйте, пусть привыкает одеваться сама.

Может, она и права. Но Матвею, выросшему без родителей и не знавшему в детстве ласки, не хотелось соглашаться с этой напускающей на себя строгость девушкой. И он с мучительным чувством жалости и обиды наблюдал за тем, как Иришка пытается сама завязать на ботиночках шнурки, торопится и поэтому у нее ничего не получается. Шнурки он все-таки помог завязать.

Они уже опаздывали, шофер гнал машину на предельной скорости. Люся тревожно поглядывала на дорогу, каждый раз вздрагивая, когда с коротким свистом мимо проносились встречные машины. А Иришку быстрая езда развеселила, и она, ерзая у Матвея на коленях, без умолку тараторила:

- Папулеська, купис мне в Москве масынку?

- Заводную?

- Нет, настоясюю. И мы будем с тобой и мамоськой катася. И бабуленьку Наденьку возьмем.

- Да, - спохватилась Люся. - Я тебя тоже попрошу кое-что купить в Москве. Вот список.

Матвей взглянул на бумажку, в ней значилось двадцать три пункта. Он усмехнулся и покачал головой, Люся виновато сказала:

- Здесь лишь самое необходимое, я и так сократила список почти наполовину. И потом: в кои-то веки еще выберешься в Москву!

Это верно, за годы службы на Севере в Москву его вызывали впервые.

Когда они приехали на аэродром, посадка в самолет уже заканчивалась, по трапу поднимались последние пассажиры. Торопливо попрощавшись с женой и дочерью, Стрешнев побежал к самолету.

Салоны самолета были заполнены до отказа. Летели в основном женщины с детьми. Так повторялось каждую весну, детей вывозили на юг, едва заканчивались занятия в школе. Летчики называли это "птичьими перелетами", ворчали, что забиты проходы, впрочем, ворчали добродушно. В самолете действительно стоял гвалт и писк, похожий на гомон птиц на знаменитых "базарах".

"А птицы, наверное, уже прилетели, - подумал Матвей. - Они каждый год летят на Север, преодолевая тысячи километров тяжелого пути. Для чего?" Он слышал, что птицы летают сюда лишь за тем, чтобы напоить детенышей талой снеговой водой, что в этой воде есть какая-то особая живительная сила. Он читал где-то, будто от талой воды человек молодеет.

Пока он наконец добрался до своего места в хвосте самолета, уже запустили двигатели. Их долго опробовали на всех оборотах, Матвею хотелось еще раз взглянуть в иллюминатор на жену и дочь, но его место оказалось с другого борта. Он увидел их лишь тогда, когда самолет поднялся в воздух и делал над аэродромом разворот. Они стояли возле машины, совсем маленькие, Иришка одной ручонкой уцепилась за мать, а другой махала уходящему ввысь самолету.

Но вот их заслонило тонкой кисеей облачка, потом самолет нырнул в плотный туман, не стало видно ни земли, ни солнца, ни неба, только серые космы тумана цеплялись за дрожащее крыло самолета, да на стеклах иллюминатора выступили слезинки конденсата.

Матвей откинулся на спинку сиденья и почти мгновенно провалился в темную пропасть крепкого, беспробудного сна, которому уже не могли помешать ни натужный, густой рев моторов, ни детский гомон, ни визг джаза, доносившийся из лежавшего на коленях у соседа транзистора, ни тем более увещевания стюардессы, умолявшей пассажиров не вставать с мест и не курить до тех пор, пока самолет не наберет заданную высоту и не погаснет световое табло.

3

Оказывается, для него был забронирован номер в гостинице ЦДСА. Стрешнев, получив ключи, несколько секунд раздумывал, что делать: идти сразу в номер или сначала поужинать. Он решил

поужинать, однако в номер все равно пришлось заносить чемодан. А войдя и увидев широкую деревянную кровать, он уже не мог больше ни о чем думать, быстро разделся, нырнул под одеяло, и заснул, наверное, чуть раньше, чем успел опустить голову на подушку.

Дежурной по этажу он не сказал, чтобы его разбудили, проснулся в начале десятого и с недоумением огляделся вокруг, не понимая, как он очутился тут, в незнакомой комнате. Казалось, что он, как заснул в самолете, так и не просыпался. Потом вспомнил, что собирался ужинать, ему сразу захотелось есть, но, взглянув на часы, он вскочил. Наспех побрившись и одевшись, сбежал вниз.

От площади Коммуны до штаба можно было доехать только с пересадкой, он явно опаздывал, и вся надежда теперь была на такси. Но стоянка далеко, у театра, ему сказали, что туда не стоит бежать, машин там в это время не бывает, лучше ждать здесь, потому что утром приходит много поездов, кто-нибудь да приедет в гостиницу на такси.

И верно, не прошло и пяти минут, как ему удалось поймать машину, еще через десять минут он уже подъезжал к Главному штабу Военно-Морского Флота. Минут десять отняла процедура оформления пропуска. Однако в приемной главкома он оказался вовремя, стоявшие в углу массивные часы показывали без двух минут десять.

Он сразу подумал, что спешил, наверное, зря: в приемной сидело несколько адмиралов и капитанов первого ранга, почти все они с папками, вероятно с докладами главкому. Столь крупное "созвездие" адмиралов и каперангов Стрешневу еще не приходилось наблюдать, он, робко поздоровавшись, стал в углу, не решаясь сесть в присутствии такого многочисленного начальства.

Сидевший за столом офицер, видимо, порученец главкома, приподняв от бумаг голову, вопросительно посмотрел на Стрешнева. Наверное, Матвей должен был ему представиться, но не знал, удобно ли это делать в присутствии старших по званию. Порученец спросил сам:

- Простите, как ваша фамилия?

- Капитан третьего ранга Стрешнев.

Порученец заглянул в лежавший перед ним список, потом посмотрел на часы. В этот момент они отбили первый удар, и порученец сказал:

- Проходите. Вот сюда.

Стрешнев оказался в просторном кабинете.

* * *

Главком был не один. За длинным столом сидели еще четыре адмирала, среди них Стрешнев узнал начальника Политуправления Военно-Морского Флота, он посещал лодку года три назад, когда Матвей был еще штурманом. Должно быть, адмирал тоже узнал его, приветливо кивнул и улыбнулся.

Выслушав доклад о прибытии, главком жестом указал на стул в самом конце длинного стола:

- Прошу садиться.

Матвей неслышно прошел по мягкому ковру и присел на краешек стула. От адмиралов его теперь отделял этот длинный полированный стол, льдисто поблескивающий в лучах льющегося в окно солнца. Адмиралы сидели спиной к окну, их лица было трудно различить, но Матвей чувствовал, что его разглядывают - молча, пристально, изучающе. Он опустил глаза.

Молчание длилось, может быть, всего одну минуту, но эта минута показалась Матвею вечностью, он успел за это время передумать о многом. Почему-то вспомнил детдом, встречу с матерью в комнате начальника милиции, своего первого командира лодки Крымова и последний разговор со Сливкиным перед отъездом в Москву. Потом вспомнил капитана первого ранга, "сосватавшего" его на атомную лодку, и понял: речь пойдет опять о новом назначении "И как я раньше не подумал об этом?"

Он твердо решил отказаться от любого предложения. С Гуреевым они хорошо сработались. Полгода, как получил квартиру, Люся работает, Иришку устроили в садик... В конце концов, кочевая жизнь надоела не столько ему, сколько Люсе. Нет, он совсем не жаждет покоя, он просто хочет, чтобы его семья жила нормальной жизнью, чтобы у Люси был хотя бы свой угол и работа. Он вспомнил, что Иришка и родилась-то в дороге, до двух лет спала в чемодане. Этот громадный чемодан и перинка были их единственной домашней утварью, потому что они жили у тех, кто уезжал в отпуск - месяц у одного, месяц у другого, затем - у третьего. Зимой, когда отпускников было мало, жили в гостинице, со всеми вытекающими отсюда неудобствами и последствиями. Может быть, поэтому Иришка час то болела...

А на новом месте, он знал, все приходится начинать сначала...

- Товарищ Стрешнев, - сказал главком, - мы пригласили вас за тем, чтобы предложить вам должность командира атомной лодки. Считаете ли вы себя подготовленным к этому?

Главком ждал. Ждали и остальные адмиралы, отвечать надо было сразу.

- Не знаю, - откровенно признался Матвей. - Я всего два года старшим помощником плаваю... И вообще об этом судить не

мне...

- Вас рекомендуют командир соединения и командующий флотом.

- Им виднее...

- Ну а сами вы как на это смотрите?

Матвей пожал плечами. Главком улыбнулся:

- Понятно.

Заговорил сидевший слева от главкома адмирал:

- В последнем походе мы предоставили товарищу Стрешневу возможность действовать самостоятельно. Надо сказать, что действовал он вполне грамотно, уверенно. Он не стал форсировать противолодочный рубеж, предположив, - и вполне резонно, - что "противник" после того, как был потоплен его крейсер, постарается перехватить лодку именно на этом рубеже. Стрешнев решил обойти рубеж подо льдом. Решение правильное, хотя, пожалуй, учитывая недостаточную опытность, рискованное, я бы даже сказал - дерзкое...

Стрешнев вспомнил грузного беспристрастного посредника и подумал: "Значит, все было предусмотрено заранее. Наверное, он знал, что мне предложат командовать лодкой"...

Его спрашивали, хочет ли он занять эту должность, наверное, не допускали мысли, что он может отказаться. И в самом деле: не каждому выпадает такая честь...

- Должен вас предупредить, - сказал главком, - что работа будет трудная, и на громкую славу не рассчитывайте. Если о первых командирах лодок писали в газетах, рассказывали по радио, снимали фильмы, то вам это совсем не угрожает. Период становления атомного флота закончился, начинается повседневная его служба, будни, может быть, не менее героические, но будни. Работа. Вероятно, нам придется и подо льдами ходить, может быть, опять к полюсу, и вокруг шарика не раз обернетесь, но вы уже не будете первооткрывателем...

Адмирал еще долго говорил о трудностях предстоящей службы.

- Впрочем, не это главное. Мы назначаем вас командиром не обычной атомной лодки, а корабля совершенно нового.

И главком стал рассказывать об этой лодке. Он называл тактико-технические данные, говорил о вооружении и маневренных качествах корабля, боевых возможностях и бытовом устройстве. Данные эти значительно и выгодно отличались от тех, что были на нынешних лодках. Это поразило Матвея. Осмелев, он сам стал задавать вопросы. И незаметно для себя увлекся, забыв о том, что еще полчаса назад хотел отказаться от нового назначения.

Впрочем, если бы главком сейчас спросил согласие Стрешнева, тот дал бы его, не задумываясь. Со свойственной ему увлеченностью Матвей уже "заболел" новым кораблем, и все возражения, которые он приготовил, чтобы отказаться от должности, отодвинулись куда-то на третий план, может быть, потому что он знал: Люся поймет его. Конечно, огорчится, но поймет, как понимала до сих пор...

- Было бы лучше, если бы знакомство с лодкой вы начали с се закладки на стапеле. Но она уже спущена ни воду, прошла заводские испытания. Прежний ее командир, капитан второго ранга Кравчук, уходит по состоянию здоровья. Командир он хороший, а вот не повезло... Да и возраст уже. А вам всего тридцать один год, вы еще поплаваете.

- Кажется, он будет самым молодым командиром атомной лодки, - сказал один из адмиралов, до сих пор не принимавший участия в разговоре. - С одной стороны, это хорошо. А с другой...

- Ну, этот недостаток со временем проходит, - заметил главком. - К сожалению.

Все рассмеялись.

- Ну что же, будем считать вопрос решенным? - Главком обращался не столько к адмиралам, сколько к Стрешневу. И, не дождавшись его ответа, спросил напрямик: - Или у вас есть возражения?

Матвей встал.

- Никак нет. Спасибо за доверие.

- Есть ли у вас какие-нибудь просьбы?

- Пока нет.

- В таком случае, Георгий Михайлович, - обратился главком к одному из адмиралов, - займитесь с товарищем Стрешневым, ознакомьте его со всем, что ему необходимо знать. Думаю, двух дней для этого достаточно. Потом пусть возвращается к прежнему месту службы, сдает там дела. Словом, через неделю вы, товарищ Стрешнев, должны быть на новом месте. О вступлении в должность командира доложите лично мне...

Два дня с утра до вечера Стрешнев ходил по управлениям и отделам штаба. Он и не представлял, насколько сложен механизм управления флотом, его поразили масштабы этой гигантской работы. Сотни и сотни кораблей плавали во всех океанах мира, стояли во всех базах всех флотов и требовали горючее, воду, хлеб, мясо, боеприпасы и механизмы, запасные части. С кораблями надо было непрерывно поддерживать связь, обеспечивать необходимой информацией и отдавать им распоряжения, для них подготавливались специалисты, разрабатывались тактические приемы и задачи боевой подготовки и делались еще тысячи

всяческих дел, больших и малых, крайне срочных, требующих уйму сил и средств. По десяткам стальных магистралей мчались тысячи вагонов, чтобы набить чрева корабельных трюмов, в паутине телефонных и телеграфных проводов, во всех диапазонах радиоволи лихорадочно пульсировала жизнь флота, захлебывалась в тонком писке морзянок.

У Стрешнева на лодке всегда была прорва дел, он едва успевал с ними справляться и, уж конечно, не представлял, что его лодка - лишь маленькая деталь в этом гигантском механизме флота. И сейчас, приблизительно охватив взглядом весь этот механизм, он был поражен, даже подавлен его сложным устройством и масштабами. И его собственные заботы показались такими маленькими.

Наверное, в том, что его решили ознакомить с работой управлений и отделов штаба, хотя бы в части, его касающейся, помимо практического смысла, был еще и чисто психологический подтекст: он вдруг почувствовал, что в этом механизме все притерто, все выверено, подчинено четкому ритму и железной необходимости.

Его лодка обладала важнейшим в век спутников и космических кораблей преимуществом: скрытностью. Она могла в любой момент оказаться в любой точке Мирового океана и нанести сокрушительный ответный ядерный удар...

Впрочем, об этом не говорили, это подразумевалось само собой, так же, как сама собой подразумевалась жесткая необходимость затраты больших сил и средств на укрепление обороны. Здесь не надо было объяснять, почему это необходимо. Теперь каждый, даже не военный человек, знал, что пожар новой мировой войны может вспыхнуть в любой момент, в любом краю земного шара.

В общем-то, двух дней ему все-таки хватило, в последний день он даже освободился пораньше, в четыре часа вечера, и забежал в "Детский мир". Выстоял очередь за колготками, купил большую гуттаперчевую куклу и пошел в ЦУМ. Подходя к нему, увидел, что вереницы людей направляются в Большой театр, постоял в нерешительности: "В кои-то веки еще придется побывать в Москве..." И побежал в кассы. Билетов не было, однако ему удалось купить с рук. Лишь войдя в театр и купив у билетерши программу, он выяснил, что попал на "Князя Игоря". Эту оперу Бородина он слышал много раз еще в Ленинграде, будучи курсантом. Мариинский театр шефствовал над училищем, курсантов часто приглашали на шефские спектакли и почему-то чаще всего именно на "Князя Игоря".

Матвей не следил за развитием действия, а просто

наслаждался музыкой, хотя и тоже знакомой, но всякий раз захватывающей, ощущаемой как бы заново, в тончайших ее красках и оттенках. Наверное, музыка, как море или как закат, всегда неповторима, и трудно установить, вносят ли эту неповторимость исполнители, или она содержится в самой музыке. Матвей никогда не считал себя знатоком, но хорошую музыку любил, воспринимая ее чисто ассоциативно, за той или иной мелодией угадывая картины, когда-либо виденные им в жизни.

Он давно не был в театре, и сама атмосфера затемненного театрального зала с холодным поблескиванием позолоты, с тончайшими запахами духов, действовала на него как-то очищающе, наполняла сердце тихой, торжественной радостью, ему казалось, что все, собравшиеся здесь, охвачены сейчас единым чувством всеобщей доброжелательности, отрешены от житейской суеты и мелких забот, их мысли чисты и возвышенны. И он был неприятно удивлен, когда сидевший впереди паренек шепнул девушке:

- Скукотища все-таки. Я же предлагал тебе пойти куда-нибудь в ресторан, там и музыка что надо, и опять же харч.

В антракте Стрешнев разглядел этого парня. Одет хорошо, лицо довольно симпатичное, хотя и с несколько самоуверенным выражением. А девушка - не очень красивая, робкая, смотрит на парня смущенно, должно быть, чувствует себя виноватой в том, что уговорила его пойти в театр, а не в ресторан. Или она смущается от того, что ей неудобно за своего приятеля перед соседями по креслу? Рядом с ними сидит почтенная пара: сухонький старичок с седой бородкой клинышком и тоже высохшая старушка.

Матвей оглядывает публику и замечает, что молодежи в зале мало, преобладают люди среднего возраста и пожилые. И еще замечает из разговоров, что большинство здесь - приезжие, они несколько подавлены и великолепием зала и спектаклем, торжественно-восторженные, наверное, они испытывают те же чувства, что и он, Матвей...

После антракта уже не было того парня и девушки, и Матвей огорчился: неужели ушли в ресторан? Ему жаль стало девушку, наверное, она хорошая. Будь она покрасивее, может быть, ей удалось бы отучить парня от ресторанов, приобщить его к театру и к музыке. Да, не повезло ей с парнем...

Ему захотелось, чтобы рядом сидела Люся. Как она любит театр! И как умеет слушать музыку. Не часто им приходится бывать в театре. Своего в базе нет, заезжие артисты гастролируют, как правило, летом, когда многие офицеры в отпуске, и вырваться

с корабля, даже если он не в плавании, почти невозможно. Тем более старшему помощнику командира, для которого частое оставление корабля считается несовместимым с исполнением служебных обязанностей. Да, за те два года, что он прослужил старпомом, они с Люсей только три или четыре раза были вместе в кино...

Когда он вышел из театра, на улице лил дождь. Матвей немного постоял под колоннадой, но пережидать дождь было бесполезно, он сыпал и сыпал и зарядил, видимо, надолго.

Захотелось есть. Ближе всего была гостиница "Москва", стоило лишь перейти улицу. Но поверху перехода не было, здесь сплошным потоком мчались машины.

Из подземного перехода на него дохнуло теплом и приглушенным гулом голосов. Дождь загнал сюда толпу, но настроена она была весело, первый весенний дождь мало кого мог огорчить. Продравшись сквозь эту толпу, Матвей вышел снова под дождь.

В ресторане он едва отыскал свободное место у окна. За столом сидело еще двое мужчин, они пили водку и ругали какого-то Ивана Митрофановича. За что - Матвей так и не понял. Он старался не слушать их разговор и принялся изучать меню. Оно было длинным, названия блюд были отпечатаны типографским способом, но против многих названий стояли прочерки или карандашные пометки "нет", так что выбирать пришлось недолго. Он заказал бифштекс и кофе, чем поверг в изумление соседей. Один из них шепнул другому: "Смотри-ка, моряк а не пьет". Должно быть, у них сложилось собственное представление о моряках.

В ожидании, пока подадут есть, Матвей отвернулся к окну и стал смотреть вниз, на улицу. Там все еще сыпал дождь, в его тонких нитях запутались жирные пятна фонарей. Они освещали русло улицы где-то на уровне третьего этажа, а в глубине ее, по самому дну, шевелились водоросли теней, проползали, моргая глазами фар, машины, чешуйчатый шелест их шин доносился и сюда. Обрывистые берега улицы перемаргивались разноцветными огнями вывесок и витрин магазинов.

Он вспомнил о списке, составленном Люсей, достал его и впервые прочитал до конца. Из всего, что там написано, теперь понадобятся лишь колготки для Иришки и утюг. Колготки он купил, а без утюга можно и обойтись, тем более что неизвестно, на какое напряжение его теперь покупать. И вообще неизвестно, когда у них опять будет свой угол.

4

Телеграмму он все-таки не дал и очень удивился, что на

аэродроме, прямо у трапа, встретил его капитан второго ранга Гуреев.

- А я за тобой, - сказал Гуреев, пожимая руку.

- Откуда же стало известно, что я прилечу именно этим рейсом?

- Земля слухом полнится, - усмехнулся Гуреев, и Матвей понял, что ему известно о новом назначении, хотя Гуреев ни о чем не спрашивал.

Шофер был тот же, адмиральский, машину он гнал опять на предельной скорости, за стеклом, точно наматываясь на барабан, текла бесконечная панорама сопок и скал, серая с белыми заплатами нерастаявшего в низинах и выемках снега. Вот и первые домишки городка - двухэтажные, кирпичные. Город начинался именно отсюда, с этих домов, они уже были построены, когда Матвей с Люсей приехали сюда. Потом стали строить вон те - четырехэтажные - уже на их глазах. Собственно, тогда и стал этот городок быстро расти.

А вот и площадь. Она носит имя знакомого человека. Нет, он не выдающийся ученый, не флотоводец и не герой войны. Он лейтенант флота и пришел служить сюда чуть позже Стрешнева. Матвей знал его. Они не были близкими друзьями, но встречались почти каждый день, потому что служили на соседних лодках.

Теперь ему стоит памятник посредине площади. Скульптор сумел передать не только внешний облик этого человека, а и его внутреннюю цельность, устремленность, пожалуй, даже одержимость. У подножья алеет букетик ранних полярных цветов.

За площадью дорога поворачивала к гавани, где стояли корабли. Но машина подошла не к штабу, а к плавбазе подводных лодок. Несмотря на поздний час, стол в кают-компании был сервирован, и за ним сидели только командиры находящихся в базе подводных лодок. Стрешнев понял, что сейчас начнется ритуал посвящения его в командиры - неофициальный, но ставший уже традиционным, торжественный и таинственный, недоступный постороннему глазу.

Старший из командиров подводных лодок капитан первого ранга Воронин, сидевший во главе стола, сделал знак вестовому, и он тотчас вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

- Садись. - Воронин указал Стрешневу на стул слева от себя.

Матвей сел, окинул взглядом застолье и заробел: все были торжественно-строги, смотрели на него как-то испытующе, пожалуй, даже требовательно, будто ожидали от него важного заявления. А он не знал, как ему себя вести, потому что впервые участвовал в такой церемонии. "Может, я должен что-то сказать?

Но что?"

Вскоре он понял, что ему-то как раз и ничего не полагается говорить. И вообще пока здесь распоряжается только Воронин. Вот он потребовал:

- Лодку!

Ему подали на хрустальном подносе серебряный силуэтик подводной лодки. Прикрепив его к тужурке Стрешнева, Воронин сказал:

- Наше первое общее пожелание: чтобы твоя лодка всплывала столько же раз, сколько и погружалась. А теперь каждый из командиров выскажет тебе персональное напутствие.

Говорили коротко.

- Помни наказ адмирала Нахимова: "Матрос есть главный движитель корабля".

- Недопустимо, чтобы один человек тиранил весь коллектив. Но так же недопустимо, чтобы коллектив тиранил хотя бы одного человека. Особенно если от имени коллектива выступает тоже один человек, наделенный властью.

Среди серьезных напутствий были и шутливые.

- Главное - держи хвост морковкой.

- Не бойся плевать против ветра: брызги, которые попадут на тебя, все-таки свои собственные, а те, что достанутся другому, будут ему менее приятны.

Когда высказались все, Воронин спросил Стрешнева:

- Говорить будешь?

Матвей поднялся.

- Скажу тоже одну фразу. Я с благодарностью выслушал ваши наказы и постараюсь им следовать.

На этом торжественная часть закончилась. Воронин нажал на висевшую над столом грушу звонка и сказал тотчас возникшему в двери вестовому:

- Можно подавать горячее.

Двое вестовых принесли антрекоты, и все принялись за еду.

И как это часто случается, разговор был сначала общим, потом начал растекаться по разным руслам и темам. Впрочем, опять же по доброму флотскому обычаю, предписывающему избегать за столом разговоров о служебных делах, дабы никому не портить аппетита, и сейчас этой темы не касались. Воронин и Михайлов заспорили о том, какая порода собак лучше, каждый хвалил своего пса, хотя всем было известно, что и у того и у другого - откровенно беспородные дворняги. На другом конце стола говорили о том, что нынче мало стало романтиков, и кто-то начал читать подходящие к случаю стихи погибшего на подводной лодке поэта-моряка Алексея Лебедева:

Нам доли даются любые,
Но видишь сквозь серый туман
Дороги блестят голубые,
Которыми плыть в океан.
Ты видишь простор океанский,

Далекого солнца огонь,
К штурвалу тревоги и странствий
Твоя прикоснулась ладонь...

И только Гуреев, подсев к Матвею, озабочен:

- Трудно мне будет с новым старпомом, привык я к вам, Матвей Николаевич. Жаль отпускать вас, будь моя воля, не отпустил бы, хотя и понимаю, что вам пора, как говорится, выходить в автономное плавание...

- Я вам очень благодарен, Виктор Андреевич, за все. Я многому у вас научился.

- А, ерунда, - отмахнулся Гуреев. - Вы сами все постигали. Последний поход лишь подтвердил это. Признаться, я тогда здорово боялся за вас, особенно когда вы приняли решение обойти рубеж подо льдом. Все-таки это было рискованно.

- Иного выхода не было.

- Так-то оно так, а все-таки другой бы еще подумал, стоит ли так рисковать в мирное время. Впрочем, я бы и сам поступил так же. Знаете, я всегда в вас ценил именно самостоятельность, способность взять ответственность на себя. Хотя вы, наверное, и сами почувствовали, как иногда трудно бывает решать все самому, особенно в море, когда нет рядом с тобой начальника, который мог бы вовремя подсказать, помочь, принять эту ответственность или хотя бы часть ее на себя...

- Нет, вы послушайте, что говорит Гуреев! - вмешался в их разговор Михайлов. - Он, видите ли, скучает по начальству! А знаешь ли ты, Виктор Андреевич, кто самый счастливый человек на свете?

- Кто?

- Папа римский.

- Почему?

- Потому что ежедневно, приходя на работу, он видит своего начальника распятым.

- Слышал бы это наш Сливкин!

- Ну и что? Он не лишен чувства юмора.

Заговорили об адмирале Сливкине. Многие из присутствующих плавали с ним еще в те годы, когда Сливкин сам был командиром подводной лодки, знали его давно и отзывались о нем с неизменным уважением. Такое единодушие бывает редко, особенно по отношению к начальству, обязанному и взыскивать с подчиненных за те или иные упущения в службе. Кое-кому из сидящих за столом тоже попадало от адмирала Сливкина, но сейчас они вспоминали об этом весело.

- Однажды я прозевал поворотный буй, так он мне будильник купил, рассказывает Воронин, служивший на лодке у Сливкина

штурманом. - До сих пор храню...

- Это что, мне он как-то неделю домашнего ареста отвалил. В первый же вечер зашел в каюту, спрашивает: "Скучаешь? Давай в шахматы сыграем". Так всю неделю в шахматы по вечерам и резались. До сих пор не знаю, пожалел ли он меня тогда, или приходил выяснить, что я за личность и с чем меня едят. Во всяком случае, за неделю я вывернулся перед ним наизнанку, незаметно, между делом, но вывернулся...

- А вот еще случай был...

Наверное, они сидели бы еще долго, но вот Воронин посмотрел на часы и сказал:

- Ого, уже одиннадцать! Моя благоверная наверняка уже отрепетировала все, что она скажет мне завтра утром.

Все знали, что жена у Воронина действительно ревнива, но расценили его замечание как приказ расходиться.

Воронин же и отвез Матвея домой, все на той же адмиральской машине. Вероятно, так предписывал ритуал.

Поднимаясь по лестнице, Матвей заглянул в почтовый ящик, нашел там письмо, но вскрывать не стал, хотя по почерку на конверте догадался, что письмо от Симы Курбатовой. Письмо адресовано Люсе, она, конечно, потом непременно даст почитать его и Матвею, но таково уж у них правило: письма сначала вскрывает и читает тот, кому они адресованы.

Люся, видимо, не ждала его, они спали с Иришкой на одной кровати. Как они утверждали, вдвоем им было не так страшно спать. Тем не менее спали они чутко, и как ни старался Матвей не шуметь, обе проснулись. Иришка сразу же занялась куклой, а Люся, накинув халатик, пошла в кухню и загремела там посудой.

- Если ты хочешь покормить меня, то я уже поужинал, - сказал Матвей, вешая тужурку на плечики. - Вот, можешь поздравить. - Он ткнул пальцем в силуэтик лодки.

Люся уже разбиралась в знаках отличия, сразу все поняла и встревоженно спросила:

- Куда?

- К сожалению, в другую базу. Извини, но так уж получилось, я не мог отказаться...

Она молчала, опустив голову. Наверное, она думала сейчас о том же, о чем думал он тогда, в кабинете главкома. И Матвей, обняв ее, успокаивающе сказал:

- Ничего, как-нибудь и там устроимся. Живут же там другие.

- Да, конечно, - рассеянно согласилась Люся, все еще думая о чем-то своем.

- А ты знаешь, Сима прислала письмо.

Он стал искать письмо, обшарил все карманы, но не нашел

его. Осмотрел прихожую, выглянул даже на лестничную площадку - не обронил ли, когда доставал ключи? Но письма и там не было. За поиски принялись и Люся с Иришкой, перевернули все, пока не нашли конверт на книжном шкафу. Матвей и не помнил, когда он его туда положил.

Письмо было коротенькое, Сима лишь сообщала, что Надежду Васильевну они встретили, что она уже скучает по Иришке, жалеет, что уехала, целыми днями возится с маленьким Алешкой. Кстати, Алешка теперь не такой уж маленький, заканчивает первый класс, учится хотя и не блестяще, но, по крайней мере, без "троек". Старший Алексей по-прежнему служит на учебно-тренировочной станции, Сима работает все на том же заводе. Зовут вместе провести отпуск, поехать куда-нибудь на юг...

- С отпуском у меня теперь ничего не получится, - грустно сказал Матвей. - Сама понимаешь, не могу же я сразу поехать, едва приняв корабль. Разве что в конце года, что-нибудь в декабре.

Люся вздохнула:

- Жаль.

Иришка уже спала в обнимку с куклой. Им было явно тесновато, головка у Иришки скатилась с подушки Люся осторожно вынула куклу, поправила подушку и сказала:

- Давай и мы спать, а то мне утром на работу.

Но до утра они так и не уснули. Решили, что Матвей поедет пока один к новому месту службы, а Люся сегодня же подаст заявление об увольнении, доработает положенные в таких случаях две недели, потом отвезет Иришку к бабушке, поживет там несколько дней и прямо из Синеморска поедет к Матвею.

- А может быть, тебе действительно поехать с Курбатовыми на юг? предложил Матвей. - Я ведь обещал Иришке. И вообще ее надо обязательно вывезти в Крым. У нее слабые легкие, ей надо больше быть на солнце, а это, он кивнул на окно, - это слишком холодное.

За окном действительно светило солнце, оно не заходило вот уже неделю: начался длинный полярный день. Тоненький лучик, пробившись сквозь щель между занавесками, упал на тужурку Матвея, и возле правого лацкана холодно блеснул серебряный силуэтик подводной лодки.

5

Берег, нахмурив скалистый лоб, мрачно смотрел на море. В гранитных складках гомонили птицы. Их были тысячи, они кричали и переругивались между собой, точно торговки на базаре. Вероятно, поэтому и назвали эти поселения "птичьими базарами".

На самой макушке скалы стояла стотридцатимиллиметровая орудийная башня. В войну здесь размещалась береговая батарея, она прикрывала вход в бухту. Именно этим орудием был потоплен немецкий миноносец. Сейчас на шаровой краске башни пламенела звезда. Батарею давно уже пустили в переплавку, а эту башню оставили как боевую реликвию, к ней водили молодых матросов на экскурсию, и сейчас снег вокруг башни был плотно утоптан. Ствол пушки был низко опущен, казалось, он настороженно обнюхивал нерастаявшие следы людей.

За поворотом открылась вся бухта. С двух сторон ее обрамляли грозно нависшие над водой скалы, с третьей - небольшая сопка, покрытая редкими кустиками карликовых берез и серыми островками только что пробившегося ягеля. К пологому скату сопки, обращенному к морю, прилепилось десятка полтора одноэтажных домиков. Глядя на них, Матвей подумал, что с жильем здесь будет туго. Ему-то как командиру лодки, наверное, что-нибудь дадут, а женатые лейтенанты опять будут жить в общежитии или у отпускников, может быть, и их дети будут спать в чемоданах. А потом и здесь построят город, наверное, более красивый, чем тот, откуда он уехал. К тому времени лейтенанты станут капитанами третьего ранга, и кто-то из них поедет обживать новые места, начинать все сначала. Такова жизнь...

Катер застопорил ход, прошел по инерции метров двадцать и, шаркнув бортом о привальный брус, прильнул к причалу. Мотор, громко чихнув, заглох, и стало слышно, как старшина катера распекает нерасторопного матроса, опоздавшего повесить кранцы.

Выйдя из кормовой каретки, Матвей обогнул рубку, выскочил на причал и лицом к лицу столкнулся с... Дубровским.

- Стрешнев? Какими судьбами? - удивился Дубровский.

- Да вот...

- Постой: уж не ты ли новый командир лодки?

- Я.

- Поздравляю. И уже капитан третьего ранга! Обскакал ты меня, а я вот так и хожу в капитан-лейтенантах. - Дубровский грустно усмехнулся. Он заметно постарел, даже в усики пробилась седина. Сильно пополнел, прежний лоск с него слетел. От статного, подтянутого офицера, каким его знал Матвей, мало что осталось. - Да, простите, разрешите представить: капитан второго ранга Кравчук - капитан третьего ранга Стрешнев. Матвей Николаевич.

"Смотри-ка, запомнил!" - удивился Матвей, пожимая руку Кравчуку и стараясь припомнить, как же Дубровского зовут. Но так и не вспомнил.

С первого взгляда никак нельзя было предположить, что

Кравчук болен. Высокий, плотный, в плечах косая сажень, лицо свежее, румяное, кажется, так и пышет здоровьем. И взгляд больших темных глаз веселый, приветливый.

- Очень рад. - Голос басовитый, густой, вполне соответствующий всему облику Кравчука. - Как добрались?

- Спасибо, хорошо, если не считать, что двое суток просидел на аэродроме. Не было погоды.

- Здесь это часто случается. Как подует норд, так на неделю, а то и больше. Вам еще повезло, двумя днями отделались.

Дубровский между тем распоряжался:

- Соколов, Сахнюк, чемоданы отнесите в гостиницу, в первый номер, ключи возьмете у Баринова, он там. Старшина, катер перегоните к грузовой стенке.

С катера подали чемоданы Стрешнева, их подхватили двое матросов, стоявших на причале. Один сразу же пошел к проходной, а второй сначала сбросил с кнехта швартовый, потом побежал догонять первого. Катер отошел от причала.

Дубровский спросил:

- Вы как: сначала в гостиницу зайдете или сразу на корабль?

Матвей вопросительно посмотрел на Кравчука, тот сказал:

- Если у вас нет других дел, можно пойти и на лодку.

- Какие у меня могут быть дела?

- Тогда идемте. Но по пути посмотрим, как готовят к загрузке ракеты.

- Ну а я, с вашего разрешения, займусь своими делами, - сказал Дубровский. - А вечерком, если позволите, Матвей Николаевич, загляну к вам в гостиницу.

- Буду рад, Николай Федорович, - Матвей только сейчас вспомнил, как зовут Дубровского. Он действительно обрадовался, что встретил здесь хоть одного старого знакомого. И хотя раньше они не ладили, Матвей решил, что дело это прошлое, не стоит об этом вспоминать.

Дубровский направился к проходной, а Стрешнев с Кравчуком повернули влево.

- Старый знакомый? - спросил Кравчук.

- Да, был когда-то старпомом на дизельной лодке, куда я пришел служить после училища. А здесь он чем занимается?

- Командир береговой базы. Должность, как вы знаете, не сахар. Но Дубровский с ней вполне справляется, им довольны. Очень энергичен, требователен, дело знает.

- Он и подводник был неплохой. Во всяком случае, дело свое знал.

- Что же с ним случилось, почему списали на берег? Здоровьем его как будто бог не обделил.

- Это длинная история, - уклончиво ответил Стрешнев. Кравчук догадался, что дальше расспрашивать не следует, и перевел разговор на другое:

- Экипажу вас сразу представить, или потом, когда все примете?

- Лучше сразу, а то будут гадать, кто да зачем.

- Тоже верно.

* * *

На раздвижной технологической тележке лежало длинное тело ракеты. Пять или шесть человек в синих комбинезонах осматривали ракету, один из них, с каким-то прибором на шее, выглядел несколько солиднее, вероятно, был тут старшим. Вот он нырнул под ракету и крикнул снизу:

- Разъем девяносто восемь!

Ему отозвался сидящий за пультом оператор:

- Разъем девяносто восемь принят. Изоляция в норме.

Кравчук позвал:

- Иван Спиридонович! Можно вас на минутку?

Человек с прибором вылез из-под тележки и неторопливо направился к ним, видимо, не очень довольный тем, что его оторвали от дела. Во всяком случае, он хмурился, а его маленькие острые глаза смотрели из-под светлых, будто выгоревших ресниц не дружелюбно. Подойдя на положенную дистанцию, он остановился, приложил руку к пилотке, собираясь доложить, но Кравчук жестом остановил его и, обращаясь к Стрешневу, представил:

- Инженер-капитан третьего ранга Пашков, наш ракетный бог. А это новый командир лодки капитан третьего ранга Стрешнев Матвей Николаевич.

Матвей протянул руку, но Пашков лишь поклонился:

- Извините, руки у меня грязные.

Матвей поспешно опустил свою руку. Получилось как-то неловко, Пашков покраснел и еще раз извинился.

- Простите. Работа.

- Мы вам не помешаем? - спросил Матвей, чтобы сгладить возникшую было неловкость. И уж никак не ожидал, что Пашков ответит:

- Вообще-то помешаете. - И, перехватив сердитый взгляд Кравчука, пояснил: - Знаете, когда присутствует начальство, у матросов внимание рассеивается, могут что-нибудь пропустить.

"Пожалуй, он прав, матросы будут больше глазеть на нового командира, чем на приборы, и действительно что-нибудь упустят", - мысленно согласился Стрешнев.

- Вы уж извините. - Пашков улыбнулся.

В общем-то, все уладилось, но у Стрешнева остался от этой встречи неприятный осадок.

Должно быть, Кравчук догадался, о чем он думает, и стал хвалить Пашкова:

- Очень хороший специалист и человек он замечательный. Уверен, вы с ним быстро найдете общий язык. Он да еще старпом Осипенко - самые авторитетные люди в экипаже. Хотя, должен заметить, что старпом, пожалуй, мягковат.

Все это он говорил, пока они шли к причалу, где стояла лодка.

Старший помощник командира лодки капитан второго ранга Осипенко встретил их у сходни, возле рубки. Наверное, до него и до остальных членов экипажа дошел слух о том, что прибыл новый командир, несколько пар любопытных глаз с мостика и из люков наблюдали за тем, как по причалу шли Кравчук и Стрешнев. Вот они ступили на сходню, и Осипенко рявкнул так, что у Стрешнева заклололо в ушах:

- Сми-и-рна!

- Вольно! - не выслушав доклада, поспешил скомандовать Кравчук.

Осипенко опять рявкнул: "Вольно!" И, не ожидая, когда его представит Кравчук, отрекомендовался сам:

- Старший помощник командира капитан второго ранга Осипенко. - И уж совсем по-штатски и старомодно добавил: - К вашим услугам.

Позднее Стрешнев убедился, что это вовсе не вольность, а привычка, от которой старпом никак не мог избавиться. Даже когда к нему обращались матросы, он неизменно отвечал: "К вашим услугам", - хотя вслед за этим мог и распечь матроса в выражениях, далеких от изящной словесности. Но матросы на него не обижались, зная, что старпом человек, в общем-то, добродушный.

Заместитель но политической части капитан третьего ранга Комаров был крайне сдержан в разговоре, рассказывая о том или ином офицере, старшине или матросе, характеристики давал самые общие, расплывчатые. Сначала Матвея это огорчило, но потом он подумал: "А может, он прав, что не старается мне навязать свое мнение, хочет, чтобы я сам во всем разобрался?"

Разговором Стрешнев остался недоволен, но на Комарова не обиделся за его излишнюю сдержанность.

С остальными офицерами знакомство было пока слишком беглым, чтобы можно сделать какие-то определенные выводы. Но общая атмосфера на лодке Стрешневу показалась вполне нормальной. Он понимал, что к нему самому еще относятся

настороженно, долго будут приглядываться, и от него будет зависеть теперь многое. Сколько бы ни говорили о влиянии коллектива, в условиях военной службы нравственную атмосферу этого коллектива определяет командир-единоначальник.

6

Гостиница состояла всего из четырех комнат, одну из них пышно именовали "люксом", в нее-то и поселили Стрешнева. Для "люкса" комната была маловата и обставлена, пожалуй, скромно, однако вполне прилично: деревянная кровать, тумбочка, письменный стол, два стула, платяной шкаф и даже пуфик. Над кроватью висела плохонькая копия с картины Айвазовского "Девятый вал", море в ней больше походило на студень, а мачта корабля - на забытую в этом студне кость. Еще была массивная мраморная пепельница, пластмассовый чернильный прибор и подставка для утюга. Самого утюга не оказалось, хотя в висевшей над столом "Описи инвентарного имущества" он числился.

Телефон и прочие коммунальные удобства располагались в коридоре. Матвей заглянул в соседнюю комнату, там впритык стояли шесть железных коек и стол, покрытый газетами. Один из обитателей этой комнаты спал одетым, не Сняв даже ботинок, подставив сбоку под ноги некрашеную табуретку.

Вернувшись в свою комнату, Матвей еще раз окинул ее взглядом и только теперь по-настоящему оценил ее скромный уют. С благодарностью подумал о Дубровском, простив ему "Опись инвентарного имущества".

Чемоданы стояли в шкафу, Матвей распаковал тот из них, где были сложены самые необходимые вещи, достал мыльницу, зубную щетку, полотенце и пошел умываться. В умывальной комнате матрос драил чистолью водопроводный кран. Уступая Стрешневу место у раковины, он спросил:

- Вам чаю скипятить, товарищ капитан третьего ранга?

- Спасибо, я уже почаевничал в кают-компании. А вы что тут, за смотрителя?

- Так точно. Вообще-то здесь полагается штатная заведующая, да где ее возьмешь? На весь поселок восемнадцать женщин и те с высшим образованием. Вот и мыкаемся сами.

Тем не менее в гостинице, несмотря на тесноту, было чисто, пожалуй, штатная заведующая вряд ли смогла бы поддерживать ее в таком состоянии. Во всяком случае, Стрешнев не обнаружил пылинки даже на полках шкафа, хотя по корабельной привычке провел по ним чистым платком. Распаковав второй чемодан, Стрешнев стал укладывать по полкам белье, полагая, что жить в гостинице ему придется долго.

За этим занятием и застал его Дубровский. Собственно,

раньше, чем он появился сам, Стрешнев услышал его голос:

- Ты, Баринов, для чего здесь поставлен?

- Так я же ему говорил: "Разденьтесь, товарищ лейтенант", - а он не послушался. - Матвей по голосу узнал того самого матроса, который чистил кран. - Что я мог сделать?

- Он, конечно, не виноват, - подтвердил, видимо, лейтенант еще хрипловатым спросонья голосом.

- Я не вас, а его спрашиваю, он тут отвечает за порядок. А о вас я доложу новому командиру лодки.

- Пожалуйста, докладывайте.

- Как вы разговариваете, товарищ лейтенант?

- Я-то разговариваю нормально, а вот вы кричите, - спокойно, окрепшим наконец голосом сказал лейтенант.

- А как еще прикажете с вами разговаривать, если вы элементарных вещей не понимаете?

Лейтенант не успел ответить, вмешался матрос Баринов:

- Разрешите идти, товарищ капитан-лейтенант? Мне еще в умывальнике надо прибрать.

- Идите. А потом отправляйтесь на камбуз картошку чистить.

- За что, товарищ капитан-лейтенант? - обиженно спросил матрос. - Мне же с утра в мастерскую.

- А за рассуждения получите еще один наряд вне очереди.

- Есть! - уныло сказал матрос. Стрешнев услышал, как он щелкнул каблуками.

- Мне тоже можно идти? - спросил лейтенант.

- Идите, - разрешил Дубровский и постучал в дверь к Стрешневу.

- Да, пожалуйста, входите, Николай Федорович. Дубровский вошел и, видимо, догадавшись, что Стрешнев все слышал, сказал, оправдываясь:

- Вот, понимаете, приходится шуметь.

- Бывает.

- Ваш, между прочим, подчиненный этот лейтенант Иванов.

- Да? На лодке я его не видел, кажется, он после дежурства?

- Верно, сменился в восемнадцать ноль-ноль. Дежурство ему и в самом деле выпало нелегкое, однако он должен был все-таки раздеться.

- Да, конечно, - согласился Стрешнев. - Садитесь, я сейчас закончу.

- А вы зря так капитально устраиваетесь. Кравчук, как только сдаст вам корабль, так сразу же и уедет. Его квартира достанется вам. Не ахти какая, одна комната, а все-таки отдельная.

- Вы думаете, ее дадут мне?

- Я не думаю, я знаю.

- Спасибо. Я, признаться, не рассчитывал, что так сразу получу. Очень вам благодарен.

- Ну, я тут ни при чем, так решило начальство, - сказал Дубровский, но таким тоном наигранной скромности, который не оставлял сомнений в том, что и его, Дубровского, роль была тут далеко не последней.

Стрешнев стал сбрасывать белье обратно в чемодан, а Дубровский сел на пуфик, закурил и, оглядев номер, заметил:

- А "люксик" мы ничего отгрохали. Я эту мебель вертолетом сюда тащил. И без всякого перехода спросил: - Вы на меня до сих пор обижаетесь?

- Нет, у меня после этого было столько других, куда более серьезных обид, так что ту я совсем забыл и, наверное, ни разу не вспомнил бы, если бы не встретил вас.

- А все-таки вспомнили?

- Вспомнил, - честно признался Стрешнев. - И обнаружил, что, в общем-то, я на вас совсем не сержусь.

- Спасибо. А я вот все еще чувствую себя виноватым перед вами. За это время я многое передумал, многое пересмотрел, по-моему, даже изменился. Надеюсь, к лучшему. И у меня к вам, Матвей Николаевич, будет такая просьба: не говорите никому о той истории. Дело прошлое, а, как гласит пословица, кто старое помянет - тому глаз вон. Обещаете?

- Николай Федорович, за кого вы меня принимаете? - с упреком спросил Стрешнев.

- Ну, извините. И спасибо. Я надеюсь, что теперь мы будем дружить и между собой, и семьями.

"Вряд ли", - подумал Стрешнев, вспомнив, что жена Дубровского так бесстыдно оклеветала его. Впрочем, Люся об этом ничего не знает, возможно, они обрадуются друг другу - все-таки старые знакомые. Тем более что в базе, как доложил матрос Баринов, всего восемнадцать женщин...

- Не так просто опомниться после такого подзатыльника, какой я тогда получил, - сказал Дубровский.

- До сих пор переживаете?

- Нет, подзатыльник этот я давно переварил. Стукнули меня тогда, в общем-то, за дело, я не обижаюсь. Хуже, когда тебе медленно выламывают руки, - Дубровский встал и заходил по комнате. - Вот это, брат, пострашней.

- Видимо, я не совсем понимаю, о чем вы говорите. Кто вам выламывает руки?

- Хорошо, с вами-то я могу быть откровенным. Так вот, после того как меня сняли со старпомов и списали на берег, я многое передумал. Впрочем, об этом я уже говорил. И я честно решил

исправиться, как говорят, искупить свою вину. Я старался. Изо всех сил. И еще надеялся, что мне разрешат вернуться на лодку... Я не скажу, что моих стараний не замечали. Замечали, иногда даже отмечали в приказах. Один раз сам командующий флотом благодарность отвалил. Но на мою просьбу перевести на лодку ответил отказом. "Поработай еще год на берегу, а там посмотрим", - сказал он. Сменились командующие, а кадровики до сих пор обещают. А зачем обещают? Я ведь и сам понимаю, что на лодку меня сейчас не назначат. И правильно сделают. Потому что я уже почти все забыл за это время. Да и лодки теперь не те, которые я знал.

Дубровский опять сел, широко расставив ноги, носком ботинка пнул под стол отставшую от подметки грязь. Стрешнев подумал, что Дубровский изменился даже в своих манерах. Раньше он умел держать себя с тем неуловимым изяществом, которое всегда отличало корабельных офицеров. "Скис он тут", заключил Стрешнев.

- А все-таки я не понял, кто вам выламывает руки. Дубровский вынул помятую пачку сигарет, закурил и, пустив в потолок несколько колечек дыма, сказал:

- Для того чтобы понять другого, надо хотя бы мысленно поставить себя на его место. Нет, я не хочу вас упрекать, я просто хочу, чтобы вы постарались меня понять. Я, например, не считаю себя завистливым человеком, а вот увидел вас на пирсе - и мне опять стало обидно. Когда вы, едва вылупившись из курсантской форменки, пришли к нам на лодку, я был уже капитан-лейтенантом. И сейчас тоже капитан-лейтенант, а вы меня обскакали в звании и в должности. И дело тут не в честолюбии, а в том, что во мне, может быть, погиб талант. Талант подводника. Вы можете это понять?

- Стараюсь.

- И за это спасибо. А вот другие даже не стараются понять. А между тем меня сейчас тянет в море, я с болью провожаю каждый уходящий в море корабль, мне ненавистны мои сегодняшние обязанности: завези уголь, обеспечь жильем, проложи дорогу, найди продавщицу в магазин или заведующую вот этим ковчегом. Я понимаю, это нужно, кто-то и этим должен заниматься, но я же моряк! Понимаете: мо-ряк!

- Да, это я понимаю. И сочувствую вам. Но что можно сделать?

- А ничего не надо делать. Все уже произошло само собой. Я уже "плюсквамперфектум" - давно прошедшее. Я это знаю. И, откровенно говоря, в душе уже смирился, что к морю мне путь закрыт. Служба у меня отнюдь не романтическая. Поэтому я

работаю, а точнее - вкалываю.

- Я слышал о вас здесь хорошие отзывы.

- Да? Возможно. Наверное, Кравчук вам сказал. Он добрый и тоже мне сочувствует. Однако начальство несколько иного мнения о моей деятельности. В прошлом месяце представляли к очередному воинскому званию, так представление вернули. Нарушений действительно много, хотя матросы приходят более грамотные. Специальность они осваивают быстрее, а вот на дисциплине их образованность что-то не так благотворно сказывается. Рассуждают много. Погодите, и вы еще наплачетесь с этими эрудитами. Ты ему - слово, а он тебе - десять. И упаси бог задеть его самолюбие! Он и начальству пожалуется, а то еще и в газету напишет. Нет, согласитесь, раньше матрос был куда более послушным.

- Ну, с этим я никак не могу согласиться.

- Согласитесь, - убежденно сказал Дубровский. - Жизнь заставит.

- А мне ваши рассуждения, извините, кажутся нелепыми.

- Любопытно послушать: что вы сами об этом думаете.

- Извольте. Мое мнение диаметрально противоположно вашему.

- Даже так? А конкретнее?

- Хорошо, я начну с конкретного примера. Только не обижайтесь. Откровенность за откровенность... Вот я слышал, как вы распекали матроса Баринова. Отбросим в сторону даже то обстоятельство, что вы разговаривали с ним непозволительно грубым тоном. Но вы ведь были неправы по существу. Баринов-то действительно не виноват в том, что Иванов завалился на койку в ботинках. Более того, Баринов предупреждал лейтенанта, наверное, даже в деликатной форме, мол, раздевшись, он лучше отдохнет. Виноват Иванов, его и надо было отчитать. Разумеется, наедине. А вы и его начали распекать при Баринове. Кстати, у матроса хватило такта уйти под предлогом. Как вы думаете: помог ваш разнос укреплению дисциплины или повредил? По-моему, вы лишь озлобили обоих.

- Что же я с ними должен был целоваться? - усмехнулся Дубровский. - Ну, допустим, Баринова я зря отругал. А Иванов?

- Весь вопрос в том, что и как ему надо было сказать. Вот я сейчас вспомнил, как однажды мне в училище сделал замечание начальник строевого отдела. Нам, курсантам, разрешали тогда носить короткую прическу. Не знаю уж, кем это было установлено, но длина волос не должна была превышать толщины двух пальцев... У меня тогда умерла мать, я себя основательно запустил, возможно, командир роты не хотел мне

лишний раз делать замечание. А начальник строевого отдела, наверное, не знал о моем горе. Осматривая строй, он увидел мои длинные волосы. Заметьте, он не сделал мне замечание в строю, а лишь после, отозвав в сторонку, спросил: "Товарищ курсант, вы не находите, что у вас слишком толстые пальцы?" Причем спросил весело, с этакой лукавинкой в глазах. И знаете, мне стало стыдно, я тут же побежал в парикмахерскую. Более того, я как бы стряхнул с себя оцепенение, которое охватило меня после смерти матери... К чему я это рассказываю? Недавно мы встречались с однокашниками по училищу, вспоминали. И вот что любопытно: фамилии некоторых преподавателей мы уже забыли, а вот начальника строевого отдела помним все по имени и отчеству: капитан первого ранга Борис Михайлович Сластников. Заметьте, это при его-то должности, которая считается самой "собачьей", как и должность старпома на корабле...

- Ну, я не знаю, за что вы его так любили, этого Сластникова. - сказал Дубровский. - Может быть, его метода загадывать шарады так понравилась?

- Нет, не в этом дело. Борис Михайлович был самым строгим и требовательным офицером в училище, он не оставлял без внимания ни один проступок. Но он был всегда справедлив, а главное - мы всегда ощущали в нем уважение к каждому из нас, к нашему достоинству. Вот вы утверждаете, что образование чуть ли не портит людей, они, видите ли, начинают рассуждать, позволяют обо всем иметь собственное мнение. Но ведь это же хорошо, что они рассуждают, а не слепо подчиняются! Ведь и в Уставе записано, что дисциплина у нас основана на сознании каждым военнослужащим своего воинского долга.

- А я-то думал, что вы мне преподнесете что-нибудь свеженькое, - опять усмехнулся Дубровский. - А вы повторяете старые, да еще и уставные истины.

- Иногда и старые истины неплохо вспомнить. Так вот, эта старая истина сегодня несет в себе - не удивляйтесь - несколько иное содержание. Ибо образованный человек, приходящий сегодня на военную службу, не только сознает необходимость этой службы. Он еще и оценивает свое место и свою ответственность, личную ответственность за судьбу Отечества. У него обострено чувство собственного достоинства. Вот тут-то и возникает противоречие: с одной стороны, вот это обостренное чувство, а с другой сама атмосфера воинской службы, в которой человек несколько нивелируется, потому что всех, независимо от индивидуальных склонностей и талантов, мы заставляем и шагать в строю, и стрелять, и чистить на камбузе картошку, и драить медяшку, ко всем предъявляем абсолютно одинаковые

требования. А тут еще приходит агитатор и устраивает громкую читку газет, хотя матросы раньше этого агитатора газеты прочитали. Потом мы строем ведем их в кино, на старый фильм, который они смотрели еще на "гражданке" два года назад. И тут подходит к старшине или к лейтенанту матрос Иванов, который увлекается молекулярной физикой, или матрос Петров, который пишет стихи, и просит разрешения остаться в казарме, чтобы в тишине заняться любимым делом. Но старшина не разрешает, хотя и знает, что Иванов увлекается молекулярной физикой. Старшина рассуждает примерно так: отпустишь Иванова, попросится Петров. А потом заглянет в казарму начальство, спросит, почему люди без дела болтаются, тому же старшине и попадет. Потому что начальник не будет вникать в тонкости, он знает одно: раз по распорядку дня полагается экипажу быть в кино, значит все должны быть в кино. Начальник рассуждает примерно так: там старшина, он проследит за людьми. А оставь Петрова с Ивановым без догляда, неизвестно, чем они займутся, вдруг начнут "соображать на троих"? К сожалению, многие будут рассуждать именно так. Потому что так им, видите ли, спокойнее.

- Пожалуй, - согласился Дубровский. - А как бы вы поступили на месте такого начальника, который уже не один "фитиль" схватил за то, что у него "соображали на троих" ?

- Не знаю. Может быть, пришел бы в казарму и, пользуясь тем, что нам не мешают, поговорил с Ивановым о молекулярной физике или с Петровым - о поэзии. А может, просто не стал бы им сейчас мешать, а поговорил в другой раз. Во всяком случае, не стал бы их насильно заставлять смотреть плохой фильм. И громкие читки газет им не стал бы устраивать.

- И получили бы нагоняй за срыв политических мероприятий.

- Возможно, потому что и среди политработников есть формалисты, цепляющиеся за старые формы работы. Но ведь и им можно объяснить, что на лодке в среднем на каждого матроса выписывается по две газеты и по три журнала. И цепляются-то за старые формы зачастую люди, уже понявшие, что формы эти отжили, но не знающие, чем их заменить. Все, например, признают, что теперь особенно возросло значение индивидуальной работы, но не все знают, как ее вести. Потому что само понятие "индивидуальная работа" весьма растяжимое. Об одном и том же с Ивановым надо разговаривать так, а с Петровым - иначе. А поскольку люди они образованные, начитанные и, вообще, как вы говорите, эрудиты, - мы с вами тоже обязаны быть и эрудитами и педагогами. Согласен, что работать стало труднее, но не потому, что матросы пошли образованнее, подготовленное, чем были раньше. Для того чтобы

нас с вами уважали как командиров, мало одной только требовательности. Можно и нужно заставить матроса подчиняться, но нельзя в приказном порядке заставить его уважать нас или любить. Нынче, как никогда, имеют значение правильные взаимоотношения с подчиненными, основанные на уважении и доверии человеку...

Разговор приобрел несколько философское направление, но, вопреки ожиданиям Стрешнева, интерес Дубровского к нему не пропал. Правда, Дубровского поначалу покоробил назидательный тон, в котором начал говорить Стрешнев. Дубровский и сейчас еще с чем-то не соглашался, но внутренне уже согласился со Стрешневым, хотя все еще не спешил в этом признаться.

Наконец сказал:

- А вы все такой же.

- Какой? - спросил Стрешнев, не поняв, сказал ли это Дубровский с одобрением или с осуждением.

- Упрямый, ну и целеустремленный, что ли. Я вас, признаться, раньше недолюбливал. Впрочем, вы это знаете. А вот сейчас вы, по существу, отчитали меня, а я почему-то не обижаюсь. Почему?

- Может быть, потому что я прав?

- Вероятно. Я даже начинаю подозревать, что и мои начальники были правы, задержав мое представление к званию. Может, и они видят во мне то, что увидели вы? Хотя я и говорю, что многое передумал за это время и как-то изменился, но, похоже, мне еще надо пошевелить своими извилинами. Во всяком случае, я вам благодарен за откровенность и прямоту, хотя, честно говоря, мне было не очень-то приятно все это слушать...

Он ушел подавленным. И Стрешневу, захотелось помочь ему. "Может, взять его на лодку? Но вряд ли он согласится. Да и кем его возьмешь? Командиром группы? Нет, не пойдет".

На другой день, встретив Дубровского на пирсе, Стрешнев все же спросил:

- Николай Федорович, что вы скажете, если я предложу вам пойти ко мне на лодку штурманом? И вакансия есть.

- Поздно мне начинать все сначала, я вам вчера об этом говорил. А за предложение спасибо.

Сославшись на дела, он направился было в штаб береговой базы, но, отойдя от Стрешнева, остановился на пирсе. Должно быть, думы его были тяжелые, он стоял, ссутулившись, низко опустив голову, упираясь подбородком в жесткий воротник кителя.

7

Штурмана прислали с Тихоокеанского флота. Капитан-

лейтенант Горбатенко шесть лет плавал штурманом, но севера пока еще не знал и поэтому сразу взялся за изучение театра, уединившись в своей каюте и обложившись картами, лоциями, справочниками и двухгодовой подшивкой "Извещений мореплавателям". Стрешнев старался поменьше отрывать его от этих занятий, поручив помощнику заниматься пока всеми повседневными делами командира боевой части-один.

Вскоре предстояло выходить в море. Накануне прибыли трое конструкторов. Один из них, здороваясь со Стрешневым, задержал его руку несколько дольше и, расплывшись в белозубой улыбке, весело спросил:

- Не узнаете?

Стрешнев пристальнее вгляделся в его лицо и только теперь узнал:

- Катрикадзе?

- Так точно! - по-военному доложил конструктор. И, обращаясь к своим коллегам, пояснил: - Мы на одной лодке служили.

Потом они весь вечер сидели в гостинице, вспоминали своих бывших сослуживцев.

- Кстати, Дубровский тоже здесь, - сообщил Стрешнев.

- Вот уж с кем мне не хотелось бы встречаться, - сказал Катрикадзе.

- Мне кажется, он изменился к лучшему.

- Дай-то бог. Но я уверен, что он даже не узнает меня.

Больше о Дубровском не вспоминали. Катрикадзе рассказал, как после демобилизации поступил в институт, еще студентом увлекся ракетной техникой, познакомился с самим Королевым, как потом попал в конструкторское бюро. Он оказался интересным и умным собеседником. Стрешнев готов был слушать его хоть всю ночь, но наутро надо было выходить в море.

- Завтра еще поговорим, - сказал Стрешнев, провожая Катрикадзе в комнату напротив, где поселили конструкторов.

На другой день они лишь два раза, да и то мельком, видели друг друга: один раз, когда Стрешнев проходил через ракетный отсек, второй раз в кают-компании, куда Стрешнев забежал всего на пять минут выпить стакан чаю.

В этом походе экипаж отрабатывал очередную курсовую задачу, а попутно конструкторы испытывали новые приборы.. Им помогал Пашков.

Стрешнев особенно внимательно следил за работой штурманской группы. Он с первого же взгляда отметил, что Горбатенко достаточно опытен и аккуратен качество для штурмана наипервейшее. И резинки мокнут в стаканчике со

спиртом, чтобы мягче стали; и кусочек замши приготовлен, чтобы смахивать карандашные стружки; и карандаши очинены по-разному: лопаточкой для записей в навигационном журнале, а волосинкой - для ходовой карты; и обсервации нанесены с той неуловимой аккуратностью, которая заметна только опытному глазу.

Стрешнев вспомнил, как во время своей первой самостоятельной штурманской вахты, допустил ошибку при переходе на новую карту, не обратив внимания на ее масштаб. Тогда и хозяйство-то у штурмана было проще: карты, секстан, гирокомпас, эхолот и лаг. Прошло каких-нибудь пять-шесть лет, и вот уже десятки сложнейших приборов в заведовании у штурмана, все их надо знать, всеми уметь пользоваться, предвидеть и устранять их возможные неисправности. Теперь даже матрос штурманский электрик знает то, чего пять лет назад не знал иной офицер.

Пашков вместе с конструкторами не вылезал из приборного отсека, выселив оттуда штатных прибористов. Для замеров пришлось установить несколько дополнительных контрольных приборов, смонтированных на отдельном щите. С их установкой провозились долго, почти до вечера. Наконец Пашков доложил, что можно приступать к испытаниям.

Стрешнев приказал погружаться на глубину. Он внимательно следил за работой на посту погружения и всплытия. Стрелка глубиномера показывала сто двадцать метров, когда Пашков из приборного отсека доложил:

- Товарищ командир, прошу прекратить погружение!

- Стоп погружаться! - тотчас скомандовал Стрешнев и, когда стрелка глубиномера замерла на цифре сто двадцать пять метров, спросил у Пашкова: В чем дело, Иван Спиридонович?

- Не успеваем записывать отсчеты.

Пришлось выделить для записи двух прибористов. Конструкторы предложили погружаться скачками, через каждые десять метров. Оказывается, на самом малом ходу лодка погружается почти вертикально и не учитываются какие-то завихрения.

Всплыли на перископную глубину и начали погружаться скачками. Теперь времени требовалось раз в пять больше, и, проведя один замер, Стрешнев решил остальные отложить до завтра.

На следующий день произвели еще шесть замеров.

Последний замер Стрешнев решил использовать для тренировки "комендоров", как по старинке именовали на лодке моряков боевой части-два. Пашков давал целеуказание и дальше

полностью имитировалась ракетная атака.

Вся предстартовая подготовка прошла хорошо, матросы действовали слаженно и умело. Приборы ракетной стрельбы помигивали разноцветными лампочками, ровно гудели сельсины. Вот на панели сразу погасли все шкалы, сейчас выскочит яркая белая надпись "Залп набран" и можно будет воздушным пузырем имитировать пуск.

Но надпись почему-то не появлялась. Еще раз вспыхнули и разом погасли шкалы на панели.

- В чем дело? - спросил Стрешнев у Пашкова.

- Что-то случилось с автоматом. Сейчас выясню.

Из приборного отсека он вернулся мрачным.

- Сгорел трансформаторный блок.

- Причина?

- Причины может быть две: или произошел случайный бросок напряжения в сети, или приборист сразу включил высокое. Сейчас разберемся.

Разбираться не пришлось. Приборист матрос Гущин сам доложил, что ошибочно дал на блок высокое напряжение.

- Что же ты, голова твоя садовая, не знаешь? - напустился на него Осипенко.

- Так ведь в отсеке негде повернуться, - Гущин покосился на конструкторов. - Вот и перепутал. Виноват!

- В самом деле мы ему мешали, - заступился за матроса Катрикадзе.

- Ладно, идите, - отпустил Гущина Стрешнев, полагая, что часть вины за случившееся надо взять на себя: может быть, не следовало в данной ситуации проводить тренировку?

Но как бы там ни было, а трансформатор сожгли, придется об этом докладывать вышестоящему начальству, а оно вряд ли примет во внимание ситуацию.

К удивлению Стрешнева, начальство совсем не обратило внимания на его доклад о трансформаторе.

- Сожгли, ну и черт с ним. Накажите виновных и поставьте новый - только и дел-то. Тут, брат, поважнее события надвигаются: сам командующий решил к нам пожаловать. Так что смотри, чтобы у тебя все было в ажуре: и внешний вид и вообще. У кого обмундирование поизносилось, пусть выдадут новое. Учти, к тебе первому заглянет...

Матвей и по своему опыту знал, что один небритый матрос может привести иного поверяющего в такую ярость, что потом никакие успехи в боевой подготовке не смогут его умиротворить. Тем более что особых успехов пока еще не было у нового командира лодки.

* * *

Теперь было и не до конструкторов. Они ковырялись в механических мастерских вот уже третий день, а Стрешнев третий день занимался чисто хозяйственными делами: производили уборку и на лодке и в казармах, драили медяшку, гладили брюки, получали и подгоняли обмундирование, проводили строевые занятия по боевым частям, готовились к общему строевому смотру...

Пришел Дубровский. Он отвечал за уборку всей территории базы, а людей у него мало, просил выделить пятнадцать человек. Осипенко начал было жаловаться, что самим не хватает, но Стрешнев приказал людей послать.

- Эх, испортили вы мне обедню, Матвей Николаевич, - сказал Осипенко, когда Дубровский ушел. - Я ведь у него хотел за это краску выцыганить, нам во второй казарме полы покрасить надо.

- Он и так обязан дать.

- Обязан, а вот не дает, хотя у себя в казарме в этом году уже второй раз красит. Своя-то тельняшка ближе к телу.

- Ну вы уж с ним, Петр Поликарпович, как-нибудь по-другому договаривайтесь. А матросов прошу для такого рода сделок не использовать. У них есть строго определенные обязанности и права. Вот об их правах прошу никогда не забывать.

- Так ведь жизнь она по-всякому заставляет, - начал было оправдываться старпом, но, взглянув на Стрешнева, осекся и уже официальным тоном повторил: - Есть, не использовать и не забывать о правах!

После этого он долго молчал, хмуря густые брови.

- Обиделись, что ли? - весело спросил Стрешнев.

- На что же, собственно, обижаться? Все верно, - не очень искренне сказал Осипенко.

- А все-таки обиделись. Уж признайтесь.

Осипенко посмотрел на Стрешнева, улыбнулся и развел руки:

- Грешен!

Не первый их спор завершался таким вот образом, и Стрешневу было приятно, что со старпомом они быстро нашли общий язык, могут и покритиковать друг друга, не постесняются и признать свои ошибки. Стрешнев знал за собой старый грешок - излишнюю прямолинейность и резкость - и полагал, что очень удачно получилось, старпом ему попался как раз мягкий и добрый, они как бы дополняют друг друга. Стрешнев испытывал к Осипенко искреннюю симпатию. Он с тоской думал о том, что старпома когда-нибудь от него заберут и удивлялся, почему это по сделали раньше: Осипенко был вполне подготовлен для того, чтобы стать командиром лодки.

- Петр Поликарпович, почему не вас, а меня назначили командиром? спросил однажды Стрешнев. - Мне иногда даже неловко становится, ведь вы лучше меня знаете лодку.

- Возможно, - согласился Осипенко. - Но не забывайте, что мне уже сорок, меня давно пора списывать на берег. А вам еще плавать да плавать. Вы - человек перспективный не только с точки зрения возраста, а вообще...

- А вам не обидно?

- Нет. Должность старпома, конечно, не сахар, с этой должности каждый хочет или побыстрее в командиры выскочить, или на берег списаться. Командиром, как видите, меня нет смысла назначать, а на берег я сам не тороплюсь. Если только почувствую, что становлюсь обузой, тогда сам уйду. И раз уж мы с вами об этом заговорили, будет у меня к вам такая просьба: скажите мне прямо, когда стану негодным. А то ведь знаете как бывает: чем старше человек, тем сильнее он держится за свое место. Иногда он уже давно, как говорится, мышей не ловит, а ему из уважения к его опыту и заслугам боятся сказать об этом. А опыт-то его уже давно устарел, и человек этот только мешает, потому что слишком осторожен, боится сделать ошибки и поэтому, как правило, ни черта не делает. Где уж тут дерзать! Благо бы сам не дерзал, так ведь и другим не дает. И все по той же причине: а вдруг его подчиненный ошибется, как бы за него отвечать не пришлось. Прилипнет вот такая старая ракушка к днищу и только движению мешает... Так вот я и прошу вас, Матвей Николаевич, в случае, если начнете замечать, что я не тяну, прямо об этом скажите. Обещаете?

- Обещаю. Хотя надеюсь, что это, если и произойдет, то не скоро.

- Как знать? Нынче все меняется быстро. Стараюсь не отставать, вчера вон с лейтенантом Ивановым ядерной физикой занимались всю ночь, вот и разрешил ему до обеда отдыхать. Как видите, использую служебное положение.

- Придется и мне использовать служебное положение: идите-ка и вы отдохните.

- А я выспался. Мы, старички, мало спим, часок-другой перехватишь и - к вашим услугам.

- Да бросьте, какой вы старик в сорок лет.

- Ну ладно, молчу, - согласился Осипенко. - А Иванову надо отоспаться, к нему невеста едет. Пропуск мы ей еще до вас оформили, а вчера телеграмму прислала, что выехала. Так что свадьбу играть будем.

- А где же они жить будут?

- Пока у меня, а я в гостинице. Моя жена месяца через два, не

раньше приедет. А там что-нибудь придумаем. Мы ведь все так начинали.

- Да, верно. Но постойте, "люкс" в гостинице наверняка займет командующий. Так что перебирайтесь ко мне, я ведь теперь тоже домовладелец.

- Спасибо. Хотя в соседстве с вами есть известное неудобство. Говорят, жить и сидеть за столом приятно только с людьми, от которых сам не зависишь, и они от тебя не зависят.

- Зато есть и удобство: на случай тревоги не надо посылать двух оповестителей.

- Да, уж чем-чем, а тревогами нас побалуют, в связи с приездом столь высокого начальства, - вздохнул Осипенко.

8

Хлопоты, связанные с подготовкой к встрече командующего, отнимали столько времени, что уложиться в жесткий распорядок корабельной жизни было крайне трудно.

Однако Стрешнев оставил неприкосновенными часы занятий и тренировок на боевых постах и был непреклонен даже перед штабом соединения, когда тот требовал в эти часы выделить людей на какие-либо работы. Несмотря на просьбы командиров боевых частей, не отложил он и срок сдачи экзаменов на классность. Накануне экзаменов пригласил к себе Комарова.

- Иван Севастьянович, давайте еще раз вместе посмотрим списки претендентов на более высокий класс. Я пока еще не всех знаю, а мы должны учитывать не только уровень специальных знаний, но и политическую подготовку, дисциплинированность и вообще, как говорят, весь моральный облик того или иного матроса. Присаживайтесь поближе.

- Спасибо. - Комаров подвинулся к Матвею и взял список. Но читать не стал, а, положив ладонь на руку Стрешнева, сказал: - Это хорошо, что вы меня пригласили. К сожалению, прежний командир не часто со мной советовался и почти не считался с моим мнением.

"Зря он говорит мне об этом", - подумал Матвей, не зная, как реагировать на эти слова. Пауза затянулась надолго, должно быть, Комаров все-таки ждал, что он скажет, и, не дождавшись, вздохнул и стал просматривать списки. Просмотрев их довольно бегло, заметил:

- Что-то у Гречихина маловато претендентов. А ведь в его боевой части люди самых разных специальностей: и трюмные, и мотористы, и турбинисты. Мы и так отстаем от других экипажей по числу классных специалистов, у нас процент много ниже.

- Дело не в проценте, Иван Севастьянович...

- Конечно, - поспешно согласился Комаров. - Но ведь об

успехах экипажа судят все-таки по этим процентам. У Пашкова вон людей меньше, чем у Гречихина, а к сдаче на классность он подготовил почти в полтора раза больше. Нет, Гречихин явно перестраховался.

- Вы думаете?

- Конечно.

- А если это не перестраховка, а трезвая оценка возможностей? Лодка не так уж много была в море, а у Гречихина матросы могут приобрести навыки только в морских походах. У Пашкова же могут тренироваться и во время стоянок.

- Так мы никогда не выведем экипаж в отличные. А чем мы хуже других? Вон в экипаже Муратова матросы, пришедшие прошлой осенью, уже сдают на второй класс, а у нас еще на третий многие не сдали, - с досадой сказал Комаров.

- Значит, у Муратова лучше поставлено дело. Да и в море они больше были.

- Матвей Николаевич, не туда смотрите. И у Муратова люди подготовлены не лучше наших, но он не хочет плестись в хвосте, поэтому не так придирчив, как наши деятели, которые рубят именно тот сук, на котором сидят.

- Уже не считаете ли вы Муратова очковтирателем?

- Нет, что вы, у него все без липы. Это мы излишне придирчивы и неразворотливы.

- Видите ли, Иван Севастьянович, я тут не совсем с вами согласен. Я за самую строгую придирчивость. В нашем деле нет мелочей. Ошибка одного матроса может сорвать выполнение боевой задачи, а то и стоить жизни всему экипажу. Поэтому мы должны быть взаимно придирчивы в лучшем смысле этого слова. И экзамены на классность - не очередная кампания. Классность - это особо высокая ступень подготовки специалиста, и огульно присваивать класс мы не можем.

- Я и не говорю, что огульно, - возразил Комаров. - Я тоже за строгий прием экзаменов, если хотите, - за придирчивость. Но я против перестраховки в этом деле. Я ведь знаю, почему осторожничает Гречихин. У него висит выговор по партийной линии, вот он и боится еще раз ошибиться.

- Возможно, - согласился Стрешнев. - Ну а кого еще из его боевой части можно, по-вашему, допустить к сдаче экзаменов?

- Надо подумать.

Думал Комаров довольно долго. Наконец предложил:

- Зырянова. Он вполне потянет на второй класс.

- Зырянова? - переспросил Стрешнев, полагая, что замполит ошибся.

- Ну да, парень он грамотный.

- У нас теперь все грамотные. - Стрешнев невольно усмехнулся. - Только Зырянов не подойдет.

- Почему?

- По той простой причине, что Зырянов давно уже имеет первый класс. Матвею хотелось добавить: "Пора бы вам знать об этом, товарищ замполит", но Стрешнев сдержался. А позже, когда начали обсуждать список, окончательно убедился, что Комаров плохо знает людей. "Так вот почему он был так сдержан при нашем первом разговоре! Ему просто нечего было сказать"...

И уже совсем некстати в эти суматошные дни он решил поинтересоваться, чем же все-таки занимается его заместитель по политической части.

Просматривая план партийно-политической работы на месяц, Стрешнев насчитал в нем восемнадцать только крупных "мероприятий".

- Не слишком ли много для одного месяца? - заметил он.

- А что, по-вашему, лишнее? - вопросом ответил на вопрос Комаров.

- Ну вот хотя бы совещание отличников по обмену опытом. Зачем оно?

- Как зачем? - удивился Комаров. - Чтобы распространить положительный опыт.

- В таком случае не полезнее ли распространить его среди отстающих или людей, еще не ставших отличниками?

- Это мы тоже делаем. Но совещания отличников на других кораблях проводятся. Было даже общефлотское совещание, об этом в газете "На страже Заполярья" целая полоса напечатана.

- Верно, газета потому и напечатала, чтобы об опыте передовиков могли знать все читатели, главным образом те, кто еще не овладел опытом. А в вашем совещании я не вижу смысла.

- Может, изменим повестку совещания? - предложил Комаров. - Скажем, "Опыт передовиков - всем воинам".

- Это уже ближе к истине, - вздохнул Стрешнев, - но все-таки вы еще подумайте, нужно ли совещание отличников вообще. У вас, я вижу, и так сплошные совещания, как бы они не подменили повседневную работу с людьми.

- А вот, пожалуйста, пункт: "побеседовать с коммунистами "бече-пять".

- Ну и о чем же вы собираетесь беседовать? И как собираетесь беседовать: сразу со всеми или с каждым в отдельности?

- Тема сформулирована в моем личном плане, - Комаров достал другую папку.

Этих папок у него оказалось семь, все они заполнены строгим аккуратным почерком. "Может, он и добросовестный,

работящий, - подумал Стрешнев. - Во всяком случае, не бездельник. Но или не туда попал, или слишком заражен формализмом".

Собственно, огорчали Стрешнева не столько эти папки и "мероприятия", как беседы Комарова с людьми. Он видел, как встречают и провожают замполита в отсеках, и по выражению глаз, по едва заметным усмешкам матросов догадывался, что его не очень-то жалуют. Не популярен он и у офицеров.

Невольно вспомнились политработники, с которыми Стрешневу приходилось служить. Все они были политработниками по призванию, все, может быть, в разной степени, но владели искусством проникновения в человеческую душу. И у Стрешнева как-то само собой сложилось представление обо всех них как о людях цельных, глубоко убежденных и умеющих убеждать других, обладающих обостренным восприятием, добротой и душевной деликатностью.

Но, видимо, как и среди людей других профессий, были и среди политработников люди, случайно попавшие на эту работу. Опасаясь быть пристрастным и не доверяя первым впечатлениям, Стрешнев не стал делать поспешных выводов. "Выражение глаз и усмешечки - не довод. Главное - он не бездельник, а работяга, следовательно - не безнадежен", - убеждал себя Стрешнев и старался быть с замполитом помягче и помогать ему.

9

Люся и сама не ожидала, что задержится надолго. Думала, с завода ее уволят через две недели после подачи заявления, но ее некем было заменить. Она согласилась подготовить опытного техника. На это ушло два с лишним месяца.

С мебелью разделалась быстро: ее оптом купили новые владельцы квартиры. Правда у них не хватило трехсот рублей, они обещали переслать их позже, но Люся уступила им и эти триста рублей, хотя ей самой мебель обошлась вдвое дороже, чем она за нее запросила. Недаром говорят, что один переезд равен двум пожарам. После каждого нового назначения они обычно долго латали семейный бюджет.

Лишь через три месяца после отъезда Матвея они с Иришкой приехали в Синеморск. Их встречали Надежда Васильевна и Алексей с Симой. Впрочем, Алексей на перрон выйти не смог и ждал в машине. Сима долго тискала и целовала Иришку, потом принялась за Люсю, передав девочку бабушке. Кажется, время пощадило Симу, она ничуть не изменилась за эти годы, была все такая же свежая и румяная, только чуть пополнела.

А вот Надежда Васильевна заметно сдала даже за четыре месяца с тех пор, как уехала с Севера.

- Мама, что с тобой? Ты не больна? - встревоженно спросила Люся.

- Нет. А что, сильно изменилась? Так ведь я уж под горку еду, а с горки-то время быстро бежит.

Алексей тоже заметно пополнел, но лицо у него так и осталось после госпиталя бледным.

Люся, усаживаясь в машину, невольно посмотрела на его ноги. Ноги как ноги, в коричневых полуботинках, брюки хорошо отглажены. Посторонний человек, наверное, ничего бы не заметил. Но она знала, что Алексей даже на костылях передвигается с трудом, ноги волочатся, как тряпичные. Вон и по ботинкам это заметно: носки стерты добела, а на подметках краска. Люся старалась больше не смотреть на ботинки, но они, как нарочно, то и дело попадались на глаза: наверное, по привычке она при каждом переключении скоростей непроизвольно смотрела на педаль муфты сцепления. Месяц назад она закончила курсы шоферов, потому что они с Матвеем решили купить машину. "Хорошо, что не купили, а то бы куда сейчас с ней?" - подумала Люся.

А в общем-то, Алексей все тот же. И даже говорит все в той же манере:

- И долго ты родных пенат не лицезрела?

- Скоро три года.

- Так зри, как стольный град морской расцвел за это время.

Город и в самом деле похорошел, на главном проспекте снесли несколько старых домов, на их месте выросли новые, многоэтажные, чистенькие, хотя и однообразные. У железнодорожного переезда, где раньше было болото, разбит сквер, посредине - фонтан, аллеи утрамбованы битым кирпичом. И очень много цветочных клумб.

- Видать, у города хороший хозяин, - сказала Люся.

- Комендант, - поправила Сима.

- При чем тут комендант?

- А при том, что все эти клумбы, аллеи, скверы - дело его рук. Вернее, не его, а его подопечных, то бишь матросиков с гауптвахты. Чтобы они не пролеживали бока на топчанах и перевоспитывались духовно, комендант их цветочки заставляет сажать. Да вон, смотри.

Верно, у обочины человек пятнадцать матросов орудовали лопатами и граблями. Охранявший их часовой, закинув автомат за спину, протыкал пальцем дырки в грядке и осторожно опускал в них стебельки рассады.

- Вот и главный цветовод, старший матрос Миша Зубарев. Его весь город знает. О нем даже в газете писали, - с гордостью

сообщила Сима.

- А где же ваш садовод? - спросила Люся, вспомнив, что Сима писала, как в прошлом году Алешка залез в чужой сад за яблоками.

- Где-нибудь на причале. Так и тянет его на корабли. Тоже в подводники метит, - вздохнула Сима и посмотрела на мужа. Люся поняла ее вздох и покосилась на Алексея. А он... улыбался!

- А отпрыск мой - мужчина настоящий! Что ж вы-то с благоверным отстаете по части умноженья мореходов?

- Куда уж нам. Матвея опять на новое место перевели. Я и приехала-то, чтобы Иришку пока здесь оставить...

- Ах ты, бедняжка, - обняла внучку Надежда Васильевна. - И чего вам на месте не сидится? Только было обжились и вот тебе на!

- А я вот завидую! - сказал Алексей. И помрачнел. Люся попыталась перевести разговор на другую тему:

- У вас уже купаются?

Алексей криво усмехнулся и буркнул:

- Кто же в июне купается? Это тебе не Черное море. Эх, мне бы хоть и на Черное...

К счастью, они уже подъехали к дому, и разговор прекратился.

Но Алексей снова возобновил его, когда все уже ушли в дом, а Люся вернулась за чемоданом.

- Подожди, посиди со мной, - попросил он. И, когда Люся села, прямо спросил: - Думаешь, не пал ли Курбатов духом? Только честно признайся: подумала, когда я сказал, что завидую?

- Подумала.

Он внимательно посмотрел на нее, помолчал. Потом тихо сказал:

- Знаешь, как-то непроизвольно вырвалось. Нет, ты не права, я не унываю и в общем-то доволен, что мне удалось остаться на службе, с морем, хотя я и понимаю, что я инвалид. Но я не буду обузой ни для кого... Я знаю, что толк от меня еще есть, я еще и такой пока нужен... Но иногда невольно думаю, что я мог сделать, будучи здоровым. И, что скрывать, завидую здоровым людям! И если что меня бесит, так это не моя инвалидность, а инфантильность здоровых. Они не замечают того, что у них есть, не видят своих возможностей. Вот говорят, что человек по-настоящему ценит лишь то, что теряет. Может быть, это так...

Он опять помолчал, потом решительно сказал:

- А в общем-то жизнь хороша! И если ты подумала, что я скис, то ошиблась.

- Я рада, что ошиблась. И понимаю тебя.

- Ну вот и хорошо. Будем считать разговор исчерпанным. Иди домой, и пусть наш бог морской надежно оградит тебя от нытиков и трусов! - закончил он в своей обычной манере.

Вечером пришла Ариадна с мужем. Она еще больше похорошела, красота ее стала спокойной, прочной и уверенной. И держалась Ариадна тоже уверенно, с сознанием своей неотразимости, муж не успевал выполнять ее распоряжения.

- Костик, подай стул!.. Костик, сними мичманку, ты не на палубе! Ну куда ты ее суешь, вон же вешалка!..

Костик, белобрысый, щупленьшй старший лейтенант, растерянно озирался и делал все невпопад, смущаясь от этого еще более. Наконец напросился помогать Надежде Васильевне на кухне и, кажется, был доволен, что избавился от опеки жены.

- Затюкала ты парня, - сказал Ариадне Курбатов. - Мало его начальство дергает, так и ты туда же.

Оказывается, Костик служит адъютантом у командующего. Люся подумала, что Ариадна, наверное, только поэтому и вышла за него замуж - все на виду у начальства. На нее это похоже. Она и на заводе секретаршей директора работала именно потому, чтобы быть на виду. Правда, потом все-таки пошла в цех. Но сколько она там проработала? Кажется, месяца полтора или два. А как вышла замуж, так и не работает. "Странно, что Сима до сих пор с ней дружит". Впрочем, и сама Люся почему-то прощала Ариадне то, что другим не простила бы.

"Наверное, потому что она такая красивая", - решила Люся, любуясь Ариадной.

Все-таки это редко бывает, чтобы женщина любовалась красотой другой женщины. Даже признавая себя менее красивой, любая женщина постарается найти в себе столько других достоинств, что они с лихвой компенсируют ее внешнее несовершенство.

Пока они помогают Надежде Васильевне накрыть стол, разговор идет о том о сем.

- И как такой бульон у вас получается, Надежда Васильевна? - спрашивает Ариадна. - Цвет просто янтарный!

- Все зависит от мяса. Если оно мороженое, то нельзя его класть сразу в кастрюлю, надо чтобы оттаяло. И еще хорошо, если косточка мозговая...

- А я покупаю бульонные кубики. Быстро и, в общем-то, сносно.

- Не знаю, может быть, где-нибудь в турпоходе и удобно, но дома лучше приготовить самой.

- Ах, нынче вся паша жизнь - это сплошной турпоход, - как бы оправдывая Ариадну, говорит Сима. - Утром вскакиваю в

половине шестого, кормлю своих мужичков, отправляю одного в школу, другого на службу, потом сломя голову бегу на завод. А вечером с работы бежишь в магазин, готовишь ужин, прибираешь в квартире и смотришь - уже двенадцать. А надо еще когда-то постирать, погладить, что-то заштопать, где-то подшить. И почитать хочется. Возьмешь книгу, а глаза уже слипаются. Я бы всем нашим женщинам первый разряд по бегу присваивала, а тем, кто работает да еще имеет детей - звание мастера спорта давала. А попробуйте-ка утром в автобус сесть! Бывает, пропустишь их четыре-пять, а потом всю дорогу висишь на подножке. Говорят, сейчас опять мода на длинные юбки пошла. Не знаю, ездят ли француженки в своих макси-юбках автобусами, но для нас это неприемлемо. В лучшем случае весь подол оттопчут, а то и вовсе без юбки на остановке вынесут из автобуса...

Заговорили о модах, о прическах, о толстом каблуке.

- Широкий носок и толстый каблук - это все-таки больше похоже на ортопедическую обувь, - неожиданно вставил Костик. - Мужчины этого не приемлют.

- Господи, ты-то что понимаешь! - отмахнулась Ариадна. Хотела еще что-то добавить, но тут появился Юзек.

Он привел Гаврилова. Правда, об этом Люся сама просила Юзека, и сейчас Гаврилов с благодарностью и гордостью говорил:

- А ведь не забыла, коза? Вспомнила старого гриба, душившего ее молодую пылкую фантазию? Ну, покажись, покажись.

Гаврилов был уже на пенсии, но, похоже, совсем не изменился. И пиджак на нем все такой же, и так же обсыпан пеплом. Только вот глаза слезятся, он вытирает их тыльной стороной ладони и подслеповато щурится.

Юзек совсем высох, нос его стал еще больше, им он еще чаще выклевывает слова:

- Вы-таки видели, что кривая температуры имеет тенденцию к параболоидному изменению... - Это они опять сцепились с Гавриловым.

- А ты все такой же, Юзек, - сказала Люся, взъерошив ему рыжие волосы. - Хоть бы женился, что ли.

- А зачем?

- Ну, все-таки. Тебе уже скоро тридцать, наверное.

- Ну и что?

- Пора бы остепениться.

- Нет уж, дудки! Мне моя независимость дороже всех ваших фигли-мигли, он подергал Ариадну за косу.

- Неужто даже на мне не женился бы? - спросила Ариадна, поводя плечом.

Юзек серьезно посмотрел на нее, вздохнул и тихо произнес:

- Упаси бог!

Он сказал это так искренне, что все рассмеялись. Ариадна обхватила его за длинную шею, притянула к себе и чмокнула:

- Лапушка ты моя, что же ты меня так боишься? Ну погляди, какая я красивая. Ведь красивая?

Юзек отстранился, поправил очки, внимательно посмотрел на нее и сказал:

- Вот поэтому и не женился бы. Слишком много конкурентов было бы. Да и в робота не хочу превращаться.

- Ведь я бы тебя, душечка, на руках носила, - дурачилась Ариадна.

- Ну, это нетрудно. Во мне живого веса - всего сорок килограммов, да и то в мокрых валенках.

Люсе было хорошо и от того, что опять все собрались вместе, и от того, что спорят Юзек с Гавриловым, и даже от того, что Ариадна все такая же. Она любила их всех. Там, на Севере, у них с Матвеем тоже были друзья, но эти были ближе. Может быть, потому что она сдружилась с ними в пору юности, когда все так неповторимо. Сейчас Люсе казалось, что она вовсе и не уезжала отсюда, что не было тех почти девяти лет скитаний по Заполярью. Только Иришка напоминала об этих годах, о семье, о Матвее.

"Как он теперь там? - подумала Люся. - Вот бы его сюда и больше ничего не надо". За столом шутили, смеялись, о чем-то говорили. Должно быть, она ответила невпопад, потому что Сима обняла ее и спросила:

- Ну что с тобой?

- Не знаю даже. Я подумала, что здесь не хватает только его, и стало грустно.

- Когда уезжаешь?

- Не знаю.

- Не торопись. Ему сейчас не до тебя. Да и пусть Иришка привыкнет к бабушке.

- Она-то, собственно, и не отвыкала. Боюсь, сама без нее не смогу. Тебе, наверное, странным кажется, что я бросаю дочь и еду к мужу?

- Что же тут странного? Я понимаю. А знаешь, я тоже немного завидую вам, - вздохнула Сима. И, спохватившись, испуганно посмотрела на Алексея, должно быть, опасаясь, как бы он не вернулся к тому, начатому еще в машине разговору. Но Алексей или не расслышал, или сделал вид, что не расслышал, этого невольно вырвавшегося у нее признания.

- Нашла чему завидовать! - усмехнулась Ариадна. - Я так вот с ужасом думаю о том, что Костика когда-нибудь переведут

отсюда.

- На его месте я бы давно куда-нибудь попросился, - сказал Юзек.

- А я, между прочим, рапорт написал, прошу перевести на корабль, неожиданно признался Костик.

- Все-таки он человек! - сказал Юзек. - И пусть он всегда звучит гордо!

- Ну и правильно! - одобрил и Курбатов. - Или нравится быть мальчиком на побегушках?

- Нет, надоело, - сказал Костик, опасливо поглядывая на Ариадну. Та молчала. Но по ее поджатым губам было нетрудно догадаться, что Костику предстоит нелегкая ночь.

- Ничего, парень, держи хвост морковкой, - посоветовал Гаврилов.

- Ах, уж вы-то не вмешивались бы! - сердито заметила Ариадна.

Вышло это довольно грубо, всем стало неловко.

- Давайте пить чай, - предложила Надежда Васильевна.

- Я помогу вам, - сказал Костик и вслед за Надеждой Васильевной ушел в кухню.

Вернулся он скоро, с бутылкой в руке.

- Давайте-ка, православные, дернем по рюмочке ради такого случая.

- По такому случаю можно. Наливай! - согласился Курбатов. Костик наполнил рюмки, Алексей поднял свою и, чокнувшись с Костиком, торжественно произнес: - За раскрепощение души раба божия Константина, взбунтовавшегося супротив супружницы своей.

- Аминь! - сказал Юзек и тоже чокнулся с Костиком. - Если ты и из этой куколки что-нибудь путное сотворишь, я тебя всю жизнь уважать буду.

- Сделаем! - серьезно пообещал Костик. - Она у меня шелковая станет.

- Ну, это мы еще посмотрим! - Ариадна вскочила.

- Сядь! - Костик стукнул ладонью по столу. Ариадна изумленно посмотрела на него и тихо опустилась на стул.

- Вот так и сиди! - строго сказал Костик.

- Господи, да ведь он, кажется, мужчина! - прошептала Ариадна.

* * *

В каждом письме Люся спрашивала Матвея, когда ей выехать. Но он просил ее не спешить. Лишь через полгода дал телеграмму: "Жду".

До Мурманска Люся долетела благополучно, а там застряла.

На ближайший к базе аэродром садились только маленькие "аннушки", а их не выпускали, не было погоды. И на целую неделю вперед прогноз был плохой.

- Даже при наличии погоды не обещаем вас отправить, - сказал диспетчер. - Не гнать же из-за двоих самолет!

Второй пассажиркой оказалась худенькая девушка в легком плаще-болонье, из-под которого выпирали лопатки. Лицо у нее было маленькое, пожалуй, только большие глаза несколько украшали его.

- Что же теперь делать? - растерянно спросила она.

- Поищите оказию морем, - посоветовал диспетчер. - Морем туда чаще ходят. Ясно?

- Нет, - упавшим голосом сказала девушка. - Я ничего не понимаю.

- Вон гражданочка поможет, - кивнул диспетчер на Люсю. - Она, видать, тут бывалая, погуще вас оделась.

Люся действительно надела меховую куртку - только что пронесся снежный заряд, и было холодно. А у девушки уже зуб на зуб не попадал.

- У вас есть что-нибудь теплое? - спросила Люся.

- Не-ет. Лето же, у нас в Феодосии купаются.

- Может быть, и здесь завтра будет градусов двадцать пять тепла. Погода тут часто меняется. Пойдемте, я вам что-нибудь подберу из своих вещей.

Девушку звали Лидой. Она ехала по вызову в ту же базу.

- Там у меня школьный товарищ служит, он и вызов прислал, мы решили пожениться. Поживу с ним до сентября, а потом опять в институт. Мне еще год учиться.

- Надо было потерпеть этот год.

- Он настаивает. Да и я... скучаю.

- Глупенькие вы оба. Ну ладно, давайте искать оказию.

- Где же ее тут искать?

- Сначала найдем военного коменданта.

Военный комендант, подполковник береговой службы, выслушав Люсю, развел руками:

- К сожалению, ничем не могу помочь. Вам надо обратиться в штаб флота, только там могут сказать, когда туда будет оказия. Если, конечно, у вас есть пропуска.

- Есть.

Все-таки комендант пропуска проверил и лишь после этого стал куда-то звонить. Там, видимо, ничего утешительного не узнал.

- Сейчас попробуем еще в одном месте узнать, - сказал он без всякой надежды и снова поднял трубку.

- Постойте-ка, вы можете позвонить контр-адмиралу Сливкину? - спросила Люся.

- Могу. Он вас знает?

- Да. Разрешите, я сама с ним поговорю.

- Сейчас. - Комендант снял трубку оперативного телефона, назвал номер и, услышав ответ, протянул трубку Люсе: - Говорите, у телефона адмирал Сливкин.

- Владимир Петрович? Здравствуйте, это Стрешнева. Да, вот здесь и ждем. Двое. Невеста едет к одному лейтенанту. Да, пропуск есть. К кому? Сейчас узнаю, - Люся прикрыла рукой микрофон, спросила у Лиды: - Как фамилия вашего жениха?

- Иванов.

- Алло! К Иванову. Да. Хорошо, будем ждать. Положив трубку, Люся сказала коменданту:

- Велел ждать его звонка.

- Пройдите, пожалуйста, вон в ту комнату, там теплее. Я позову, когда позвонят.

- Спасибо.

Комендант проводил их в соседнюю комнату. Там сидело еще человек шесть военных и две женщины с детьми. В комнате действительно было тепло.

- А я думала, комендант - это самый страшный на военной службе, призналась Лида. - А этот деликатный.

- Вам, как будущей жене офицера, надо запомнить, что комендант вам теперь всю жизнь нужен будет. И когда оказию надо найти, и когда билет купить, и когда место в гостинице понадобится, и даже когда в дороге рожать придется - случается и такое.

Ждать пришлось всего минут десять. Вошел матрос и позвал их к коменданту.

- Вам надо ехать в штаб флота, в Ссвероморск. Там обратитесь к дежурному, он в курсе дела. Автобус отходит через двенадцать минут, успеете, - сказал комендант и повернулся к матросу. - Проводите до остановки.

Матрос подхватил их чемоданы. Поблагодарив коменданта, Люся, и Лида побежали вслед за матросом.

Через час они добрались до штаба. Оттуда их проводили на корабль. Люся полагала, что это будет обыкновенный рейсовый пароходик. Но оказалось, что пойдут они на настоящем боевом корабле, не то на новейшем миноносце, не то на крейсере, - Люся даже не успела разглядеть. Им отвели двухместную каюту по правому борту и сразу же предложили пообедать. Лида начала было отказываться, она очень стеснялась, но Люся успокоила ее:

- Привыкайте к флотскому гостеприимству.

Прежде чем пойти в кают-компанию, они долго прихорашивались и, видимо, опоздали к обеду. За столом осталось лишь трое офицеров, только что сменившихся с вахты. Вестовые в белых накрахмаленных куртках неслышно скользили между столами, разнося борщ и жаркое...

Обед им понравился.

Когда они вернулись в каюту, морские часы, укрепленные на переборке над письменным столом, показывали тринадцать ноль-пять. Лида не спала уже две ночи и поэтому сразу же легла. Люсе спать не хотелось, она вышла на верхнюю палубу.

Солнце висело низко, запутавшись в густом лесу ажурных мачт, но все-таки пригревало. Люся подставила ему лицо и даже зажмурилась от удовольствия. И вздрогнула, когда над самой ее головой вдруг пронзительно затрещал звонок. Потом щелкнул динамик, и звонкий молодой голос весело крикнул:

- Корабль к походу изготовить!

На палубе послышался топот бегущих людей, и Люся поспешила спуститься в каюту, чтобы не мешать. Она выглянула в иллюминатор. Посредине залива стояло на якоре большое торговое судно. Там, видимо, тоже закончился обед, матросы сваливали остатки пищи в обрез на корме, и над ними кружились чайки. Наиболее смелые стремительно пикировали вниз, выхватывали из обреза куски и снова взмывали ввысь, роняя по пути крошки. Другие на лету подхватывали эти крошки. "Какая изумительная реакция!" - удивилась Люся.

Она еще долго наблюдала за чайками, за работой матросов, поднимающих лебедкой ящики с подошедшей к пароходу баржи. Но вот в дверь каюты постучали.

- Да, войдите.

Дверь открылась, и молодой матросик, смущенно покосившись на спящую Лиду, тихо сказал:

- Извините, я должен задраить иллюминатор.

- Пожалуйста.

Матрос опустил на иллюминатор круглую броняшку и крепко привинтил ее тремя барашками. Потом включил настольную лампу, погасил в каюте верхний свет и, еще раз извинившись, вышел.

Люсе ничего не оставалось делать, как лечь спать. Она уснула быстро и так крепко, что даже не слышала, как корабль отошел от причала.

Проснулись они одновременно оттого, что корабль круто повалился на борт, видимо, уже вышли из залива. Лида испуганно спросила:

- Что это?

- Обыкновенная качка. Ты же из Феодосии, неужели не знаешь?

- Вообще-то знаю, но вот прожила двадцать один год на берегу моря, а на корабле ни разу не плавала. Странно, да?

- Почему же? У меня отец был моряком, а мама тоже ни разу в море не выходила даже на катере. Боишься?

- Нет, даже как-то приятно.

- Ну, ну, - усмехнулась Люся, по собственному опыту зная, что это приятное ощущение проходит быстро.

- Пойдемте посмотрим на море? - предложила Лида.

- Пошли.

Они оделись и вышли на верхнюю палубу. Они ожидали, что их встретит ветер, шторм, неистовство волн, и очень удивились, что было тихо. Море было гладким, на его поверхности не видно было ни кипящего вала, ни гребешка, оно тускло поблескивало, как расплавленное олово. И тем не менее волна была крупная, корабль сильно качало. Должно быть, шторм утих недавно, море еще не успокоилось, а может быть, шторм прошел где-то далеко, сюда донеслись только его отголоски.

- Странно, ветра нет, а качает, - удивилась Лида.

- Это называется мертвой зыбью. Хуже всякого шторма, - вздохнула Люся. У нее уже болела голова и начинало подташнивать. - Теперь оно еще суток двое будет качаться.

Слева до самого горизонта лежало море. Справа тянулась серая неровная гряда скал, у подножья ее скопились густые сумерки, кое-где разрезанные сизыми полосами не то тумана, не то невидимых отсюда бухточек или заливчиков. Солнце пряталось где-то за этой грядой скал, оно вызолотило их вершины, упиравшиеся в спокойную и глубокую синеву неба, на котором плавали островки перистых облаков.

- Красиво, - сказала Лида.

- Да. А вообще-то край здесь суровый, вам после юга трудновато будет.

- Ничего, привыкну. Другие живут, чем я хуже? Как говорится, не место красит человека...

Их разговор прервал рассыльный матрос. Он сказал, что их приглашает командующий.

- Какой командующий?

- Флотом. А вы разве не знаете, что он с нами идет? Вон и его флаг на мачте.

На мачте действительно развевался красный флаг с тремя звездочками. Люся раньше не обратила на него внимания, хотя знала, что у каждого из высших морских начальников есть свой флаг. Она не раз слышала выражение: "Корабль идет под флагом

командующего такого-то", или "...под флагом командира соединения". У контрадмирала Сливкина был такой же красный флаг, только с одной звездочкой...

Командующий ждал их в верхнем салоне. Это было просторное и уютное помещение, стены его отделаны настоящим красным деревом, стол, сервант, кресла и стулья из гарнитура. Вместо обычных корабельных плафонов на стенах укреплены красивые бра, по два на каждой стене, а над столом - люстра с хрустальными подвесками, которые тихо позванивают при каждом толчке волны.

Стол накрыт, видимо, к ужину, на пять персон. Но пока в салоне был один командующий. Люся сразу узнала его, она видела его раза три или четыре, правда, издали, когда он приезжал в соединение подводных лодок. Он шагнул им навстречу, поздоровался и сказал Люсе:

- Вы, видимо, Стрешнева. - Он пожал Люсе руку. - Простите, не знаю вашего имени и отчества.

- Людмила Ивановна.

- Очень приятно. А вас как зовут?

- Зовите просто Лидой.

- Ну что же, буду звать просто Лидой, кажется, мой возраст позволяет и это. - Командующий улыбнулся. Он действительно годился Лиде в отцы, хотя был еще не стар. Его обветренное лицо уже изрядно исхлестано морщинами, на высоком лбу большие залысины, он тучноват, но, судя по всему, еще крепок. Молодили его глаза: живые, веселые, лукавые.

- Прошу к столу. Усаживайтесь, где вам удобнее.

Они сели слева от него, спиной к двери, и не заметили, когда в салон вошли еще двое: вице-адмирал и капитан первого ранга. Командующий представил их:

- Член Военного совета Федор Иванович Голубев и командир корабля Иван Андреевич Белохатько. - Затем, представив Люсю с Лидой, протянул руку к висевшей над столом груше звонка и сказал тотчас появившемуся в дверях вестовому: - Можно подавать ужин.

Пока вестовой, бесшумно передвигаясь по мягкому ковру, разносил тарелки, Голубев заговорил с Люсей:

- Я вашего мужа хорошо знаю, а вот с вами как-то не удосужился познакомиться поближе, хотя слышал о вас много хорошего.

- Вот как? - удивилась Люся. - От кого же?

- Ну, у нас с вами много общих знакомых найдется, - уклонился от прямого ответа адмирал. - Если я не ошибаюсь, вы по специальности инженер-энергетик?

- Да.

- Это хорошо, значит, вам и на новом месте дело найдется. А у вас, простите, какая специальность? - спросил Голубев у Лиды.

- У меня, собственно, пока ее нет. Учусь в педагогическом.

- И много еще осталось учиться?

- Год.

- Ну, год пролетит быстро, - сказал командующий. - А педагоги везде нужны. Если, конечно, через год вы захотите вернуться сюда.

- А почему это я вдруг могу не захотеть? - обиженно спросила Лида.

- Случается, к сожалению, что после первого знакомства с Севером не возвращаются. Край тут суровый. Да и условий не только хороших, а даже более или менее приличных мы в ближайшее время обещать не можем. Знаете, там, куда вы... едете, - он произнес это "едете" с трудом, видимо, приложив усилие, чтобы не сказать привычное флотское "идете", - там все, как говорится, "начинается с нуля". А с нуля начинать всегда трудно. Это только в песне поется, что кто-то там очень уж хочет, кап Робинзон, "начать с нуля". Так что если у вас есть какие-то романтические иллюзии на сей счет, лучше расстаться с ними сразу. Вам вот Людмила Ивановна может рассказать, как бывает, когда начинаешь все с самого начала. Вы ведь, по-моему, третий раз на новое место переезжаете, Людмила Ивановна?

- Да, третий.

- А я вот на девятнадцатом месте служу. Да и Федор Иванович, наверное, не меньше ездил.

- Нет, я пока на четырнадцатом, - сказал Голубев.

- Еще догоните меня.

- Уже не намекаете ли вы, что пора нам разъехаться? - шутливо спросил Голубев.

- Ну нет, я за вас зубами держаться буду.

- Да, зубы у вас крепкие, - все в том же шутливом топе сказал Голубев и похлопал себя по загривку. - Вот этим местом чувствую.

- Вот-вот, об это самое место я половину зубов и обломал! - Командующий рассмеялся.

Они еще некоторое время весело перебрасывались колкостями, видно было, что у них давно уже сложились добрые отношения и полное взаимопонимание. Но вот Голубев опять вернул разговор в прежнее русло:

- Не страшно вам, Людмила Ивановна, опять ехать на новое место?

- Нет, я, кажется, начинаю привыкать. Вот только по дочери скучать буду.

- Где вы ее оставили?

- У матери, в Синеморске. Лето поживет там, а осенью возьму сюда. Хиленькая она у меня... - И Люся стала рассказывать, как родила Иришку в дороге, как потом, когда они жили у отпускников, каждый месяц, переезжая от одних к другим, Иришка спала в чемодане, как однажды, когда она заболела и ее надо было везти в Мурманск, а сильно штормило, рейсовые катера не ходили, пришлось звонить самому командующему.

- Помните, вы тогда вертолет прислали?

- Кажется, что-то такое припоминаю. А впрочем, не знаю, когда это было.

- Четыре года назад.

- Ну, за четыре-то года у меня сколько подобных случаев было! Все и не упомнишь...

- Я вам потом много раз звонила, хотела поблагодарить, но меня никак не соединяли с вами, только обещали передать вам мою благодарность. Передали?

- Может быть, и передавали. Извините, не помню.

- Я понимаю, у вас и без этого забот хватает.

- Да, уж чего-чего, а этого полон рот. - И точно только сейчас вспомнив, что у него действительно много неотложных дел, он спросил у Голубева: - А школу мы не забыли в титульный список внести?

- Внесли. Правда, пока начальную, а годика через два восьмилетку, а может быть, сразу десятилетку построим. Надо бы и детский сад предусмотреть. Но пока там всего восемнадцать женщин и трое детей дошкольного возраста.

- А строители?

- Они еще не прибыли.

- Скоро прибудут. Однако с садиком действительно придется подождать, смета очень жесткая...

Люся с интересом прислушивалась к их разговору. Она поняла, что речь идет о будущем того поселка или городка, где ей предстоит жить, может быть, не один год. Но вот адмиралы заговорили о строительстве причалов, называя объекты по номерам. Люся, поблагодарив за ужин, стала прощаться.

Провожая их, командующий говорил:

- Рад был познакомиться. Знаете, за делами мы как-то не успеваем иногда поинтересоваться жизнью жен наших офицеров. А ведь вам приходится разделять с нами не только все трудности, а брать на себя все заботы по хозяйству, по воспитанию детей, да мало ли еще у вас забот!

- Спасибо, - поблагодарила Люся. - И я рада, что вы это понимаете.

- Скажите, а можно вас пригласить на свадьбу? - неожиданно спросила у командующего Лида.

- А почему же нельзя? - Адмирал улыбнулся.

- В таком случае разрешите вас пригласить. И вас, товарищ Голубев.

- Благодарю вас. Придем непременно.

Когда вернулись в каюту, Лида спросила Люсю:

- Вы что, сговорились с ними?

- О чем вы? - не поняла Люся.

- Ну как же, вместе меня запугивали Севером.

- А... - Люся улыбнулась. Действительно, как-то

непроизвольно получилось, что она тоже говорила лишь о трудностях жизни в Заполярье. Что же, пусть уж Лида заранее знает, что жизнь тут нелегкая, хотя и в ней есть свои радости. Но о радостях Лида еще успеет узнать. Трудности отпугивают людей чаще, чем привлекают радости.

10

Корабль под флагом командующего флотом входил в бухту ранним утром. Оно выдалось ненастным, внезапно налетел снежный заряд, стало опять темно, крупные хлопья снега, падая на теплый бетон причальной стенки, тут же таяли. Матросы, выстроившиеся на причале, то и дело вытирали мокрые лица, нетерпеливо поглядывая в сторону моря, где уже не видно было ни входа в бухту, ни корабля, ни скал, прикрывающих гавань справа и слева.

О том, что командующий прибудет морем, узнали в самый последний момент, для корабля даже не успели освободить причал, и сейчас маленький и черный, как жук, буксир вытаскивал из ковша гавани баржу. Дубровский на катере крутился возле буксира и в мегафон переругивался с капитаном, поторапливая его. Но буксир маленький, а баржа тяжелая, она похожа на огромный лапоть, застрявший в узком ковше гавани.

Заряд кончился так же внезапно, как налетел, в голубую проталину неба заглянуло солнце. А дежурный все не давал кораблю разрешение на вход, потому что баржу еще не вытянули. С мостика корабля что-то писали сигнальным фонарем, на береговом посту принимали светограмму, тоже изредка хлопая жалюзи фонаря.

Наконец баржу убрали, и корабль вошел в бухту. Он быстро надвигался высоким бортом на причал, казалось, вот-вот подомнет под себя и причал, и стоявших на нем людей. Но вот он обеими машинами отработал задний ход и мягко привалился к бетонной стенке. Подали швартовые, специально выделенные для их приема матросы быстро накинули их на тяжелые чугунные тумбы кнехтов. С левого борта корабля убрали леерные стойки и подали сходню. По ней сразу же стали спускаться командующий и член Военного совета.

Выслушав рапорты, командующий спросил у Стрешпева:

- Лейтенант Иванов у вас служит?

- Так точно.

- Где он?

- На лодке дежурит.

- Пусть кто-нибудь подменит его. К нему невеста приехала. И вы идите встречайте жену.

Матвей поднялся на борт и сразу же увидел на шкафуте

Люсю. Рядом с ней стояла смуглая худенькая девушка. Люся представила ее:

- Это Лида, невеста лейтенанта Иванова.

- Очень приятно. - Матвей осторожно пожал Лиде руку. - Анатолий придет минут через пятнадцать.

Хотя командующий отпустил Стрешнева, но все-таки ему полагалось быть там, в его "свите", потому что у командующего могут возникнуть какие-то вопросы, может быть, он даже пойдет сейчас на лодку. Матвей нерешительно топтался на месте.

- Тебе некогда? - догадалась Люся.

- Да, ты извини, мне надо быть там. - Он кивнул вниз. - Анатолий вас проводит к нам. Знаешь, у нас даже есть квартира. Правда, однокомнатная, но на первых порах, думаю, и такая нас устроит.

- Еще бы! - Должно быть, Люся и на это не рассчитывала.

Прибежал Иванов, расцеловался с Лидой, смутился и пробормотал "извините", как будто и в самом деле в чем-то провинился. Стрешнев улыбнулся, спросил Люсю:

- Извиним их, что ли?

- Да уж придется, - шутливо подхватила она и протянула Иванову руку: Люся.

- Толя, - представился Иванов и окончательно смутился.

Стрешнев, глядя на лейтенанта и его невесту, прикидывал, где же их разместить. Он не рассчитывал, что Люся приедет так скоро, теперь и старпома к себе не возьмешь. "Придется, наверное, просить Дубровского помочь с гостиницей, а до отъезда командующего пусть поживут у нас", - окончательно решил он.

Подошел командир корабля капитан первого ранга Белохатько, спросил:

- Встретили? Ну и великолепно!

Люся представила ему Матвея и Анатолия:

- Пожалуйста, знакомьтесь.

Белохатько пожал офицерам руки и спросил у Матвея:

- Куда прикажете доставить вещи?

- Спасибо, я пришлю за ними позже.

Попрощавшись с Белохатько, они спустились на причал. Стрешнев, вручая Иванову ключ от квартиры, сказал:

- Пока поживете у нас, а потом что-нибудь придумаем. Вы, Анатолий, проводите гостей, накормите, там найдется чем. А мне придется быть при начальстве.

"Свиту" командующего они догнали у проходной, хотели пропустить ее, но командующий, обернувшись, заметил их, подошел.

- Это и есть жених? Здравствуйте, товарищ Иванов. Ваша

невеста пригласила нас с Федором Ивановичем на свадьбу, так что, если не возражаете, придем.

- Спасибо, товарищ адмирал.

- Кстати, где вы намерены поселить невесту?

- Пока командир приютил, а там что-нибудь придумаем, - Иванов невольно повторил слова Стрешнева, Люся это заметила и улыбнулась.

Командующий обернулся к Стрешневу:

- Похвально, конечно, что командир проявил такое добросердечие. Только что же вы всех своих офицеров так вот в своей однокомнатной квартире и будете размещать? У вас же, кажется, есть гостиница.

- Там всего четыре комнаты, товарищ командующий, - доложил Дубровский. - Две освободили для вас и члена Военного совета.

- Вот и отдайте одну молодоженам. А мы с Федором Ивановичем и на корабле поживем. Полезно, да и привычно. - Он и в самом деле, бывая в базах флота, старался жить на кораблях, хотя на берегу было больше коммунальных удобств, да и спокойнее: там не тревожат ни шум работающих корабельных механизмов, ни топот матросов, бегающих по палубе, ни громкие слова команд, отдаваемых по трансляции. Но эти неудобства компенсировались тем, что он был ближе к жизни матросов, к их повседневному быту, мог лучше понять, как организована корабельная служба, в чем ее надо усовершенствовать. Голубев тоже придерживался правила при первой же возможности быть с людьми. Кое-кто иронизировал по этому поводу, называл это "хождением в народ", но в душе одобрял потребность командующего и члена Военного совета "влезать в корабельную жизнь".

Вот и сейчас решение командующего встретило молчаливое одобрение.

- Есть, - весело козырнул Дубровский и что-то шепнул Иванову. Тот кивнул.

А командующий между тем говорил обступившим его офицерам:

- Это хорошо, что лейтенанты женятся. Значит, намерены обосноваться здесь крепко. А наше дело - создать им хотя бы элементарные условия для нормальной семейной жизни. Поэтому будем здесь строить и жилье, и магазины, и школу, и банно-прачечный комбинат. Через неделю к вам прибудет строительный отряд, уже сейчас под загрузкой стоят три парохода со строительными материалами...

Осипенко оказался прав: тревоги следовали одна за другой.

Командующий проверял готовность кораблей, береговой и противовоздушной обороны, меры по противоатомной защите базы, рассредоточению сил и средств.

На четвертый день атомная подводная лодка под командованием Стрешнева вышла в море для участия в учениях.

Стрешнев понимал, что столь пристальное внимание командующего к нему вполне закономерно. Хотя прошло уже более полугода, как он принял корабль и получил право на самостоятельное управление, командующий решил проверить его на деле и поставил задачу провести ракетную стрельбу.

Кроме командующего и члена Военного совета на борту лодки находился командир соединения, тоже не обходивший Стрешнева вниманием.

Вышли рано утром. Над бухтой висел густой белесый туман, с мостика не виден был даже нос лодки, и Стрешнев послал туда впередсмотрящего. Голос его доносился глухо:

- Слева десять, полкабельтова, поворотный буй!

- Право руля, курс сорок семь, - скомандовал рулевому Стрешнев, пытаясь разглядеть буй. Но так и не увидел. - Метристы, докладывать дистанцию до южной оконечности мыса!

- Есть! - донеслось снизу.

Лодка ощупью выбиралась из бухты. Когда осталась позади темная полоска берега и лодка вышла в море, туман рассеялся, а вскоре на поверхности моря чешуей заблестели солнечные блики.

Но погода на Севере редко бывает устойчивой. Не успели прийти в точку погружения, как набежал ветер и слева поползли грязные тучи. Лодка валилась с борта на борт.

- Опять загорбатило, - заметил рулевой матрос. Он плохо переносил качку и предпочитал плавать в подводном положении, - Скоро погрузимся, товарищ командир?

- Скоро, - ответил за командира штурман, покачивая секстан. Он спешил, пока небо окончательно не затянуло тучами, измерить склонение солнца.

Вскоре погрузились.

Присутствие большого начальства не столько смущало, сколько стесняло командира лодки. Хотя командующий и старался но вмешиваться в его действия, но уже одного того, что адмирал находился в центральном посту, было вполне достаточно, чтобы в работе моряков появилась торопливость, нервозность. Даже боцман, до этого действовавший вполне уверенно и четко, допустил оплошность: при погружении лодка провалилась на целых четыре метра больше заданной глубины. Правда, командующий в это время был занят разговором с Пашковым. Стрешнев лишь успокаивающе заметил:

- Не торопитесь, боцман.

Тот благодарно кивнул.

Командующий с Пашковым ушли в приборный отсек, и Стрешнев облегченно вздохнул.

Вернувшись в центральный пост, командующий усложнил задачу, дал несколько дополнительных вводных, график похода значительно изменился, и это особенно беспокоило капитана третьего ранга Пашкова.

- Боюсь, как бы самолет-разведчик не прозевал наше всплытие, - говорил Пашков Стрешневу. - У летчика старый график, а мы всплывем значительно позже. Хорошо, если догадается...

- Догадается, - успокаивал Пашкова Стрешнев, хотя и сам был не очень уверен. Он встречался с летчиком незадолго до выхода. Летчик был совсем молоденьким, всего два года назад окончил училище. Но Стрешневу он понравился спокойной рассудительностью, дотошностью, с которой уточнял все детали взаимодействия. А вот теперь и у Стрешнева появилось сомнение.

Командующий, закончив разговор с командиром соединения, подошел к Стрешневу и спросил:

- А, собственно, для чего у вас в графике предусматривается это всплытие? Ведь вы же демаскируете себя, в небе может оказаться и разведчик "противника". Не будете же вы в боевой обстановке всплывать?

Он был прав. Но это всплытие придумал не Стрешнев, а штаб соединения. Там, видимо, исходили из того, что лодка проводит стрельбу впервые, командир новый, и поэтому несколько облегчили задачу. Но ссылаться на штаб Стрешнев счел неуместным.

- Я тоже считаю вполне достаточным лишь подвсплыть на перископную глубину, - доложил он командующему.

- Вот так и действуйте, - согласился тот.

Пашков, слышавший этот разговор, покачал головой и ушел в приборный отсек.

Вскоре штурман доложил:

- Товарищ командир, вышли в точку.

- Есть! Боцман, всплыть под перископ!

На этот раз боцман действовал с ювелирной точностью.

- Поднять выдвижные устройства!

Поисковая антенна локатора плавно вращалась по кругу. Но вот метрист доложил:

- Самолетная станция!

Вскоре Осипенко протянул текст радиограммы. Введя в прибор координаты и элементы движения цели, Стрешнев подал

сразу несколько команд.

Наступил самый ответственный и решающий момент. На всех боевых постах шла напряженная, молчаливая работа. Теперь особенно отчетливо было слышно пощелкивание приборов на контрольном пульте электронной схемы. В узкую прорезь одна за другой выскакивали черные колонки цифр. Их таинственный смысл был понятен только посвященным людям, но даже самый посвященный человек не успел бы их осмыслить - с такой быстротой они менялись. Сейчас работала автоматика, и все надежды были на нее. Откажи любая лампа в этом калейдоскопе огней на панели, сгори сопротивление, ошибись приборист - и все полетит.

Не спуская глаз с панели, Стрешнев успевал все-таки каким-то боковым зрением следить за работой моряков у приборов и механизмов, за всем, что происходит в центральном посту. Командующий тоже следил за приборами, по выражение лица у него было непроницаемое. У члена Военного совета, вместе с Комаровым вернувшегося в центральный пост перед самой атакой, лицо было тоже непроницаемым. Но глаза под густыми темными бровями жили на этом лице своей обособленной жизнью: перебегая с одного предмета на другой, с одного человека на другого, они замечают все - и то выражают внимание и любопытство, то становятся строгими, то улыбаются одобрительно.

Выражение лица Комарова мрачное, вероятно, он за что-то получил нагоняй от Голубева.

Капитан-лейтенант Горбатенко склонился над автопрокладчиком. Этот углублен в свое дело и не замечает происходящего вокруг. Действует он спокойно, уверенно и так буднично, словно лодка не собирается в ракетную атаку, а стоит на базе.

И боцман обрел спокойствие, только выражение лица у него торжественное, соответствующее моменту...

А на квадратном пульте перемигиваются лампочки, над самым ухом Стрешнева пощелкивают приборы, гудят сельсины.

Вот приборы выработали все данные для стрельбы, и Стрешнев откидывает колпачок над кнопкой с надписью "Пуск". Успевает отметить, что пальцы дрожат, внутренне собирается и успокаивает эту дрожь. Все это занимает какое-то мгновение, палец уже спокойно лежит на кнопке, и Стрешнев вдавливает ее до отказа.

Лодка сильно вздрагивает. С ревом вырывается из лодки ракета.

- Полный вперед! Курс сто двадцать.

Потом он еще несколько раз меняет курс, зигзагами уходя от места старта. Истекает время полета ракеты, самолет должен сообщить результаты стрельбы.

Радист включает трансляционную сеть, и в отсеках отчетливо слышен скрип радиопомех. Но вот сквозь них прорывается ликующий голос летчика:

- Вижу прямое попадание!

11

Свадьбу справляли в базовой столовой, в офицерской кают-компании.

Еще утром на совещании офицеров базы командующий зачитал приказ министра обороны о досрочном присвоении капитану третьего ранга Стрешневу воинского звания "капитан второго ранга" и приказ главнокомандующего Военно-Морским Флотом о присвоении очередного звания "капитан третьего ранга" Дубровскому.

Сразу же после совещания командующий и член Военного совета зашли к жениху и невесте, поздравили их, выразили сожаление, что не смогут присутствовать на свадьбе. Они и в самом деле тотчас вылетели в Москву.

Стрешнев и Дубровский решили заодно "обмыть" свои звездочки, внесли в свадебный фонд дополнительный пай, и стол получился на славу.

Хотя в поселке не было ни дворца бракосочетаний, ни даже загса, обряд обручения прошел торжественно и по всем правилам. Были и цветы, и музыка, и золотые кольца, видимо, загодя припасенные молодоженами. Председатель поселкового Совета произнес речь и вручил молодоженам ордер на комнату, что вызвало восторженные крики "ура". Особенно долго аплодировали молодые офицеры. Правда, ни комнаты, ни того дома, что обозначен в ордере, ни даже улицы еще не существовало. Но все знали, что прибыли строители, значит, скоро построят и дом и улицу.

Было весело и непринужденно, много пели, танцевали, смеялись. Лишь командир боевой части-пять - инженер-капитан второго ранга Гречихин был хмурым; и многие, поглядывая на него, недоумевали, что у него случилось; обычно Гречихин общителен. И только Стрешнев знал, в чем дело.

Утром у них произошел довольно бурный разговор. Иванов пригласил на свадьбу двух матросов, вместе с ним обслуживающих реакторный отсек. Гречихин, узнав об этом, пришел к Стрешневу и заявил, что категорически возражает.

- Почему? - спокойно спросил Стрешнев.

- Они же подчиненные лейтенанта Иванова.

- Ну и что же? Лейтенант Иванов тоже подчинен нам с вами, тем не менее мы идем на свадьбу и не видим в этом ничего предосудительного.

- Мы офицеры, а они матросы.

- Какое это в данном случае имеет значение? Они товарищи по службе, работают с Ивановым в одном отсеке, разделяют с ним все тяготы и радости этой работы, имеют на его расположение и дружбу большее право, чем мы с вами. В конце концов это сугубо личное дело Иванова, кого приглашать, а кого не приглашать на собственную свадьбу.

- Это, конечно, так, а все же они матросы.

- Ну и что? Или вы не хотите садиться с ними за один стол? Что у вас, кастовые предрассудки появились?

- Какие там кастовые, я сам в прошлом пас овец в колхозе! Я ничего не имею против этих матросов, наоборот, могу лишь отметить, что оба они старательные, дисциплинированные и хорошие специалисты. Но я боюсь, как бы после этого не пошли разговоры о том, что у нас на лодке офицеры пьянствуют с матросами и как бы это вообще не уронило авторитет Иванова в глазах подчиненных.

- А вы не бойтесь, авторитет Иванова от этого не пошатнется. А что касается того, что какой-нибудь дурак скажет о пьянке, так ведь, как говорится, "на чужой роток не накинешь платок". И вам тут опасаться нечего, раз при сем присутствую и я, то на меня и ляжет вся ответственность.

Вот это было, наверное, лишним, Гречихин обиделся:

- А почему вы думаете, что я боюсь ответственности? - с вызовом спросил он.

- Потому что вы сами заговорили об этом. Гречихин окончательно обиделся и спросил официальным тоном:

- Разрешите идти?

- Пожалуйста.

На том и разошлись. У обоих от разговора остался неприятный осадок, и сейчас, глядя на Гречихина, Стрешнев жалел, что отпустил его тогда, надо было сразу же выяснить все до конца. "А может быть, это и к лучшему, пусть попереживает и подумает. Неспроста же он завел этот разговор, значит, все-таки чего-то не понимает".

В общем-то, они зря погорячились. Но Матвей по собственному опыту знал, как бывает тяжело, когда тебя не понял или обидел начальник, особенно если этому начальнику и невдомек, что он кого-то обидел. Еще хуже, когда начальник, зная, что обидел человека, вовсе не считает нужным извиниться.

Сейчас начальником был он, Стрешнев, и он считал, что

должен извиниться первым. Выбрав момент, когда все пошли танцевать и Гречихин остался один, Стрешнев подсел к нему.

- Скучаете, Валерий Николаевич?

- Нет, просто задумался.

- Это зря, на свадьбе надо веселиться. Может быть, вам подпортил настроение наш разговор утром? Я тогда погорячился и хочу принести вам свои извинения. Не обижайтесь.

- Так ведь и я тоже погорячился. И вижу, что был неправ. Смотрите, как резвятся матросы.

Зырянов танцевал с Люсей, а Цхакая - с невестой. Жених шутливо грозил ему пальцем, Цхакая улыбался.

- Смотрите, Анатолий, украдет у вас Цхакая невесту, - шутливо заметил Стрешнев. - У абхазцев есть такой обычай.

- Тогда объявим кровную месть и начнем рэзать друг друга. - Иванов чиркнул пальцем по горлу и засмеялся.

Цхакая, слышавший этот разговор, сделал зверское лицо и схватился за воображаемый нож.

- Хороший парень этот Цхакая, - сказал Гречихин. - Веселый, находчивый.

- Вот и нам надо веселиться. Давайте-ка по обычаю выпьем мировую, предложил Стрешнев и наполнил рюмки. - Кто старое помянет, тому глаз вон. Согласны?

- Вполне.

Они выпили. Танец кончился, все опять потянулись к столу. Люся, усаживаясь рядом с Зыряновым, напротив Матвея, попросила:

- Ну-ка налейте и нам, а то спиваетесь в одиночку. Небось скучно?

Матвей потянулся было к бутылке, чтобы налить, но раздумал и предложил Гречихину:

- Давайте вы, Валерий Николаевич, вы инженер, у вас глазомер более точный.

Гречихин с укором посмотрел на него и, вздохнув, потянулся к бутылке.

- Мне красненького, бортового, - предупредил Зырянов. - Как-то привычнее.

- Ну и мне вашего бортового, - попросила Люся.

Во время похода матросам на лодке перед обедом выдавали портвейн. Случалось, не уследит старшина, и они сливают в одну кружку две-три порции, пьют по очереди: сегодня один, завтра другой. За это их строго наказывали, потому что портвейн им полагался в чисто медицинских целях, чтобы они ели с аппетитом консервированную пищу, так как свежей на весь поход не запасешься.

- За тех, кто в море, - предложила Люся.

- И за тех, кто их ждет на берегу, - добавил Зырянов.

Люся благодарно улыбнулась ему и спросила:

- А у вас есть девушка, которая ждет вас?

- Девушка-то есть, а вот ждет ли, не знаю, - вздохнул матрос.

- А вы ей поверьте.

- Стараюсь, но иногда, знаете, сомнение берет. Слышишь, одного не дождалась, у другого замуж выскочила - вот и сомневаешься.

- Напрасно, людям надо верить, особенно тем, кого любишь.

- Так-то оно так, - согласился Зырянов. Хотел что-то еще добавить, но, посмотрев на офицеров, умолк.

- Пойдемте, Валерий Николаевич, покурим, - предложил Стрешнев.

Когда они с Гречихиным ушли, Зырянов сказал:

- Хороший у вас муж. Деликатный.

- Вы же его, наверное, и не успели узнать как следует. Он у вас совсем недавно.

- Как говорится, птицу видно по полету.

- Спасибо, я очень рада, что он вам понравился. Знаете, всегда приятно слышать, если о близком тебе человеке говорят хорошо. Вы когда-нибудь слышали, как говорят о вашей девушке? - Она старалась вернуть разговор в прежнее русло, полагая, что матросу хочется поделиться с ней своим сокровенным.

- Слышать-то слышал, - усмехнулся Зырянов.

И умолк, нить разговора оборвалась: видимо, у матроса были причины больше об этом не говорить. Люся предложила:

- Пойдемте еще потанцуем. Вы очень хорошо водите.

Во время танца, неожиданно для Люси, он сам вернулся к этому разговору:

- О моей девушке в журнале "Огонек" статья была и даже портрет ее поместили. Это когда она стала чемпионкой страны по плаванию брассом на двести метров. А вообще-то она учится в институте на втором курсе.

- Ну и разве вам не приятно было читать о ней?

- Очень даже приятно, я всем друзьям показывал этот журнал, хвастался так, будто сам стал чемпионом. Неприятности начались позже.

- Какие?

- Письмами ее засыпали. А в них триста двадцать одно предложение руки и сердца.

- Это забавно!

- А я вот ревную. Даже к корреспонденту, который о ней

статью написал.

- Извините, но это, по-моему, глупо.

- Может быть, и глупо, а вот ревную и ничего с собой не могу поделать...

Танец кончился, Зырянов проводил Люсю к столу и попрощался: у него истекал срок увольнения, пора было возвращаться в казарму. Впрочем, и офицеры уже начали расходиться, им тоже надо было вставать рано, чтобы успеть к подъему флага.

Всех удивило, что среди приглашенных на свадьбу лейтенанта Иванова не оказалось замполита. Уж кому-кому, а ему как будто и по должности положено быть не только участником, а и организатором такого рода событий. И Комаров глубоко переживал, что лейтенант Иванов не счел нужным пригласить его. В самый последний момент они поссорились.

А виновницей ссоры была знакомая матроса Зырянова, чемпионка по плаванию.

Выполняя указание члена Военного совета больше интересоваться настроением людей, Комаров вечером заглянул в матросский кубрик. Там в это время было людно, матросы только что вернулись с ужина. Комаров потолкался среди них, попытался заговорить с одним, с другим, но матросы неохотно шли на разговор, у каждого находились какие-то неотложные дела. Комаров догадывался, что эти дела они придумывали специально, чтобы отделаться от разговора. Вот и Зырянов тоже придумал повод:

- Извините, товарищ капитан третьего ранга, у нас сегодня игра с командой базы, мне надо переодеться.

Зырянов действительно выступал за сборную команду лодки по волейболу, сегодня и в самом деле была встреча со сборной базы, но начнется она только через полтора часа, можно бы и не торопиться. Но Зырянов уже доставал из рундука кеды, Комаров собрался отойти, когда заметил, что на дверце рундука с внутренней стороны наклеена фотография девушки в купальнике. Заглянув глубже, Комаров увидел, что и стенки рундука оклеены фотографиями девушек в купальниках.

- Коллекционируете? - иронически спросил Комаров.

Зырянов захлопнул дверцу и спросил:

- А разве нельзя?

- Вам кроме этого больше нечего коллекционировать?

Матрос покраснел, но ответил сдержанно:

- Это, между прочим, из журнала "Огонек". Тут, как говорится, и комар носа не подточит.

- А Комаров тем более, - заметил кто-то, и за спиной

Комарова прыснули. Это его обидело, он рывком распахнул дверцу рундука, собственно, не зная даже зачем, может быть, только для того, чтобы убедиться в принадлежности фотографии "Огоньку"...

В это время и зашел в кубрик лейтенант Иванов.

- Вот видите, чем ваши подчиненные увлекаются, - сказал ему Комаров.

- Красивая девушка, - одобрил лейтенант.

- Товарищ Иванов, зайдите ко мне, - строго сказал Комаров и направился к выходу. Иванов пожал плечами и пошел за ним.

В кабинете Комаров прошел за стол, сел, переложил с одного края на другой какие-то бумаги и снял телефонную трубку, назвал номер.

- Алло! Валерий Николаевич? Зайдите ко мне. Через десять минут. Хорошо, я жду.

Положив трубку, он кивнул:

- Садитесь.

Иванов сел. Комаров, выдержав паузу, сказал:

- Я решил поговорить с вами в присутствии командира боевой части потому, что разговор касается не только вас, а вообще всех нас. Речь идет об усилении идейного воспитания, о том, что мы должны лучше изучать людей, знать их настроение. Вот вы не видите ничего особенного в том, что Зырянов коллекционирует подобные фотографии. Между тем моральный облик человека складывается из многих факторов.

- Простите, - прервал его Иванов. - Я физик и хочу к этому подойти по-научному. В научных спорах зачастую, прежде чем приступить к дискуссии, договариваются о терминологии. Вот и мы давайте договоримся. Что вы понимаете под "подобными фотографиями"? А что вы _ скажете о Венере Милосской?

- Послушайте, Иванов, бросьте эту демагогию!

- Вот кстати еще один термин. Что вы вкладываете в это понятие?

- Вы что, издеваетесь?

- Никак нет, просто хочу подойти к решению столь заботящей вас проблемы более научно.

В это время в кабинет вошел Гречихин. Поздоровавшись с Комаровым, он покосился на Иванова и спросил:

- В чем дело?

- Да вот решил я побеседовать с товарищем Ивановым в вашем присутствии и, кажется, правильно сделал. Наедине у нас разговора не получается. Вот уже десять минут товарищ Иванов воспитывает меня, вместо того, чтобы выслушать и принять к сведению мои замечания.

Гречихин вопросительно посмотрел на Иванова, тот вздохнул, но ничего не сказал. А Комаров между тем продолжал:

- Поводом для нашего разговора послужило поведение матроса Зырянова. Я случайно обнаружил в его рундуке фотографии некой девицы в неглиже...

- А вы не считаете, что, говоря о незнакомой вам девушке в таких выражениях, вы оскорбляете ее? - вмешался Иванов. - Как же так можно, ведь вы политработник!

- А-а, сидите вы со своей терминологией, - отмахнулся Комаров и, повернувшись к Гречихину, собрался продолжить рассказ.

Но Иванов вскочил и твердо сказал:

- И со мной я не позволю разговаривать в таком тоне.

- Сядьте, Анатолий Степанович, - примирительно сказал Гречихин. Давайте спокойно выслушаем друг друга. Не пристало нам, офицерам, так разговаривать между собой.

- Вот именно, - подтвердил Комаров.

Иванов усмехнулся, но на этот раз сдержался и промолчал.

Комаров теперь говорил медленно, осторожно подбирая выражения. Изложив суть дела, спросил Гречихина:

- Как вы считаете, Валерий Николаевич, есть у меня основания беспокоиться о моральном облике матроса Зырянова?

Гречихин ответил не сразу. Принять сторону Иванова значило не только обострить конфликт, а и самому влезть в него. Этого Гречихин не хотел. Встать же на сторону Комарова он не мог. И поэтому ответил уклончиво:

- Вопрос этот сложный, нужно время, чтобы во всем глубоко разобраться. К матросу Зырянову по службе у меня претензий нет. Что касается его морального облика... Словом, я сам должен побеседовать с Зыряновым. Давайте вернемся к разговору дня через два.

Комаров, хотя и неохотно, согласился. Разумеется, Гречихин не собирался беседовать с Зыряновым, и так было все ясно. Он просто надеялся, что за два дня страсти поутихнут, Комаров остынет и сам не захочет возвращаться к этой нелепой истории. Иванова же Гречихин предупредил:

- Не лезьте на рожон, Анатолий Степанович. Сами видите, что убеждать Комарова бесполезно.

Валерий Николаевич в душе не одобрял своей осторожности, но отнюдь не считал ее излишней. В свое время он тоже был горяч и упрям, отчасти из-за этого совершил оплошность и получил строгий выговор по партийной линии. Этот выговор "висел" на нем уже второй год, сейчас Гречихин подал в партийное бюро заявление, на днях его должны рассмотреть.

Раздувать конфликт в такой момент, а тем более обострять отношения с замполитом было бы по меньшей мере неразумно.

А тут еще и свадьба. Комаров, конечно, узнает, что на нее приглашен и Зырянов. Надо полагать, что это еще больше обидит замполита, он постарается раздуть "персональное дело".

Стрешнев же, ничего не зная о стычке Иванова с Комаровым, заметив, что на свадьбе не было замполита, не придал этому значения. В конце концов, личное дело Иванова кого приглашать, а кого нет.

Комаров вел себя так, будто ничего не случилось. Он даже не напомнил Иванову и Гречихину об истории с Зыряновым. И на партийном бюро, когда снимали выговор с Гречихина, промолчал об этой истории.

А Иванов решил, что Гречихин поддерживает замполита. Лейтенанта это особенно обидело, он написал рапорт с просьбой перевести его в другую базу или уволить в запас и понес его командиру лодки.

Стрешнев был один, Иванов поздоровался, подошел к столу и положил рапорт. Командир покосился на рапорт и кивнул на диван.

- Садитесь.

Но Иванов остался стоять. Стрешнев удивленно посмотрел на него. Вид у лейтенанта был вызывающий. Стрешнев отложил недочитанный документ и подвинул к себе рапорт. Пробежав его взглядом, сказал:

- Ах, вот что! Но я не понимаю, чем вызвана такая просьба. Объясните хотя бы устно.

Иванов коротко пояснил, в чем дело.

- Почему мне сразу не доложили о разговоре с замполитом?

- А зачем? - Иванов пожал плечами.

- Значит, и мне не доверяете. - Стрешнев усмехнулся. - Ну что же, идите. Я разберусь.

- А что тут разбираться? И так все ясно.

- Вам - может быть, а мне - пока нет. Впрочем, я не уверен, что и вам все ясно. Боюсь, что вы делаете опрометчивый шаг, требуя перевода в другую базу и даже собираясь уйти в запас. Подумайте еще два-три дня. - Стрешнев протянул лейтенанту рапорт.

Но Иванов отступил на шаг и твердо сказал:

- Извините, товарищ командир, я не возьму его обратно. Я обращаюсь к вам официально и прошу дать ответ по существу.

Стрешнев еще раз внимательно посмотрел на лейтенанта и понял, что тот слишком взвинчен сейчас, разговаривать с ним, пожалуй, бесполезно.

- Хорошо. - Стрешнев встал, открыл сейф и положил туда рапорт. - Через три дня вы получите официальный ответ. Я мог бы вам отказать сразу, я имею на это право. В конце концов вас пять лет учили на полном государственном обеспечении. Даже если бы вы окончили гражданский институт, вы обязаны были бы три года отработать по месту назначения. Как видите, и основания для отказа у меня есть. Но я не стану вас удерживать, если сумею убедиться, что вам действительно необходимо уйти. Это я вам твердо обещаю. Однако дайте мне сначала самому во всем разобраться. Подождите дня три.

- Есть, подождать, - без особого воодушевления согласился лейтенант. Разрешите идти?

- Пожалуйста.

Уже переступив порог, лейтенант обернулся, хотел, видимо, что-то еще сказать, но передумал и закрыл дверь.

А Стрешнев долго еще смотрел на эту дверь. Он вспомнил, как сам в свое время жалел, что не остался в Ленинграде. Вспомнил тот вечер, когда под дождем бродил по улицам Синеморска и чуть не угодил под машину, если бы не Люся... Да, тогда он впервые пришел к ней, и с портрета на него строго смотрел Люсин отец. "Капитан покидает судно последним"... Он и сейчас произносит эту фразу как заклинание в те минуты, когда приходится особенно трудно, когда надо собрать в себе все душевные силы, собрать в кулак волю.

Иванов тоже ершист, может, именно этим он и привлекает Стрешнева. И вот, к его огорчению, спасовал, просит даже списать в запас. "Пусть успокоится, потом поговорим", - решил Стрешнев.

В Иванова он верил и был за него спокоен.

Тревожило Стрешнева другое.

За годы службы на атомных подводных лодках Стрешнев убедился, что люди здесь особенные. Не потому, что они сюда специально отбираются и готовятся. В конце концов, какими бы физическими и моральными данными они не обладали, они все же обыкновенные люди, одни лучше, другие хуже, каждый со своими достоинствами и недостатками, со своими привязанностями, привычками и увлечениями.

Но общая атмосфера службы на атомной подводной лодке такова, что на каждого члена экипажа накладывает особый отпечаток. В стальном чреве лодки бушует ядерная реакция, трудится укрощенный человеком атом. И те, кто служит на лодке, никогда не забывают об этом. У них нет страха перед атомом, они знают, как с ним обращаться. И все-таки постоянно ощущают его присутствие здесь, рядом, за стеной биологической защиты. Они достаточно осведомлены, чтобы не бояться, но они достаточно

грамотны, чтобы понимать необходимость всех мер предосторожности.

Может быть, вот это постоянное ощущение опасности заставляет их снисходительно относиться к житейским мелочам, они мыслят категориями куда большими, чем человек, живущий обычной земной жизнью. У них особенно обострены чувства ответственности, патриотизма, взаимной выручки, готовности к самопожертвованию.

Эту чистую атмосферу духовной спаянности коллектива должен поддерживать в первую очередь замполит. А Комаров не умеет влиять на людей, не пользуется у них авторитетом.

Это особенно огорчительно сейчас, когда предстоит длительный арктический поход. О нем намекнул перед отъездом командующий. А в море успех выполнения задачи, а порой и жизнь экипажа зависят не только от умения, но и от настроения каждого матроса.

Видимо, состояние партийно-политической работы на лодке беспокоило не одного Стрешнева. Политотдел соединения прислал на лодку инструктора. Перед тем как подвести итоги проверки, он зашел к Стрешневу.

- Комаров явно не тянет, - прямо сказал инструктор.

- Тут, наверное, и моя вина есть, не так уж много я ему помогал.

- Вы, Матвей Николаевич, ни при чем. Что он мальчик, первый год на политработе? Да и когда было вам его опекать, если вы только приняли лодку.

- Так-то оно так, но все-таки...

- Не надо, Матвей Николаевич, его защищать. У каждого из нас свои обязанности, и Комаров выполняет их плохо. Дело не в каких-то отдельных упущениях - у кого их нет? Дело в принципе. Комаров, несмотря на свой опыт, сегодня принципиально непригоден. Нет в нем тех душевных качеств, которые нужны политработнику сегодня. Согласны?

Разумеется, Матвей был согласен. "Толковый парень этот инструктор. Вот такого бы мне замполита, но этот этап для него уже пройденный".

Но Стрешнев еще надеялся, что Комарову можно помочь, и поэтому сказал:

- Может, Комаров сделает для себя нужные выводы и как-то выправится.

- Вряд ли. Однако я выскажу ему все, что о нем думаю.

И он действительно выложил Комарову все прямо. Стрешнев ожидал, что Комаров признает ошибки, пообещает исправиться, но тот неожиданно взъерепенился и напустился на инструктора:

- Я понял, что вы просто хотите меня выжить, вот и понадергали фактиков.

- Иван Севастьянович, нельзя же так! - попробовал осадить его Стрешнев, но Комаров уже закусил удила:

- Не вам меня учить, у меня опыт не меньше вашего...

Инструктор посмотрел на Стрешнева и только пожал плечами. Тогда Матвей жестко сказал:

- Вот что, товарищ Комаров, вы ведете себя отвратительно: не пристало нам, коммунистам и офицерам, разговаривать так друг с другом. Я вынужден прекратить этот, разговор и сообщить обо всем члену Военного совета.

- Это ваше право.

Телеграмму отправили тотчас же.

12

Дверь "люкса" была распахнута настежь, матрос Баринов утеплял окно, стамеской запихивая в щели куски пакли.

- А где Лида? - спросил Иванов.

- Не знаю, товарищ лейтенант. Минут двадцать назад за ней зашла Стрешнева, а куда они отправились и надолго ли - не сказали.

- Давайте я помогу, - предложил лейтенант.

- Не надо, я уже заканчиваю. Теперь не так будет дуть, хотя ватой заткнуть было бы лучше. А еще лучше - поролоном. Да где его тут возьмешь?

- Ничего, сейчас не зима.

- А все-таки холодно, особенно когда ветер. Лейтенант опустился на пуфик и некоторое время молча наблюдал, как Баринов, стоя на подоконнике, ловко орудует стамеской. Потом неожиданно спросил:

- Баринов, что вы считаете самым главным в службе?

Матрос обернулся, сверху вниз внимательно посмотрел на лейтенанта и весело сказал:

- По-моему, самое главное - не терять чувства юмора.

Иванов поднял голову, посмотрел на улыбающегося матроса и горько усмехнулся:

- Легко сказать. А если твое человеческое достоинство унижено, если тебя оскорбили? И тут прикажете улыбаться?

Баринов спрыгнул с подоконника, подошел к Иванову и с упреком сказал:

- Эх, товарищ лейтенант! Я в этом случае рассуждаю так: тот, кто груб, себя же больше и унижает. Его и надо жалеть, а не себя, потому что человек он и в самом деле жалкий!.. Во всяком случае, пасовать не стоит.

- А кто пасует? - настороженно спросил Иванов.

- Это я вообще говорю. В конце концов плохих людей не так уж много: раз-два и обчелся.

"Знает. Знает о моей стычке с Комаровым", - подумал лейтенант.

- Отступать нельзя, - продолжал матрос. - Нырнуть в кусты - это проще всего...

"Неужели и о рапорте знает? Но откуда? Нет, просто догадывается"...

- Что же вы предлагаете? - спросил Иванов.

- Вот я и предлагаю не терять чувства юмора. - И, собрав остатки пакли, Баринов вышел.

Иванов растерянно посмотрел ему вслед. Потом встал, подошел к зеркалу, посмотрел на свое отражение и нравоучительно заметил:

- Вот так-то, лейтенант Иванов!

И потом долго мерил шагами комнату, изредка поглядывая на часы и прислушиваясь, не идет ли Лида. Но ее все не было. Иванов вышел в коридор, но Баринова тоже не было, - должно быть, ушел ужинать. Лейтенанту и самому захотелось есть, но идти в кают-компанию сейчас не стоило.

Он порылся в столе, достал банку тушенки, открыл ее, вытряхнул мясо на сковородку.

В это время пришла Лида.

- Ты уже дома? Извини, я не думала, что ты так рано придешь. - Она взяла у него сковородку и ушла на кухню. Кажется, она не заметила его состояния, что-то напевала у плиты. А он, чтобы окончательно успокоиться, пошел в умывальник, стянул тельняшку и подставил спину под холодную струю.

Когда вернулся, стол был уже накрыт, вкусно пахло мясом и хлебом.

- Знаешь, Толик, я решила не уезжать, - сказала Лида, когда они сели за стол.

- А как же институт? Тебе же всего год остался!

- Окончу заочно.

- Ты с ума сошла! Да тут даже учебников нет.

- Это не беда, - пришлют.

- А смысл?

- Видишь ли, к первому сентября здесь должны открыть школу, а учителей пока нет.

- И тебя уговорили?

- Меня никто не уговаривал, я сама решила. Если, конечно, возьмут без диплома. И потом... - Она подошла к нему, обняла. - Есть еще одна причина: я люблю тебя.

- И не хочешь оставлять одного?

В это время в коридоре послышался топот, и Баринов, отвечая на чей-то вопрос, громко сказал:

- Товарищ лейтенант дома.

"Командир!" - догадался Иванов и встревоженно посмотрел на Лиду.

В дверь постучали.

- Гостей принимаете?

- Да, да, входите, Матвей Николаевич. - Лида засуетилась, зачем-то переставляя тарелки.

Стрешнев, перехватив умоляющий взгляд лейтенанта, согласно кивнул.

- Собственно, я на минуту. Думал, у вас Люся.

- Полчаса назад она была дома. Разве сейчас ее нет? - спросила Лида.

- А я и не заходил домой. Мне Баринов сказал, что видел вас вместе, вот я и зашел.

- Тогда садитесь, поужинайте с нами.

- Спасибо, я только что из кают-компании.

- Хотя бы чаю выпейте.

- Ну, чаю еще можно.

Наливая ему чай, Лида сказала:

- Я решила остаться здесь. Институт буду кончать заочно. Одобряете?

- А муж одобряет? - Стрешнев многозначительно посмотрел на Иванова. Тот отвел глаза и пробормотал, краснея:

- Да, да, конечно.

Лида недоверчиво посмотрела на него и усмехнулась. Он заметил эту усмешку и уже твердо, как клятву, произнес:

- Да, одобряю и, если хотите, рад.

"Тут, кажется, все в порядке", - подумал Стрешнев и сказал:

- Ну и правильно, я в этом не сомневался. - Он снова многозначительно посмотрел на Иванова. Тот выдержал взгляд и кивнул.

- Матвей Николаевич, хотите, я сбегаю за Люсей? - предложила Лида.

- Нет, не нужно, я действительно заглянул на минутку. Мне еще в штаб базы надо успеть.

Ему и в самом деле надо было повидать Дубровского, договориться насчет катера: завтра его надо послать за членом Военного совета. Стрешневу только что сообщили об этом, он догадывался, что Голубев, получив телеграмму, решил сам во всем разобраться.

Иванов, провожая командира, уже на крыльце сказал:

- Спасибо, Матвей Николаевич. А рапорт я завтра заберу.

- Ну, я еще подумаю, отдавать ли его вам. Может, сохраню на память.

- Лучше не надо. Не та память.

- Ладно, идите, а то еще простудитесь. Вон какой ветер.

Ветер и в самом деле крепчал, бухта покрылась рябью, и Стрешнев озабоченно подумал: "Как бы адмиралу не пришлось куковать на аэродроме".

Но к утру ветер стих так же неожиданно, как налетел. Дубровский пошел на катере встречать адмирала, Стрешнев тоже собирался идти с ним, но в самый последний момент раздумал: нечего навязываться, может, адмирал захочет сначала поговорить с Комаровым.

13

За тридцать с лишним лет службы вице-адмиралу Голубеву всего второй раз пришлось разбирать случай, когда командир "не сработался" со своим замполитом. Первый раз это было вскоре после войны. Командир был боевой, опытный, но слишком уверовал в свою непогрешимость и зарвался. Пришлось ставить его на место.

Вот и сейчас Голубев опасался, как бы случай не оказался аналогичным. Стрешнев еще молод, горяч, командует лодкой, как говорится, без году неделю, все может быть. Перед отъездом Голубев ознакомился с его "личным делом", и в одной из аттестаций прочитал, что "лейтенант Стрешнев иногда проявляет вспыльчивость и невыдержанность, доходящую до грубости со старшими". Хотя Голубев и слышал что-то о его стычке с Дубровским, но было это не здесь, а на Балтике, да и давненько, кто из них там оказался прав, Голубев не помнил. "Характер у людей ломается трудно, может, у Стрешнева вылезла наружу эта черта?" - думал Голубев.

О Комарове он знал больше. Комаров сначала плавал на "морском охотнике", потом на дизельной лодке, сюда пришел год назад. Особых взлетов у него не было, но и срывов не замечалось. Аккуратен, даже несколько педантичен, работящ. Правда, при последнем посещении лодки и Голубев отметил в Комарове душок формализма, собирался поглубже вникнуть в его работу, но помешал неожиданный вызов в Москву.

По давно укоренившейся привычке не торопиться с выводами, пока сам во всем не разберешься, Голубев и сейчас не склонен был кого-то обвинять или оправдывать. Он решил сначала выслушать и ту и другую сторону. "С кого же начать?" - думал он. Вообще-то следовало бы выслушать Стрешнева, потребовать от него объяснений столь необычного, из ряда вон выходящего решения. "Может быть, лучше, если разговор со

Стрешневым произойдет в присутствии Комарова. Зачем устраивать следствие, надо вести честный, открытый и прямой разговор".

И он вызвал их вместе.

- Ну-с, докладывайте, чего вы не поделили, - сказал Голубев. - Давайте сначала вы, товарищ Стрешнев.

Стрешнев начал издалека, с того, как важно поддерживать на лодке атмосферу взаимного уважения и доверия, требовательности и доброжелательности, какую роль должен при этом играть замполит. Но Голубев оборвал его:

- Извините, Матвей Николаевич, я это знаю, мне объяснять не надо. Давайте ближе к делу.

- Хорошо, я буду приводить только факты.

Стрешнев рассказал о стычке Комарова с матросом Зыряновым.

- Я начал с этого факта именно потому, что он характерен для стиля работы товарища Комарова. Не может он найти общего языка с экипажем, не пользуется авторитетом. - Стрешнев рассказал и о последнем разговоре с замполитом.

- Что скажете в свое оправдание? - спросил Голубев Комарова.

Комаров несколько мгновений колебался, потом решительно заявил:

- Мне нечего сказать, товарищ адмирал.

- И на том спасибо. А я, честно говоря, думал, что будете выкручиваться. Ладно, идите.

Когда Комаров вышел, Голубев сказал:

- Кажется, мы ошиблись, назначив его на атомную лодку. И откуда у него этот формализм? Ведь сам-то Комаров еще молод, ему бы дерзать да дерзать. А вот... И дело ведь не только в нем. По нему у людей может сложиться мнение о политработниках вообще.

- Простите, это вы зря, - сказал Стрешнев. - Люди у нас умные, понимают. На моей памяти это первый такой политработник.

- Ну, на моей побольше. Бывает, что попадают люди случайные, как говорится, не по призванию. Не тянут. Помогаем, а не получается - переводим на другую работу. Придется, видимо, и Комарову подобрать работу попроще. А вот где я вам возьму замполита? Вам же скоро идти в плаванье.

- Может, Тетерева? - подсказал Стрешнев.

- Вы совсем хотите ограбить Гуреева? Мало того, что вас от него забрали, еще и Тетерева переманить хотите? Нет, на это не рассчитывайте.

- Но не могу же я выйти в плаванье без замполита!

- Так-то оно так. Но кого же? А что если из выпускников академии? Шесть человек нам дают, но только один из них до академии служил на лодках. Мы его на новую назначаем. Ладно, мы там с кадровиками помозгуем, через недельку кого-нибудь пришлем.

- Кого-нибудь мне не надо, пришлите хорошего.

- На готовенькое рассчитываешь? Нет, брат, ты командир-единоначальник, ты не только строевых офицеров обязан воспитывать...

* * *

Голубев пробыл в базе четыре дня, но большую часть времени провел на лодке. Потратив часа полтора на ознакомление с папками Комарова, все остальное время провел в беседах с людьми. Кажется, в экипаже не осталось ни одного человека, с которым он не успел бы поговорить. Беседовал он и с инженер-капитаном второго ранга Гречихиным. И очень удивился, когда уже перед самым отъездом Гречихин снова пришел к нему.

- У меня к вам, товарищ адмирал, просьба есть. В партийной комиссии при политуправлении флота сейчас находятся мои документы. Речь идет о снятии с меня партийного взыскания: строгого выговора с занесением в учетную карточку. Дело это давнее, но вы, наверное, помните...

- Да, помню, - подтвердил Голубев. - Давно надо было снять этот выговор, не знаю, почему затянули. У вас, по-моему, за эти полтора года все шло гладко.

- Так-то оно так, товарищ адмирал, но я прошу еще отложить рассмотрение дела и вернуть документы.

- Почему? - удивился Голубев.

- Рановато снимать с меня выговор: я ведь Комарова мог давно раскусить, а вот боялся его. Боялся новых неприятностей, боялся, что Комаров может помешать снятию выговора...

Он подробно рассказал и о стычке Комарова с Зыряновым и Ивановым, о приглашении матросов на свадьбу, о разговоре по этому поводу со Стрешневым. Рассказывал, ничего не утаивая, может быть, даже несколько сгущая краски, и закончил так:

- Словом, не хватило у меня принципиальности... Адмирал не спешил с ответом. Не потому, что не знал, как отреагировать на столь необычную просьбу. Нет, тут Голубеву все было яснее ясного. Вот если бы Гречихин не пришел, а остался при своих прежних убеждениях, выговор с него наверняка сняли бы и совершили ошибку. Именно теперь, когда он сам все осознал и пережил, можно быть уверенным, что впредь он не поступится принципиальностью. Теперь выговор с него можно снимать смело.

Обычно о цели и маршруте похода экипаж узнает лишь после того, как лодка выйдет в море. Каждый раз, отправляясь в плаванье, матросы даже не знают, сколько оно может продлиться: сутки, неделю, месяц. Но на этот раз и они догадывались, что поход будет длительным, потому что продуктов брали много, ими были забиты не только штатные помещения: ящики и мешки стояли даже в проходах.

Погрузка продовольствия и снаряжения - дело всегда хлопотливое, однако оно занимает не самое важное место в подготовке к походу. Главное подготовить все механизмы и приборы, обеспечить надежность их действия в любых условиях и на длительный срок. Приходится в который раз все выверять, заменять отдельные узлы и блоки, предусмотреть все возможные аварийные ситуации, позаботиться о запасных частях. Работы у каждого и без того по горло, а тут еще без конца отрывают людей на погрузку.

И только капитан-лейтенанта Горбатенко не беспокоит даже старпом. Получив комплект ходовых карт, штурман закрылся в каюте и сутками не вылезает оттуда. Все знают, что сейчас он изучает район плавания, делает предварительную прокладку и прочие расчеты. Кроме командира, только он может сказать, когда, куда, зачем и на сколько суток пойдет лодка. Все также знают, что, как ни выпытывай, штурман все равно никому об этом не скажет. И все-таки нет-нет да и кто-нибудь из офицеров за обедом спросит:

- Где сегодня идем, штурман?

- Где-то между Марсом и Венерой, - невозмутимо отвечает штурман и, глядя в тарелку, говорит: - А суп сегодня, по-моему, пересолили. Вам не кажется?

От него отстают, начинаются обычные в таких случаях рассуждения, основанные на предположениях:

- Махнуть бы вокруг шарика, что ли?

- И всплыть бы где-нибудь в бананово-лимонном Сингапуре. Эх, пожариться бы на тропическом солнышке, а не на этой холодной сковородке, которая круглые сутки висит над головой, а не греет.

Погода стоит ясная, солнце и в самом деле висит в небе круглые сутки, но греет плохо, к тому же дует холодный ветер.

- На песочке бы поваляться! - мечтательно говорит один.

- В Сахаре, - добавляет другой.

Третий предупреждает:

- Не ходите, дети, в Африку гулять.

Все выжидательно смотрят на штурмана, а тот молча вылавливает из тарелки куски мяса и старательно жует.

Осипенко, давно привыкший к подобным разговорам, почти и не слушает их, он думает о том, как бы выкроить часок-другой, чтобы навести порядок в квартире. Командира вызвали в штаб флота, все заботы по подготовке к походу легли на старпома, он денно и нощно крутится как белка в колесе, а тут еще жена приезжает.

Все-таки он сумел выкроить время, забежал после обеда домой. Критически оценив обстановку, он прикинул, сколько времени уйдет на приборку. В кухне гора немытой посуды, на это надо минимум полчаса. Хотя он застелил газетами и стол, и шкаф, и сервант, пыль набилась везде, сквозь стекло книжного шкафа невозможно даже прочесть названия на корешках книг. На полу толстый слой пыли с отпечатками его следов. "Окна закрыты, дома я почти не бываю, а ее вон сколько набилось. И откуда она берется?" - недоумевал Петр Поликарпович.

Скинув форму, натянул пижаму, растопил плиту, поставил греться воду для посуды. Потом достал таз, нашел тряпку, закатал штаны и принялся сначала мыть пол. Лишь вымыв половину комнаты, сообразил, что начинать надо было не с пола. Сменив воду, стал стирать пыль со шкафов, подоконников, со стола.

За этим занятием и застала его Лида Иванова.

- Ой, извините, я, кажется, не вовремя, - сказала она.

- Да вот авралю, завтра жена приезжает, как бы выговор не схлопотать.

Лида окинула взглядом комнату, усмехнулась:

- Да, у вас все начато и ничего не закончено.

- Так уж получилось, сразу не сообразил. - Петр Поликарпович раскатал штанины. - Извините, я в таком виде.

- Может, я в другой раз зайду?

- Меня трудно застать дома, так что я к вашим услугам.

- Осенью здесь открывается школа, а учителей нет. Вот я и решила остаться. Мне, правда, еще год надо, чтобы закончить институт, буду заканчивать заочно. Так вот, чтобы оформить меня на работу, роно требует разрешение командования.

- Вот формалисты! Ну ладно, напишем разрешение.

- Спасибо. Вы его тогда Толику отдайте.

В это время в кухне что-то зашипело, должно быть, вскипела вода. Петр Поликарпович бросился туда. Лида тоже заглянула в кухню, увидела немытую посуду, спросила:

- Сколько же вы ее копили?

- Почти два месяца.

- Вот и оставляй вас одних!

- Знаете, все некогда, - оправдывался Петр Поликарпович. -

Забежишь вот так ненадолго, не знаешь, за что взяться. - Он посмотрел на часы и добавил: - Вот и опять всего двадцать минут осталось. Как посоветуете: домыть пол или за посуду приниматься?

- Вот что, одевайтесь-ка, - решительно сказала Лида. - Я тут без вас управлюсь.

- Что вы, что вы! - даже испугался Петр Поликарпович. - Это невозможно.

- Почему? - удивилась Лида.

- Ну, знаете, как-то неловко... И вообще...

- Что "вообще"?

- Я не смею вас беспокоить. Да и... - Он замялся, не решаясь сказать, что люди могут подумать дурное. К тому же Лида - жена его подчиненного.

Но Лида, кажется, и сама догадалась, о чем он подумал, и рассмеялась:

- Какие глупости! - Ей было и в самом деле смешно, что кто-то может что-то подумать. Хотя Петру Поликарповичу едва перевалило за сорок, Лиде он казался стариком. Но дело даже не в возрасте, будь Осипенко и молодым, все равно смешно думать, когда она так любит Толика.

- Давайте сделаем так: пока вы переодеваетесь, я схожу к Людмиле Ивановне Стрешневой, вдвоем мы с ней быстро управимся.

- Ну зачем это? Я и сам.

- Ладно, не возражайте, я побежала. - Лида выскользнула за дверь.

Через десять минут она вернулась с Люсей. Петр Поликарпович опять было начал возражать и извиняться, но они вытолкали его на улицу. Осипенко постоял на крыльце, покачал головой. Из-за двери до него доносились голоса женщин, звон посуды, плеск воды. Петр Поликарпович улыбнулся, вздохнул и заторопился в гавань.

Жена Петра Поликарповича, Антонина Андреевна, каждое лето проводила под Одессой, у его родителей. Ей, коренной сибирячке, пришлись по нраву и мягкий черноморский климат, и ласковая украинская речь, и удивительно мелодичные украинские песни, и добродушие всех окружавших ее там людей, не говоря уже о свекре и свекрови. Петр был их единственным сыном, сам он наведывался домой редко, а невестка оказалась заботливой и доброй, они ее полюбили как родную дочь. Антонина Андреевна, собираясь на Север, каждый раз с грустью ощущала, что ей совсем не хочется уезжать из этого благодатного края, от этих милых людей, и как было бы хорошо, если бы Петр

уволился в запас и тоже приехал бы сюда. Выслуги у него более чем достаточно, пенсии им хватило бы с лихвой.

И каждый раз, возвращаясь к мужу, она заводила об этом разговор. Петр Поликарпович обычно отмалчивался или отшучивался. Объяснять Антонине Андреевне, что он не мыслит жизни без флота, было бесполезно, она его не понимала. Иногда, правда, соглашалась на компромисс:

- Ну хорошо, не можешь ты жить без своих кораблей и матросиков. Переведись тогда на Черноморский флот. Тебе не откажут, ты уже двенадцать лет на Севере и, насколько мне известно, имеешь право выбора флота. Разве не такие же там корабли, не такое море, не такие же матросы?

- Так-то оно так, - соглашался Петр Поликарпович, - но я здесь привык. Тут, понимаешь, простор. Тут широкие возможности для использования современных подводных лодок, а Черное море для них все равно, что крокодилу вот этот таз. Тесновато.

Антонина Андреевна не совсем понимала, какое значение лично для него могут иметь возможности использования подводных лодок, и пускала в ход главный свой козырь:

- Родители твои старенькие уже, живут одиноко, а за ними нужен уход. Там мы все-таки ближе были бы.

Петр Поликарпович вздыхал. Он знал, что Антонина Андреевна настаивает на его отъезде с Севера еще по одной причине, хотя и не говорит об этом.

У них не было детей. Антонина Андреевна считала, что виноват в этом муж. Она слышала, что те, кто имеет дело с атомом, не могут стать отцами. Она надеялась, что там, на Украине, где много фруктов, все пройдет. Она слышала, что при облучении особенно полезна цветная капуста и сажала ее.

Но Петр Поликарпович знал, что атом тут ни при чем. Три года назад Осипенко прошел медицинскую проверку, и ему сказали, что у него все в порядке, видимо, бесплодна жена.

- Сколько ей лет? - спросил тогда врач.

- Тридцать семь.

- Поздновато вы обратились к нам. Вероятно, ее можно вылечить, но на это уйдет года два-три. А первые роды в сорок лет опасны.

Петр Поликарпович ничего не сказал жене. Пусть считает виноватым его, в конце концов какое это имеет значение, если ей все равно нельзя будет рожать.

- Тоня, может, возьмем из детдома? - спросил однажды Петр Поликарпович.

- Да, я уже думала об этом. Но если брать, то совсем

маленького. И чтобы, кроме нас с тобой, никто об этом не знал. А то бывают всякие случаи...

Они долго обсуждали, как лучше поступить. Сначала решили, что Антонина Андреевна поедет к своей матери, поживет там девять месяцев, возьмет младенца и вернется сюда.

- Да, но чем я его буду здесь кормить? Ему же молоко понадобится, а здесь нет даже женской консультации.

- И еще об одном мы с тобой не подумали. Даже твоя мать рано или поздно может проговориться. А в деревне все будут знать, что ребенок не твой. Это надо делать в большом городе, где люди даже соседей по дому но знают...

В конце концов решили, что Антонина Андреевна поедет в Москву и жить будет в гостиницах, так надежнее.

Через два дня Антонина Андреевна уехала. И когда Петра Поликарповича спросили, почему он так быстро выпроводил жену, он смущенно пояснил:

- Здесь ведь даже нет родильного дома.

И через час уже весь поселок знал, что старпом Осипенко ожидает наследника. Такие тайны в поселке хранить не умели.

15

Из штаба флота Стрешнев возвращался в базу вместе со своим новым заместителем по политической части. Капитан третьего ранга Аксенов только что закончил политическую академию. До академии он служил на крейсере, подводные лодки, тем более атомные, не знал, и это огорчало Стрешнева. Он, разумеется, понимал, что для политработника важнее умение разбираться в душах людей, а не в технике. Но служба на подводных лодках такова, что каждый член экипажа, будь то интендант, медик или химик, должен обладать хотя бы минимумом специальных знаний, прежде чем ступит на борт корабля.

И Стрешнев в первый же день отдал нового замполита на попечение Гречихина, предупредив Аксенова:

- Через неделю я буду принимать у вас экзамен по устройству лодки. Я знаю, что в академии вы изучали не только устройство, а и тактику подводных лодок, но одно дело изучать все это теоретически, а другое - на практике.

- Да, да, - рассеянно согласился Аксенов, думая о том, что скоро поход, ему как замполиту многое надо успеть сделать, и этот экзамен вовсе некстати, но без него, видимо, не обойдешься.

Он чувствовал, что к нему пока относятся настороженно, и понимал: дело тут вовсе не в том, что он не служил на лодках. Все еще помнили Комарова и опасались, как бы новый замполит не оказался таким же.

"Этот психологический барьер преодолеть будет нелегко", - подумал Аксенов.

Он был достаточно опытным человеком, чтобы не заметить и эту настороженность, и озабоченность Стрешнева, и недовольство Гречихина данным ему порученном.

- Я вас не буду особенно обременять, - предупредил он Гречихина. - Вы только в общем плане ознакомьте меня с тем, что мне крайне необходимо знать, а в деталях я уж постараюсь разобраться с помощью других.

Пройдя с Гречихиным один раз по всем отсекам от носа до кормы и выслушав его пояснения, Аксенов больше не беспокоил механика. С утра до отбоя замполит торчал то в одном отсеке, то в другом, расспрашивал матросов о назначении, принципах действия и устройстве приборов и механизмов. Он был от природы любознателен и пытлив, матросы сразу заметили, что его интерес не поддельный, и потому поясняли охотно. Когда разговор переходил и на другие темы, поддерживал любую из них и попутно знакомился с людьми.

Вскоре к нему уже начали привыкать, настороженность уступила место доверию. И как это ни странно, матросы стали доверчивее после того, как попытались его "разыграть".

Затея принадлежала электроприбористу матросу Гущину. Знакомя нового замполита с приборным отсеком, Гущин, указав на автограф глубины, пояснил:

- А этот прибор служит для контроля за уровнем радиации в отсеке. Вы были сегодня в реакторном? Вот сейчас мы и определим, сколько "бэриков" вы нахватали. Подойдите сюда. Ага, вот видите цифру? Семнадцать и две десятых. Товарищ капитан третьего ранга, вам надо немедленно к врачу.

Матросы, столпившиеся у двери приборного отсека, едва сдерживали смех, предвкушая "покупку". Аксенов, покосившись на них, озабоченно сказал:

- Да, нахватался! Ну-ка, попросите сюда врача. Кто-то сбегал за врачом. Пока тот протискивался сквозь толпу у двери, ему что-то шептали, видимо, вовлекая в "розыгрыш".

- В чем дело? - спросил он Аксенова.

- Да вот тут я обнаружил, что один прибор не на месте. Он должен по штату стоять в вашей каюте.

- Какой прибор? - серьезно спросил врач.

- Вот. - Аксенов указал на автограф глубины. - Этот прибор измеряет количество извилин в мозгу человека. Посмотрите, как он действует. Товарищ Гущин, встаньте сюда, мы у вас измерим. - Аксенов включил автограф.

Поскольку лодка стояла на месте, то автограф, естественно,

вычертил прямую линию.

- Да, всего одна извилина, да и та прямая, - сказал доктор, не понимая, кого же тут "разыгрывают".

- Поэтому я вас и пригласил.

Гущин, почесав затылок, весело заметил:

- Не густо ж отпущено извилин для Гущина.

Взрыв хохота потряс отсек.

По достоинству оценив столь самокритичный экспромт Гущина, Аксенов подумал, что матрос, наверное, пишет стихи и его надо включить в состав редколлегии стенной газеты.

* * *

Секретарь партийного бюро капитан третьего ранга Пашков оказался самым свободным из офицеров, для его боевой части в предстоящем походе не предусматривалось особых задач. Знакомя Аксенова с планами и протоколами собраний и заседаний партийного бюро, Пашков как бы между прочим заметил:

- Тут у нас все в ажуре. Прежний замполит был большим любителем бумаг и аккуратистом.

- А разве это плохо? - спросил Аксенов.

- Конечно, партийное хозяйство тоже надо держать в порядке, согласился Пашков и досадливо подумал: "А ведь, наверное, нехорошо, что я начинаю разговор с охаивания Комарова. Это и нового замполита ставит в неловкое положение".

Аксенов и в самом деле чувствовал себя неловко. С кем бы он ни заговорил, ему иногда прямо, иногда намеками давали понять, что Комаров был не годен, при этом как бы предупреждали: "Не будь похожим на него". Пашков со свойственной ему прямотой тоже сразу предупредил:

- Не любили у нас Комарова, поэтому и к вам так недоверчиво относятся. Не обижает это вас?

- Нет, хотя, откровенно говоря, мне не очень приятно.

- Теперь давайте думать, как с вами будем работать. С чего начнем?

- С самого начала, то есть со знакомства с людьми. Я тут, пока изучал устройство корабля, кое с кем успел уже познакомиться. Пока лишь бегло. Но, надеюсь, вы поможете...

- Да, я уже слышал, как мой подчиненный матрос Гущин хотел вас разыграть, - улыбнулся Пашков.

- Вот с него и начнем. Что он за человек?

- Парень неплохой и специалист грамотный. Был у него тут однажды прокол: сгорел блок питания автомата. Поструганули мы его за это, до сих пор переживает. Он человек эмоциональный...

- И стихи пишет.

- Про стихи ничего не знаю, может, и пишет.

- Пишет, да еще какие! Вот, - Аксенов достал из стола тетрадку. - В основном, правда, лирические, но это ему и по возрасту положено. Почитайте-ка вот это.

Пашков взял тетрадку, прочел одно стихотворение, другое, удивленно воскликнул:

- А ведь здорово пишет! И скрывал от меня.

- Он и от своих друзей скрывает, так что это пока тайна, не выдавайте ее. Я обещал никому эту тетрадь не показывать и, как видите, уже нарушил обещание. Больше того: три стихотворения перепечатал и послал в газету. Может, опубликуют.

- Напечатают! - уверенно сказал Пашков. - То, что они иногда печатают, значительно слабее. Извините, я еще почитаю.

Пока Пашков читал, Аксенов внимательно наблюдал за ним. Лицо у Пашкова неправильное, грубоватое: широкий, почти квадратный лоб тяжело нависает над узкими подвижными глазами; нос, пожалуй, маловат; а вот губы - слишком толстые, хотя и правильной формы; чисто выбритый синеватый подбородок для такого лица мал. Но все эти непропорциональные части как-то удивительно уживаются на этом лице, придавая ему гармоничное выражение.

Вот, должно быть, что-то понравилось ему, он улыбнулся сначала одними глазами, потом чуть шелохнулись крылышки ноздрей, и губы непроизвольно растянулись в улыбке. Он провел ладонью по щеке и как бы стер эту улыбку.

Они проговорили до поздней ночи. Слушая Пашкова, Аксенов проникался к нему уважением и симпатией. Трудно сказать, что именно расположило Аксенова. В своих суждениях Пашков был, пожалуй, слишком категоричен. Но за внешней грубоватостью Аксенов легко угадывал добрую душу, глубокую порядочность. Он невольно сравнивал Пашкова с Осипенко и теперь понял, почему они так дружат. То, что у одного было всегда на виду, у другого было скрыто, но оба они, безусловно, были близки по своим убеждениям, душевной настроенности, по своим взглядам на жизнь. Аксенов, сразу заметивший, что они дружат, позавидовал им.

Пашков вскоре убедился, что Аксенов человек открытый и общительный. Пашкову понравилось и то, что новый замполит старается все время быть на людях, и то, что он не хочет, чтобы при нем хаяли Комарова, и то, что не обиделся на "розыгрыш", и то, что матрос Гущин дал ему тетрадку со своими стихами. "Человек он, видать, не глупый и порядочный", - думал Пашков.

Провожая Аксенова до гостиницы, Пашков говорил:

- Это хорошо, что скоро пойдем в плавание. Вы сразу

почувствуете, как в наших условиях важен душевный заряд человека. Знаете, у нас существует проблема психологической совместимости. Есть эта проблема и у космонавтов. Каждый день одно и то же: та же работа, те же вокруг приборы и переборки, те же лица и те же разговоры. Изо дня в день. Люди становятся раздражительными. И вот представьте, если в такой обстановке даже один начинает нервничать, это действует на других. Тут в полной мере оправдывается пословица о паршивой овце. Ну, я уж не говорю о том, чтобы затеялась ссора, или что-то в этом роде... Вот почему для нас настроение людей - не отвлеченное понятие, а вполне конкретный показатель, я бы назвал его коэффициентом боеспособности.

"Это он хорошо сказал - "коэффициент боеспособности", - думал Аксенов, лежа в постели. - Но сколько коэффициентов содержит само понятие "настроение"! Тут, пожалуй, ни один математик не подсчитает, ибо ничто так не уязвимо в человеке, как его настроение. На него влияет и некстати оброненное слово, и бессонная ночь, и даже изжога. Может быть, и активность солнечных пятен влияет. Попробуй-ка учти все это!"

Аксенов заснул только под утро. И так крепко, что не слышал, как встали соседи по комнате. Разбудил его матрос Баринов.

- Товарищ капитан третьего ранга, до подъема флага осталось полчаса, говорил он, тряся Аксенова за плечо. - Опоздаете.

Аксенов взглянул на часы, вскочил:

- Спасибо, я и верно проспал бы.

Наскоро побрившись, Аксенов побежал в гавань. У проходной встретил Пашкова и тот сообщил:

- Вас командир спрашивал, но вы на завтрак не пришли.

- Проспал, - признался Аксенов.

- Бывает, - улыбнулся Пашков. - А вы командира здесь обождите, он сейчас придет.

И верно. Стрешнев вскоре появился.

- Хорошо, что вы здесь. Я вас попрошу заняться встречей гостей. Мне просто не до них.

- А что за гости?

- Пойдут с нами. Пока разместите их в гостинице, Дубровский обо всем знает. Надо Баринова предупредить. Покормите их, а заодно и сами позавтракайте. До обеда займите их чем-нибудь. Катер подойдет ко второму причалу через пятнадцать минут, так что поспешите.

Оказывается, Баринов обо всем знал и сейчас с другими двумя матросами переставлял койки, освобождая для гостей комнату. Убедившись, что тут все будет в порядке, Аксенов

побежал на причал. Рейсовый катер уже входил в гавань.

Гостей оказалось семеро и все с багажом. Двое океанологов с помощью матросов осторожно вытащили на причал четыре ящика. Судя по предупреждающим надписям, в ящиках была аппаратура. Специалист по акустике подал с катера два увесистых чемодана. Двое операторов и режиссер военной киностудии тащили камеры и коробки с пленкой. И только ихтиолог вышел с небольшим чемоданчиком.

Пришлось разыскивать машину, чтобы все это перевезти. Выручили строители, для них этим же катером привезли гвозди.

Оператор по дороге несколько раз останавливался и повторял:

- Нет, вы посмотрите, какая панорама! На полюсе такой не будет.

Из этого Аксенов заключил, что лодка, видимо, пойдет на полюс, киношники - народ осведомленный, хотя, подчас, и болтливый.

16

Но достижение Северного полюса было не главной и далеко не единственной целью похода. Главным было изучение мало исследованного района Арктики, возможности использования его для плавания подо льдами. Попутно лодка должна была в районе полюса поставить автоматическую метеостанцию и на всем пути следования тщательно изучить гидрологическую обстановку и обитаемость глубин Арктики. Собственно, последняя часть задачи возлагалась лишь на ихтиолога, но один он, разумеется, много не сделает, и Стрешнев поручил штурману всячески содействовать "рыбьему профессору", как окрестили ихтиолога матросы.

И то, что полюс был на втором плане задачи, лишний раз напоминало Стрешневу разговор с главкомом о повседневности и будничности подледных плаваний. Конечно, зайдя на полюс, они не станут его первооткрывателями. Там уже побывали другие лодки. "Но ведь сейчас мы не просто повторяем их путь. Задачи с каждым походом все более усложняются, и в этом смысле всякое новое плаванье является первооткрытием чего-то. И очень важно, чтобы каждый матрос ощущал это", - думал Стрешнев.

Вскоре после того, как лодка вышла из гавани и погрузилась, он, объявляя по трансляции задачи похода, счел нужным добавить:

- Мы идем в такой район Арктики, куда не заходила ни одна лодка. Нам предстоит высокая честь первыми обследовать и изучить его. И я твердо верю, что каждый из вас отнесется к этому с должным пониманием и ответственностью...

- А все-таки жаль, что не сразу к полюсу идем, - сказал потом

Аксенов. - Само слово "полюс" звучит романтичнее. По-моему, и матросы несколько разочарованы.

- Возможно. А вы при случае объясните им, что сначала выполняется самая главная и самая трудная часть задания. Ведь случись на переходе к полюсу что-нибудь, придется возвращаться, не обследовав важный район.

Собственно, он и сам мог бы объяснить все это матросам. Но он преднамеренно вовлекал в это Аксенова, полагая, что с такой животрепещущей в данный момент темы замполиту легче будет начать любой разговор. И вообще пусть пройдет по отсекам, посмотрит на людей в работе.

А работали они много, хотя до кромки паковых льдов было еще далеко. Проверялись на всех режимах приборы и механизмы, даже те, в работе которых сейчас не было особой нужды. Океанологи начали свои измерения, ихтиолог брал первую пробу. Осипенко, штурман и представитель гидрографического управления Кошелкин изучали карту района, обращая внимание главным образом на глубины. Но промеры здесь производились лишь по маршрутам проходивших когда-то ледоколов и ледовых станций, а там, где глубины были обозначены, рядом с четырехзначной цифрой можно было встретить и двузначную. А двузначные - это уже опасно. Высота лодки от киля до ограждения рубки составляет много метров. Толщина льда в обследуемом районе по прогнозам около тридцати метров. К этому надо прибавить минимально допустимое расстояние от рубки до нижней кромки льда, да еще оставить несколько метров под киль. Даже при глубине в сотню метров придется пролезать между льдами и дном океана.

Представитель гидрографического управления Кошелкин прибыл лишь накануне выхода, предварительную прокладку Горбатенко сделал без него, и сейчас, просматривая ее Кошелкин озабоченно говорил:

- Идти тут - все равно, что продергивать нитку в ушко иголки...

- С той лишь разницей, что нитку, если не попадешь с первого раза, можно попробовать вдернуть и во второй раз и в третий, - заметил Осипенко. А нам ошибаться нельзя...

И Стрешнев, разделяя их беспокойство, уже подумывал уменьшить скорость хода при плавании в этом районе. В графике похода есть резервные сутки на непредвиденные обстоятельства, не израсходовать ли хотя бы часть эти суток?

Аксенов пошел по отсекам, Гречихин сидит за пультом управления энергетической установкой. И только Пашков коротает время за беседой с ихтиологом. Через час Пашкову заступать на вахту, мог бы отдохнуть, но, видимо, считает неудобным в самом начале похода отлеживаться в каюте.

- Иван Спиридонович, - окликнул его Стрешнев. - Идите поспите.

- Не хочется. Да вот и рыбками интересуюсь. - Он заглянул через плечо ихтиолога, прильнувшего к телевизионному экрану. Прозрачность воды здесь плохая, на экране видны лишь мутные тени, к тому же сейчас работают все приборы, и лодка на много метров "одета" шумами гидролокатора, эхолота, эхоледомера и гребных винтов. Рыбы, наверное, шарахаются от нее.

Стрешнев поднял перископ, заглянул в окуляры. Через перископ было видно значительно лучше, чем через телекамеру. Позвав ихтиолога, Стрешнев уступил ему место у перископа.

- Минут семь-восемь можете посмотреть.

- Но тут совсем ничего не видно, - сказал ихтиолог.

- У вас какое зрение?

- Плюс шесть с половиной.

Вращая ободок диоптрийной настройки, Стрешнев помог ему навести на резкость.

- Вот теперь другое дело! А знаете, очень даже красиво! - воскликнул ихтиолог. Это восклицание будто подбросило сидевшего у гидроакустической рубки кинооператора.

- Дайте и мне посмотреть! - потребовал он. Однако, посмотрев, разочарованно сказал: - Слишком статичное изображение.

А ихтиолог смотрел, не отрываясь. Ход увеличили до полного. Стрешнев решил на участке перехода до кромки льдов сэкономить хотя бы еще три-четыре часа.

Отдав все необходимые распоряжения и оставив за себя вахтенного офицера, Стрешнев зашел в выгородку штурмана и тоже склонился над картой. Собственно, о районе, кроме этой карты и скупой записи в лоции, им ничего не было известно.

- Если судить по наклону береговой полосы и геологической характеристике побережья, то глубины в этом районе везде должны быть большими, - сказал Горбатенко. - Однако на карте обозначены и малые.

- Пока проложите курс по линии наибольших глубин, отмеченных на карте, - сказал Стрешнев. - Нам ничего другого не остается, хотя карте полностью доверять не следовало бы.

- Мне кажется, что эту зону надо предварительно прощупать гидролокатором, - предложил Осипенко. - Для этого придется

дополнительно сделать семь-восемь галсов.

- Что же, вполне резонно, - согласился Стрешнев. - Какой прогноз погоды на ближайшую неделю?

- Ветер пять-шесть баллов, - доложил Горбатенко. - Возможно торошение льдов.

В выгородку заглянул Пашков, спросил:

- Разрешите очередной смене заступать на вахту?

- Да, пожалуйста, - разрешил Стрешнев. - А вы, Петр Поликарпович, идите отдыхать. Нам с вами предстоит не одна бессонная ночь. Через три часа подмените меня.

- Есть, отдыхать! - по-уставному вытянулся Осипенко, но все-таки добавил: - К вашим услугам.

Кошелкин, еще не привыкший к этой поговорке, удивленно посмотрел на старпома.

После смены вахт Стрешнев приказал увеличить глубину погружения еще на двадцать метров.

* * *

Рано утром лодка нагнала большой караван судов. Вероятно, это был уже последний караван, до конца навигации на Северном Морском пути еще месяц, но суда должны вернуться раньше, чем будет скован льдами проход через Карские ворота. Сведения об этом караване Стрешнев получил еще до выхода, знал, что ведет его атомный ледокол, что в составе его четыре лесовоза, два сухогруза и танкер.

- Акустики! Классифицировать шумы! - все-таки приказал он, подумав: "Посмотрим, сумеют ли они точно определить состав каравана". Через несколько минут, получив доклад акустиков, удовлетворенно отметил, что они не ошиблись.

Караван тащился со скоростью восемь узлов, надо было его обогнать. Хотя корабли и свои, но даже им не положено знать, что в этом районе есть подводная лодка. Пришлось делать большой крюк, однако, когда Стрешнев вновь поднял перископ, караван уже не был виден, лишь над самой чертой горизонта висели дымки пароходных труб.

К юго-западной кромке паковых льдов лодка подошла на следующее утро. Прежде чем нырнуть под лед, следовало бы всплыть для более точного определения места астрономическим способом. Но всего три часа назад штурману удалось через перископ замерить высоты трех звезд. Определенное по ним место почти точно совпадало с тем, что выдала навигационная система. Невязка была настолько малой, что можно было сейчас не всплывать и таким образом наверстать время, потерянное на обходе каравана.

Но Стрешнев все-таки приказал подвсплыть на перископную

глубину. Пока Горбатенко вел через перископ астрономические наблюдения, освежили воздух в отсеках. Радисты не только передали радиограммы в штаб, а приняли и записали на магнитофон очередной выпуск последних известий. Позднее, когда будет свободное время, они прокрутят пленку для всего экипажа, а пока Аксенов уносит кассету к себе в каюту, видимо, боится, что ее могут затерять. "Это он зря", - думает Стрешнев. Хотя сейчас и в самом деле ведется много всевозможных записей на магнитофон, радисты вполне аккуратны, все у них разложено по полочкам и коробкам, перепутать, а тем более затерять пленку они не могут.

Гречихин решил избавиться от накопившегося за сутки мусора и продуть сточные цистерны санитарных узлов. Даже океанологи, используя специальное устройство, успевают взять пробы воды для себя и планктон для ихтиолога.

Штурман, замерив высоту солнца, отходит от перископа, уступая место старпому. Осипенко, осмотрев горизонт, докладывает:

- Прямо по носу в четырех кабельтовых вижу плавающую льдину.

- Убрать все выдвижные устройства! - приказывает Стрешнев. Погружаться на глубину восемьдесят метров!

Вскоре перья эхоледомера вычертили конфигурацию этой, замеченной старпомом, льдины. Потом встретилось еще несколько отдельно плавающих льдин, все они были небольших размеров с осадкой в полтора-два метра. Видимо, их оторвало от кромки и отнесло ветром, они уже успели подтаять. Если верить последней метеосводке, температура воздуха наверху около нуля градусов.

Миновав небольшой участок чистой воды, лодка вошла под сплошную шапку пакового льда. Теперь перья эхоледомера вычерчивали причудливые башенки и острые пики вершин, нижняя кромка льда напоминала древний сказочный город с зубчатыми стенами крепости, с островерхими крышами домов и колокольнями церквей. На экране телевизора это выглядело так красиво, что кинооператор воскликнул с восторгом:

- Вот бы что снять-то!

Однако столпившиеся у эхоледомера и телевизора члены экипажа не разделяли его восторженного настроения. У них были серьезные, озабоченные лица. Кроме самого Стрешнева, только Осипенко и Гречихин плавали подо льдами. Они знали, какими волнующими бывают эти первые минуты, когда лодка входит под голубую шапку земли. И еще знали, что в эти минуты в человеке все напряжено до предела, он невольно думает о том, что, если,

упаси бог, случится какая-нибудь неисправность, лодке уже никто не поможет. Нет, это не страх, а обостренное ощущение ответственности за каждый свой шаг, за каждое свое действие и движение. Именно в такие минуты наивысшего нервного напряжения человек чаще ошибается.

Можно, конечно, увеличить глубину погружения, эхолот показывает, что под килем запас еще в полторы тысячи метров. Но впереди исследование малоизвестного района, возможно, придется на брюхе протискиваться между дном океана и льдами и надо, чтобы уже сейчас экипаж привыкал к этому. А снять напряжение лучше всего, если убедить людей, что никакой реальной опасности пока нет. И убедить не словами...

- Петр Поликарпович, - обращается Стрешнев к старшему помощнику, - а не вздремнуть ли мне минуток полтораста? Надеюсь, вы тут и без меня управитесь?

- Да, конечно, к вашим услугам, - так же спокойно соглашается Осипенко. - Ничего интересного пока нет.

И Стрешнев неторопливо направляется к себе в каюту. Может быть, только старший помощник и догадывается, что у командира сейчас нервы натянуты до предела, что в каюте он будет волноваться еще больше, ни о каком сне не может быть и речи, что это спокойствие - напускное.

Хотя размеры атомной подводной лодки не уступают размерам крейсера, офицерские каюты здесь маленькие. В каюте командира небольшой письменный столик с тремя разноцветными телефонными аппаратами и кнопочной панелью переговорного устройства, по которому командир может говорить с любым человеком на корабле. И сейчас, войдя в каюту, Стрешнев едва удержал себя от того, чтобы соединиться с центральным постом.

Слева от стола - узкий металлический шкаф для одежды, окрашенный под дуб. На задней стенке умывальник с зеркалом, а вдоль противоположной стены вытянулся откидной диван. Над ним пощелкивает лаг, рядом укреплены на переборке репитер гирокомпаса и глубиномер. Растянувшись на диване, Стрешнев не спускал с этих приборов глаз. Сейчас, оставшись один, он засомневался в правильности принятого им решения. "Может, зря я ушел? Все-таки рискованно в такой момент оставлять центральный пост на старпома". И тут же успокоил себя: "Осипенко не хуже меня справится. На Гречихина тоже можно надеяться, специалист он хороший".

Все-таки надо было отдохнуть, пока не пришли в тот малоисследованный район. Он знал, что потом отдыхать не придется.

За десять с лишним лет службы на подводных лодках Матвей приучил себя засыпать в любое время и в любой обстановке. Он мог не спать и двое, и трое суток, но способен был спать и по десять часов подряд, и по двенадцать, а однажды проспал даже более суток.

Но сейчас сон не шел. Чтобы отвлечься от повседневных корабельных забот, он стал думать о Люсе, об Иришке, о том, что после похода все-таки возьмет отпуск и поедет с семьей на юг. Матвей не любил курорты, он не умел целыми днями валяться на пляже, он и в отпуске был так же непоседлив, как и на службе. Но в этом году он твердо решил все-таки поехать на юг. Ради Иришки. Хотя лето она проведет у бабушки в Синеморске, но нынче и там дождливо и холодно. Может быть, следовало отправить жену с дочерью на все лето на юг, но Люся, наверное, опять уже работает.

Хотя офицеры на лодке в основном молодые, а все-таки женатых одиннадцать человек. И каждый, наверное, вспоминает об оставшейся на берегу семье не только в редкие минуты уединения. А каково их женам!

"Сколько тысяч жен живет сейчас только на побережье Ледовитого океана? - думал Матвей. - Они месяцами живут одни, взяв на себя все заботы по воспитанию детей, по ведению, ох какого нелегкого, домашнего хозяйства. Им и печку надо истопить, и дров наколоть, и уголь достать. Ведь кое-где в новых гарнизонах нет даже электричества и воды, приходится растапливать снег и лед... Выскочит какая-нибудь городская девчонка за молодого красивого моряка-лейтенанта, завезет он ее на самый край света, а сам в море уйдет на месяц, а то и на два-три. И все эти три месяца живет в нем тревога за эту выросшую в тепличных условиях пичугу. Случается, что улетает пичуга в края более теплые, под крылышко к маме и папе. Но ведь это бывает редко, большинство таких пичуг выживает в этих холодных краях. И порой даже удивляешься, откуда в них берется столько физических сил, мужества и терпения.

"Что придает им душевные силы? Любовь? Да, и любовь. Но, наверное, не только она. А может быть, то же сознание долга, которое руководит и поступками их мужей? Вот это сознание, что кому-то надо плавать подо льдами. Может быть, они тоже так рассуждают? Нет, скорее, они отдаются чувству, женщине не свойственна холодная рассудительность".

Он вспомнил о памятнике лейтенанту в том городке, где служил раньше. Этот лейтенант еще не успел жениться. "А почему бы не поставить где-нибудь в глухом гарнизоне памятник женщине, жене моряка или летчика? Чтобы мужья, проходя мимо

него, останавливались бы н отдавали дань уважения своим подругам, задумывались, почему так редко они доставляют им радость н не слишком ли часто огорчают их, без всякой на то причины. Право же, наши жены заслуживают большего уважения"...

Он даже придумал, где можно поставить такой памятник: на скале, неподалеку от того героического стотридцатимиллиметрового орудия. Чтобы, уходя в море и возвращаясь домой, моряки за много миль от базы видели эту глядящую в даль океана ожидающую их женщину. И пусть у нее будет строгое и грустное выражение лица, сурово поджатые губы и горестные складки в уголках рта. Упаси бог, если какой-нибудь сентиментальный скульптор сделает ее улыбающейся и махающей платочком. Северянки сдержанны и работящи. Такими их сделала жизнь. Хотя она и не сумела и, наверное, никогда не сумеет сделать их бездушными.

17

Люся рассчитывала, что устроиться на работу ей будет легко. В поселке развертывалось большое строительство, к причалу подходили пароходы и баржи с лесом, кирпичом, цементом и другими строительными материалами, а на берегу круглые сутки мотали длинными шеями стрел желтые краны, рычали экскаваторы и бульдозеры.

На другой же день, после того как Матвей ушел в море, Люся пошла в строительное управление. Оно размещалось на окраине поселка в длинном дощатом бараке, выкрашенном в зеленый цвет. Отыскав в коридоре дверь с написанной от руки табличкой "начальник управления", Люся постучала. Ей никто не ответил. Тогда она чуть приоткрыла дверь н заглянула внутрь. В комнате никого не было. У окна стоял обшарпанный канцелярский стол и несколько некрашеных табуреток, на подоконнике примостился ящик полевого телефона.

Люся прикрыла дверь и оглянулась, не зная, к кому ей теперь обратиться. В конце коридора за фанерной дверью кто-то одним пальцем стучал на машинке, Люся направилась было туда, но в это время с улицы в коридор шумно ввалились трое военных, о чем-то громко разговаривая. Впереди шел инженер-полковник высокий, плотный с седеющими висками и густыми черными бровями, из-под которых поблескивали живые, острые и пытливые глаза. Это и был начальник управления Парамонов.

- Вы ко мне? - спросил он Люсю.

- Да.

- Подождите, - сказал полковник своим спутникам и, распахнув дверь кабинета, пригласил Люсю: - Прошу.

Предложив ей сесть, он остался стоять, выжидательно н нетерпеливо глядя на посетительницу. Должно быть, ему было некогда, и Люся поспешно объяснила, зачем пришла.

- Так. - Парамонов наконец сел и озабоченно нахмурился. - Нам очень нужны люди, особенно инженеры. Но вот какая история: единственная должность инженера-электрика у нас уже занята. Может, пойдете плановиком или экономистом?

- Но я в этом ничего не смыслю, - призналась Люся.

- Да, конечно, у вас другая специальность. А может, попробуете? Вам же в институте читали курс основ экономики и планирования.

- Вот именно - основ. А тут практическая работа. Нет, не потяну. К тому же я окончила не просто строительный, а кораблестроительный институт и мой профиль - корабельное электрооборудование. Сами понимаете, что от экономики и планирования это слишком далеко.

- А жаль! Может, прорабом пойдете? Есть две вакансии.

- Ну какой из меня прораб?

- Да, конечно, - опять согласился Парамонов. - Это тоже далеко от вашего профиля. К тому же проектная документация имеется только на половину объектов, остальное строим на свой страх и риск, тут нужны люди опытные. Вот ведь ситуация: в управлении девять инженерных вакансий, а для вас ничего подходящего нет.

- Возьмите хотя бы сварщицей.

- С дипломом-то? Во-первых, не имею права, а во-вторых, сомневаюсь, справитесь ли.

- Вот тут уж можете не сомневаться. Я на заводе три года работала бригадиром сварщиков.

- Бригадиром могу взять. Кстати, и зарабатывать будете больше, чем экономист или плановик.

- Ну, для меня это не так уж важно.

- Возможно. Но мы пока еще не при коммунизме живем. - Парамонов встал, приоткрыл дверь и сказал ожидавшим в коридоре офицерам: - Зайдите-ка минут через сорок, у нас разговор долгий. - И, обращаясь к Люсе, предложил: Пойдемте, посмотрите на работу сварщиков, они как раз арматуру готовят.

Когда вышли из дощатого барака, Парамонов спросил, кивнув на стоявший у обочины "газик":

- Подъедем? Или предпочитаете пешком? Тут всего метров семьсот восемьсот. - Однако, поглядев на Люсины туфли, махнул шоферу, и "газик" подкатил к крыльцу.

Минут через десять они уже были в центре поселка, где строилась школа. Ее должны сдать к началу учебного года;

строители приехали с семьями, учеников оказалось достаточно. А до сентября оставалось чуть больше месяца, строители торопились: еще не закончив кладку фундамента, уже наращивали опорные колонны. Арматуру для этих колонн и готовили сейчас сварщики.

Их было четверо, по одному на каждой колонне. Это были совсем молодые солдаты, наверное, по первому году службы. И только один, судя по всему, был опытный.

Остальные действовали робко и неумело, Люся заметила это сразу, хотя работа, которую они выполняли, была самой простейшей.

- Ефрейтор Глушко! - зычным голосом крикнул Парамонов, и тот, кого Люся сочла более опытным, оглянулся. Потом погасил горелку, закинул щиток и стал спускаться.

- Товарищ полковник, бригада сварщиков находится на работе, - доложил он, поднеся руку к щитку.

Парамонов поздоровался с ним и спросил:

- Когда закончите?

- Дня через два.

- А точнее?

- Может, завтра к вечеру.

- Нет, вы точно скажите, я должен знать, в котором часу подать раствор для заливки колонн.

- Та разве ж с ними можно точно сказать, товарищ полковник? Вон видите, - ефрейтор кивнул на работавшего с левого края солдата. У того, должно быть, что-то случилось с аппаратом, он беспомощно оглядывался на ефрейтора, не решаясь окликнуть его в присутствии большого начальства.

- Ну-ка, я попробую, - сказала Люся и, обходя лужи, направилась к колонне, на которой работал незадачливый солдат. Когда она стала подниматься, придерживая одной рукой юбку, полковник и ефрейтор деликатно отвернулись. Но вскоре, услышав треск сварки, дружно, как по команде, повернулись и подняли головы. Солдат, прикрываясь рукавицей, наблюдал, а Стрешнева, надев щиток, варила. Вот закончила один узел, передвинулась, начала второй, потом третий, четвертый...

- Во дает! - восторженно сказал ефрейтор. - Как орехи щелкает. Где вы такую откопали, товарищ полковник?

- А что, по-вашему, хорошо работает?

- Классно! Видать, опытная. Я и то так не смогу.

- Вот она и будет у вас бригадиром. Извини, что тебя приходится понижать, но она по образованию инженер, институт окончила.

- Та разве ж я против, товарищ полковник? Я даже рад, что с

меня за этих охломонов ответственность снимут. А десятку, которую я за бригадирство получаю, за неделю наверстаю.

Когда Люся спустилась вниз, Парамонов спросил:

- Документы у вас с собой?

- Нет.

- Завтра принесете. Диплом, трудовую книжку и паспорт. Кстати, у вас какой размер обуви?

- А что при оформлении на работу и это имеет значение?

- Имеет. Не в туфельках же вы будете работать? А сапог у нас на складе меньше сорокового размера нет. Остальную спецодежду вам выпишут.

- Спасибо. А без сапог я как-нибудь обойдусь.

- Вряд ли. Впрочем, это ваше дело. Вас подвезти до дому?

- Не надо, я тут еще с ребятами поговорю.

- Ну, как знаете. - Парамонов направился к машине.

- Он чем-то недоволен? - спросила Люся, когда "газик" отъехал.

- Сапог нет, вот и недоволен, - сказал ефрейтор. - А без них вам действительно не обойтись. У вас муж моряк? Пусть обменяет на базе, там, я слышал, есть маленькие размеры.

- Хорошо, я попытаюсь. А теперь расскажите мне, что приходится делать сварщикам на стройке.

Сварку арматуры для колонн они закончили к вечеру следующего дня. Пока плотники "шили" опалубку, а бетонщики заливали колонны, сварщики работали на причале. Строительство причала, видимо, начато давно, еще до прихода кораблей, и рассчитано на несколько лет. Люсе приходилось бывать во многих портовых городах, по такого причала она не видела.

Работа здесь оказалась сложной, даже ефрейтор Глушко то и дело обращался за помощью. Однако через два дня и он приспособился, дело пошло быстрее и к концу недели бригада впервые выполнила норму. Но к этому времени привезли блоки для школы, и бригаду опять перебросили туда. Со школой спешили, пришлось работать по две смены. К тому же многие блоки оказались побитыми при погрузке и выгрузке, попадались и вовсе нестандартные, приходилось их подгонять.

Инженер-полковник Парамонов, глядя на горбатые стены, сокрушенно вздыхал:

- Придется штукатурить снаружи, а на это, как минимум, дней десять понадобится. И то лишь при условии если будет хорошая погода.

- Оштукатурить можно и потом, - соглашался председатель поселкового Совета, тоже денно и нощно торчавший на стройке. -

Главное - вовремя начать занятия.

- Нет, такую уродину я не могу сдать. Да еще в центре поселка. Представьте, приедет новый человек, увидит эту хламину, спросит, кто строил. Вы же и скажете, что строил некто Парамонов. Позор падет на мою седую голову.

- Ну, нам сейчас не до соображений личного престижа.

- А при чем тут престиж? Для детишек же строим, вот в чем дело! Помимо всего должны воспитывать эстетический вкус.

Упорство Парамонова нравилось Люсе. Обычно строители стараются спихнуть заказчику объект абы как. Обещают устранить недоделки в следующем квартале, клянутся, пишут гарантийные письма, даже устраивают роскошные обеды для членов приемной комиссии. Но, подписав приемо-сдаточный акт, тут же начисто забывают обо всех своих обещаниях и клятвах, и заказчику самому приходится годами устранять недоделки, потому что у заказчика нет ни строительных материалов, ни специалистов, ни денежных средств.

Парамонов нравился Люсе и тем, что при всей своей внешней суровости, был человеком чрезвычайно внимательным и чутким. Однажды, отозвав Люсю в сторонку, он предупредил:

- Вы, пожалуйста, постарайтесь, чтобы Глушко не поднимал тяжестей. Он перед вами петушится, а ведь у него всего полтора месяца назад была тяжелая операция...

Как-то, выезжая в штаб флота, Парамонов вернулся оттуда нагруженный коробками, свертками, пакетами и, заехав на участок инженер-лейтенанта Гуселышкона, отдал все это ему.

- Тут вот, понимаете ли, по пути кое-что прихватил. Ананасы там, апельсины, свежие помидоры и огурцы. Мне это ни к чему, а для ваших малышек как раз будет, - смущенно сказал Парамонов. - Им витамины сейчас особенно нужны.

Оказывается, у инженер-лейтенанта Гусельникова две девочки-близнецы, им всего по три годика, а они за свою короткую жизнь уже на четвертое место переехали.

Внешне Парамонов ко всем относился спокойно и ровно, никогда не повышал голоса. Лишь однажды Люся слышала, как он кричал на начальника участка:

- Идите и посчитайте! Пешком до самой гавани! И пока все не пересчитаете, не показывайтесь мне на глаза!

- Есть! - начальник участка повернулся и понуро побрел по дороге к гавани.

Парамонов, заметив Люсю, сказал:

- Вот головотяпы! - И, уже успокаиваясь, пояснил: - Я сейчас на одном километре дороги насчитал восемьдесят девять кирпичей. А стоимость каждого кирпича здесь - девяносто шесть

копеек штука. Вот и посчитайте. По рублям ездим!

- Неужели девяносто шесть копеек? - удивилась Люся.

- Вот и вы не знаете. Говорят "За морем телушка - полушка, да рубль перевоз". Мы же возим кирпич действительно из-за моря. Так что приплюсуйте сюда погрузку на суда, выгрузку здесь, и получится ровно девяносто шесть копеек. А шоферы гоняют как сумасшедшие, лишь бы сделать побольше ездок, выполнить план. По деньгам же ездят! Прибавьте к этому еще процентов двенадцать боя. В целом по стройке это десятки тысяч рублей, выброшенных в грязь. - И уже совсем спокойно добавил: - Конечно, не один начальник участка в этом виноват. Кирпич-то на корабли грузят не в клетях, а навалом, россыпью. Да что там кирпич! Половину цемента мы получаем в мешках, а половину тоже россыпью. Вот видите? - Он указал на поднимавшийся в гору самосвал, который тянул за собой длинный хвост желтоватой пыли. - Это тоже деньги, только пущенные на ветер.

- Неужели нельзя навести порядок? - спросила Люся.

- Стараемся, а все не можем навести, - усмехнулся Парамонов. - Потому что больше боремся с частнособственническими инстинктами, а не можем разъяснить, что при социализме "наше" - это и есть мое. А мы привыкли считать, что не мое - значит государственное, а государство у нас, дескать, богатое. Отсюда и проистекает это головотяпство.

- Кто-то же должен отвечать за это?

- Должен! - Парамонов усмехнулся. - Вон посмотрите, сколько пустых бочек валяется. Могу даже сообщить точную цифру: сто восемьдесят одна. А по всему побережью их валяются сотни тысяч, а может быть, и миллионы штук. Тащить пароходами отсюда, скажем, в Баку или Сызрань пустые бочки действительно дороже, чем изготовить новые в том же Баку или в Сызрани. Возить в трюмах воздух - удовольствие тоже дорогое.

А японцы, например, не мудрствуя лукаво, поставили на пароходы прессы. Представьте, самые примитивные прессы. Бочку сплющат в лепешку - и в трюм. И возят не воздух, а металл! Готовенький и дешевый!

- Но почему же так получается?

- Отчасти потому, что мы заплатили поставщику и за горючее и за тару. Значит, он не заинтересован в том, чтобы ее вернуть обратно. Он за нее получил деньги, и ему наплевать на то, что эти деньги мы переложили из одного государственного кармана в другой. А у нас стоимость тары вошла в стоимость горючего. И выходит, что этих бочек как бы не существует и то, что вы видите - это лишь мираж. И никому нет дела до того, что на создание этого миража затрачен труд многих людей: геологов,

рабочих горнообогатитсльной фабрики, доменщиков, штамповщиков и еще многих специалистов.

- Но у нас же есть единый хозяин!

- Кто? Государство вообще или конкретный товарищ Госплан?

- Хотя бы.

- Но там тоже много людей и каждый отвечает только за свой участок работы.

- Но если бы каждый думал не только о своем участке.

- Да, конечно, - перебил Парамонов. - Но, представьте, и этого мало! Нужна система управления, причем гибкая, -оперативная, современная. А ее у нас, извините, пока нет. Как нет, скажем, той самой НОТ, то бишь научной организации труда на нашей стройке.

- А почему?

- Потому что стройка не обеспечена ни материалами, ни транспортом, ни даже проектной документацией. Для того чтобы работать, скажем, по сетевому графику, мне надо шестьдесят девять автомашин, из них сорок три самосвала и двадцать шесть бортовых. А у меня всего тридцать четыре, из них почти треть простаивает, нет запасных частей. Вот и работаем, как у Райкина: "Раствор ёк, кирпич - бар. Сижу куру".

- Но ведь вы тут хозяин! Вы должны добиваться, чтобы вам дали все, что положено.

- Легко сказать - добиваться. Я строю вот уже тридцать лет, а еще не встречал ни одной стройки, которая была бы полностью обеспечена. А ведь строим! На энтузиазме, а строим! А сетевой график - это пока для нас несбыточная мечта.

Люся испытующе посмотрела на Парамонова:

- И у вас опустились руки?

Он усмехнулся:

- Представьте - нет! Кулаки иногда сжимаются.

- Это хорошо. Я люблю мужчин со сжатыми кулаками.

- Значит, у меня есть шансы понравиться вам.

Так шутливо закончился этот серьезный разговор, о котором Люся вспоминала потом часто.

Еще в середине августа стало ясно, что к началу учебного года школу не закончат, вряд ли даже успеют оштукатурить изнутри. Поэтому начало занятий перенесли на пятнадцатое сентября. Лиду это огорчило, ей хотелось как можно скорее испытать свои педагогические способности.

- Погоди, еще разочаруешься. Думаешь, легко с малышней? У меня вот одна Иришка, так я с ней иногда не могла справиться.

Вспомнив о дочери, Люся загрустила. Она уже не раз пожалела, что оставила Иришку у матери. Но детский садик еще

не начинали строить. Да и климат здесь суровый, пусть хоть последний год, пока не начала учиться, Иришка немного окрепнет.

- Скучаешь? - догадалась Лида.

- Очень. На работе еще иногда забываешься, а дома не знаешь, куда деть себя.

- Между прочим, в поселке многие удивляются, как это ты пошла работать просто бригадиршей. Мол, жена командира лодки, инженер с дипломом и вдруг лазит по лесам в сапожищах и ватнике. Одна даже сказала, что это от жадности.

- Пусть болтают, коли им больше делать нечего. А между тем на стройке не хватает людей, поэтому мы и школу не закончим к началу занятий. Могли бы наши модницы и поработать хотя бы на строительстве школы, для их же детей стараемся. Уж побелить, покрасить, помыть окна могли бы.

- А что, это идея! - подхватила Лида.

И на следующее утро она привела к школе целую бригаду - с ведрами, щетками, даже с лопатами. Лида в кожаной куртке и красной косынке была похожа на комиссара времен гражданской войны. Когда Люся с улыбкой сказала ей об этом, Лида гордо расправила плечики и задиристо сказала:

- А что, думаешь, не смогла бы и я быть комиссаром, живи я в то время?

Когда после смены Люся заглянула к Ивановым домой, Лида, посыпая стрептоцидом кровавые подушечки мозолей на ладонях, плакала.

- Вот тебе и комиссар! - удивилась Люся.

- Так ведь больно.

- А ты как думала? - И уже серьезно добавила: - Боюсь, что завтра твое храброе войско недосчитается половины.

Однако на другой день женская бригада все-таки явилась в полном составе.

18

На переборке в кают-компании висела карта, и Кошелкин, обведя указкой границы района, который предстояло обследовать, говорил:

- На дне океанов, в том числе и Ледовитого, столь же много возвышенностей и впадин, высоких гор и ущелий, как и на грешной земле. Но если на земле все горы и возвышенности давно нанесены на карты, то дно океана, в общем-то, мало изучено, особенно там, где оно не представляло опасности для мореплавания. Лишь с появлением подводных лодок человечество стало интересоваться рельефом океанского дна не только в прибрежной полосе, а и вдали от материков. Однако Северный

Ледовитый океан и в ту пору считался непригодным для плавания подводных лодок. Этим обстоятельством, наряду с особыми трудностями исследований в Арктике, и можно объяснить, что Ледовитый океан оказался наименее изученным. Но вот появились атомные лодки, были совершены первые подледные плаванья, выяснилось, что мы еще многого не знаем об Арктике. И хотя с тех пор, как начали над этой проблемой работать, многое уже сделано, еще больше предстоит сделать. Например, мы уже сравнительно давно знаем о подводных хребтах Ломоносова, Менделеева, об Атлантическом хребте. Они раньше не представляли опасности для плавания надводных кораблей. Поэтому и сами хребты полностью не были изучены, а их отроги вообще не были нанесены на карты. Есть предположение, что один из отрогов большого хребта заходит и в район, который нам предстоит обследовать. Ну, о важности этого района для подледных плаваний не мне вам говорить...

До границы района оставалось каких-нибудь полсотни миль. И хотя эхоледомеры показывали, что лед, вопреки ожиданиям, здесь довольно тонкий, с осадкой не более четырех-пяти метров, а под килем глубина в несколько сот метров, неожиданности могли подстерегать лодку на каждой миле пути. Стрешнев объявил готовность номер два и уменьшил ход. Работали оба эхолота и к одному из них подключили специальный регистрирующий прибор, на ленте которого с фотографической точностью вычерчивался рельеф дна.

Пока дно было ровным, почти плоским. Горбатенко сверял показания эхолота с картой и вносил поправки. Вскоре к нему присоединился и Кошслкин.

Так прошло около четырех часов. Дно по-прежнему было ровным, лишь несколько уменьшилась глубина - всего на тридцать два метра. И - что было совсем неожиданно - начала постепенно уменьшаться толщина льда, появились отдельные участки чистой воды. Их становилось все больше и больше, и вот уже эхоледомеры отмечали лишь небольшие, отдельно плавающие льдины.

- Кажется, нам повезло, - сказал Кошелкин. - Есть возможность всплыть.

Но Стрешнев не торопился: надо было сначала определить границы участка чистой воды, выяснить, много ли плавающих льдин. Уменьшив ход до самого малого, он подвсплыл на перископную глубину и осмотрелся.

В пределах видимости льда не было, однако видимость оказалась весьма ограниченной. Море ходило ходуном, ветер срывал с гребней волн каскады брызг. Небо сплошь в облаках.

Всплывать для того, чтобы определиться, было бессмысленно, потому что ни солнца, ни звезд не было видно. А определиться все-таки было необходимо, потому что лодка долго шла подо льдом по счислению, ее могло снести неизвестными глубинными течениями. Приказав идти малым ходом, Стрешнев через каждые четверть часа поднимал перископ, надеясь отыскать в разрывах облаков хотя бы одинокую звезду. Но облачность по-прежнему была сплошной.

Лишь через три часа на северо-востоке проглянула над самым горизонтом темно-синяя полоска чистого неба. Она становилась все шире и шире.

- По местам стоять! К всплытию!

Рубка еще не вышла из воды, а лодку уже начало валять с борта на борт. Видимо, наверху шторм был значительно сильнее, чем предполагали. Когда наконец отдраили верхний рубочный люк, и Стрешнев вылез на мостик, океан встретил его ревом. С грохотом перекатывались по палубе волны, пронзительно свистел ветер. Удерживать корабль на курсе было трудно, а впереди милях в четырех уже белела кромка льда.

- Штурман, поторапливайтесь! - крикнул вниз Стрешнев. Он решил больше никого не выпускать на мостик, чтобы погрузиться сразу же, как только Горбатенко возьмет высоты проступающих на синей полоске звезд. Стрешневу казалось, что штурман копается слишком долго, и он нетерпеливо спросил:

- Что там у вас?

- Все в порядке, товарищ командир, - невозмутимо ответил Горбатенко, стараясь заслонить секстан от брызг, залетающих на мостик. Как и все штурманы, он брал высоты с запасом и сердиться на него за это не следовало.

Но лодка неумолимо приближалась к ледяному полю, метристы и акустики наперебой докладывали дистанцию до него, Стрешнев видел уже оторванные ветром многотонные глыбы льдин, грузно ворочавшихся на волнах. Встреча с ними могла закончиться катастрофой.

- Обе машины стоп!

Потеряв ход, лодка вышла из повиновения, ее развернуло лагом к волне, и стрелка креномера металась по шкале как сумасшедшая. Рулевой безуспешно пытался привести лодку носом к волне. А штурман все "качал" звезды. Наконец сунул секстан за полу куртки и весело доложил:

- Готово, товарищ командир!

Вслед за ним Стрешнев спустился вниз и приказал погружаться на глубину шестьдесят метров. Ухнула в балластные цистерны вода, лодка начала проваливаться. Метров до двадцати

ее еще качал океан, потом стало тихо, и все облегченно вздохнули. А океан уже нахлобучил ледяную шапку и притих.

* * *

Предположения Кошелкина о том, что в исследуемый район заходит отрог большого подводного хребта, оправдались. К востоку глубины начали постепенно уменьшаться, линия на регистрирующем приборе эхолота неуклонно поползла вверх. А эхолсдомсры отмечали толщину льда с осадкой около двенадцати метров. Стрешнев трижды приказывал подвсплывать и уменьшать глубину погружения, чтобы иметь запас чистой воды под килем.

- Докладывать изменение глубины через каждые три метра! - приказал он, когда от ограждения рубки до нижней кромки льда осталось всего сорок пять метров.

- Есть! - откликнулся старшина штурманской группы, обслуживающий эхолот. И тут же доложил: - Шестьдесят шесть!

И потом каждые две-три минуты докладывал:

- Шестьдесят три... Шестьдесят... Пятьдесят семь...

И вдруг радостно заорал:

- Сто семьдесят семь!.. Сто девяносто два!

Столь резкое изменение глубины насторожило не только командира, а почти всех, находящихся в центральном отсеке, должно быть, им пришла одна и та же мысль: "А не вышел ли эхолот из строя?" и они одновременно посмотрели на регистрирующий прибор второго эхолота - кормового. Перо на его ленте резко, почти отвесно, ползло вниз.

А старшина радостно кричал:

- Четыреста тридцать девять!.. Четыреста восемьдесят семь!..

К Стрешневу подошел Кошелкин и сказал:

- Похоже, что мы миновали вершину отрога. С запада его склон круче.

- А если это всего лишь впадина или каньон?

- Тоже возможно.

Глубины уже приближались к километровой отметке, но Стрешнев не спешил погружаться ниже тридцати метров и вел лодку прежним курсом малым ходом.

Так они прошли около часа. Наконец Стрешнев приказал увеличить глубину погружения до восьмидесяти метров. Оба эхолота и регистрирующий прибор фиксировали почти плоское дно.

Дойдя до западной границы района, Стрешнев повернул на обратный курс. Теперь надо было с другой стороны подойти к отрогу и пройти вдоль него, чтобы определить направление и протяженность, а затем уже продолжить обследование района продольными и поперечными галсами.

Он уже знал, где следует ожидать резкого уменьшения глубины, однако вел лодку еще более осторожно, потому что восточный склон отрога был обрывист, не дай бог с ходу врезаться в скалу. Поэтому задолго до подхода к отрогу Стрешнев уменьшил ход до самого малого.

Первыми обнаружили резкий подъем дна гидроакустики:

- Центральный! Слышу эхосигналы от грунта! - доложили из рубки акустиков.

Стрешнев взглянул на репитер гидролокатора. На его экране появилось бледно-серое пятно. Цепь отметок на эхолоте пока оставалась розной.

- Всплывать на глубину тридцать метров!

И как только лодка подвсплыла на заданную глубину, Стрешнев отдал следующие команды:

- Лево на борт, курс сто шестьдесят! Акустики, внимательно следить за сигналами от грунта!

Потом еще несколько раз пришлось менять курс, пока не установили направление продольной оси отрога. Он простирался на зюйд-зюйд-ост, и в течение почти целых суток лодка осторожно пробиралась именно в этом направлении до самой южной границы района, за которой уже начиналась достаточно обследованная трасса Северного Морского пути. Стрешнев предполагал, что ближе к материку отрог должен быть выше, но оказалось все наоборот: еще за четыре десятка миль до южной границы района хвост отрога едва возвышался над окружающим дном океана.

Перейдя на другую сторону отрога, лодка легла на обратный курс.

Через несколько суток проделали все намеченные галсы и закончили обследование района. Было немало тревожных минут и часов, но все прошло благополучно, ни один прибор не отказал. Горбатенко и Кошелкин нанесли на карты глубины, сняли кальку, сделали несколько фотокопий и вместе с картами закрыли их в сейф. Океанологи заполнили но два журнала, но оставили их при себе. И только ихтиолог был не вполне удовлетворен своими наблюдениями: на его долю их досталось мало, потому что лодка все время находилась подо льдом.

- Ничего, вот придем на полюс, там и порыбачим, - утешал его Пашков.

А лодка и в самом деле уже повернула к полюсу. Горбатенко торжественно доложил:

- Курс ноль градусов! Идем прямо по меридиану на земную ось.

- Смотри, штурман, как бы нам не погнуть эту ось, а то

перестанет земной шарик вертеться.

- Ничего, наши механики ее быстро выпрямят, смажут и будет наша матушка-Земля еще миллиарды лет за милую душу вертеться, - весело отозвался штурман и, склонившись над картой, замурлыкал:

Где-то на белом свете,
Там, где всегда мороз,
Трутся спиной медведи
О земную ось...

Перья эхоледомеров вычерчивали причудливые башенки и острые пики нижней кромки сплошного льда. Теперь эти пики уже не казались грозными, наверное потому, что до них было более ста метров. И дно океана, хотя и не было идеально ровным, но тоже не представляло пока опасности - под килем было около трех тысяч метров.

К Стрешневу подошел Гречихин.

- Разрешите провести учения по борьбе за живучесть корабля?

Разрешив механику провести учения, Стрешнев сказал старпому:

- Заступайте, Петр Григорьевич, а я пойду наверстывать упущенное. Если ничего непредвиденного не случится, поднимете меня через четыре часа.

За последнюю неделю, как это установлено по записям в вахтенном журнале, он в общей сложности проспал двадцать два часа одиннадцать минут, что в среднем составило по три часа десять минут в сутки. Впрочем, все это Осипенко подсчитал уже после того, как Стрешнев ушел к себе в каюту. И старпом не разбудил его ни через четыре часа, ни через пять. Может быть, он не разбудил бы командира и через шесть часов, если бы из жилого отсека не донесся встревоженный голос вахтенного:

- Пробоина в верхней части!

Осипенко тотчас вдавил кнопку сигнала аварийной тревоги.

* * *

Выскочив из каюты, Стрешнев окунулся в густое облако тумана. Справа доносилось шипение.

Аксенов, зажав коленями брус, обеими руками старался удержать его на середине подложенной к подволоку подушки, из-под которой била сильная струя, окутывая Аксенова с ног до головы густым туманом. Кто-то другой держал подушку, а третий забивал кувалдой клин. Вот он крикнул: "Крепче дэржи!" - и Стрешнев по голосу узнал матроса Цхакая. Видимо, всем тут распоряжался именно он.

От каждого удара брус вздрагивал, вероятно, он был уже закреплен прочно, но сверху все сыпался и сыпался густой туман.

И Стрешнев понял, что никакой пробоины в подволоке нет. Струя воды снизу под большим давлением ударяет в подволок, рассыпается туманом, создавая впечатление, что пробоина вверху.

Видимо, Цхакая тоже уже догадался об этом, бросил кувалду, и став на четвереньки, начал шарить где-то под ногами. Потом крикнул:

- Центральный! Прошу дать высокое!

Тотчас кольнуло в ушах - в отсек дали высокое давление. Струя воды, бьющая снизу, вытянулась в тонкую нитку и, опадая, покорно свернулась в бухточку. В отсеке сразу стало тихо, и голос Цхакая прозвучал особенно четко:

- Шаров! Заглушки!

Кок матрос Шаров бросился к ящику, в котором хранились аварийные материалы, и вывалил к ногам Цхакая десяток разнокалиберных заглушек. Пока Цхакая подбирал подходящую, струя утихла. Лодка начала всплывать, давление забортной воды упало. Стрешнев заметил стоявшего в стороне Гречихина.

Туман в отсеке еще не рассеялся, Стрешнев, оставаясь пока неузнанным, не вмешивался. Он знал, что пробоины нет, просто Гречихин вывернул пробный краник из кингстона, чтобы потренировать матросов, а заодно и Аксенова. Цхакая действует правильно. Для Аксенова, впервые оказавшегося в такой ситуации и невольно попавшего в подчинение к матросу Цхакая - тоже хороший урок. И для кока Шарова неплохая тренировка.

Внимательно следя за действиями всех троих, Стрешнев оценивающе прислушивался и к командам, поступающим из центрального отсека. Осипенко действовал спокойно и безупречно.

Заглушка уже была поставлена, туман в отсеке начал постепенно рассеиваться, и Цхакая наконец узнал Стрешнева.

- Товарищ командир? Извините, - смущенно сказал он, как будто и в самом деле был в чем-то виноват.

- Молодец, Цхакая! - похвалил Стрешнев. - Ну, теперь действуй дальше, считай, что меня здесь нет.

Цхакая доложил в центральный, что был вырван пробный краник, что поставлена заглушка и можно снимать высокое давление.

- Снимаю! - донеслось из центрального. - Внимательно следите за заглушкой.

- Есть! - ответил Цхакая, готовя аварийный материал на случай, если заглушку вырвет.

Давление в отсеке начало постепенно падать, опять заклало в ушах. Стрешнев зябко поежился, он промок до нитки.

- Простудитесь, товарищ командир, - заметил Шаров и предложил: - Хотите чашку кофе?

- Спасибо, потом. Я лучше переоденусь.

Он забежал в каюту, переоделся, хотел позвонить Осипенко и предупредить, что заглушку надо испытать на максимальной глубине погружения, но передумал, решив, что старпом и сам должен догадаться об этом.

И верно, как только давление в отсеке упало до нормального, Осипенко увеличил глубину погружения сначала на десять метров, потом еще на десять...

- Знаете, товарищ капитан третьего ранга, какое давление было у этой струи?

- Какое? - спросил Аксенов.

- Около десяти атмосфер. Вы видели когда-нибудь кузнечный пресс? Он чугунную болванку в лепешку расплющивает. Так вот забортное давление воды было выше. Верно я говорю, товарищ командир?

- Верно. А вы могли бы подсчитать, за какое время отсек был бы затоплен, если не заглушить это отверстие?

- Могу. Какое сечение краника?

- Считайте один сантиметр.

Шаров принимается за расчеты. Аксенов с интересом следит за ним и невольно восклицает:

- Не может быть!

- Все точно! - Шаров самодовольно ухмыляется. - Вот такая арифметика...

На переходе к полюсу особых заданий не предусматривалось, и Стрешнев, дав экипажу отоспаться, почти все свободное от вахт время отдал в распоряжение Аксенова. Правда, утверждая план партийно-политической работы на переход, он удивился, что замполит предусматривает слишком уж много бесед и докладов, но возражать не стал. Ему хотелось дать Аксенову больше самостоятельности и посмотреть, на что он способен. "Офицерский состав слишком занят, чтобы готовить доклады, неужели Аксенов думает все это провести?"

Но оказалось, что Аксенов еще при подготовке к походу не терял времени даром. Узнав, что на лодке пойдут режиссер и два кинооператора, он сумел отыскать на кинобазе несколько их фильмов. Один из операторов только что вернулся с Ближнего Востока, а другой оператор и режиссер объехали чуть ли не весь Советский Союз, снимая фильм "Только один день". И вот теперь они рассказывали о поездках, показывали свои фильмы. Уже после первых двух бесед эти встречи с "киношниками" стали настолько популярными, что им пришлось повторять каждую

беседу трижды - для каждой смены вахт. По существу, это был своеобразный кинолекторий, и теперь уже не только матросы и старшины, а и все офицеры старались не пропустить ни одного занятия. Стрешневу удалось побывать лишь на одном из них, и он пожалел, что не смог присутствовать на других. Сегодня он собрался во второй раз, но перед входом в матросскую столовую его ошарашило наклеенное на переборку объявление: "Сегодня океанолог Н. А. Корнеев рассказывает о "Поцелуе Жаннеты".

"Что за черт? - не поверил своим глазам Стрешнев. - Если это название фильма, то при чем тут океанолог?"

Однако, отдраив дверь, он действительно увидел Корнеева и присел в заднем ряду.

- В этот год мы дрейфовали на станции "Северный полюс - четырнадцать", вот здесь, - Корнеев ткнул указкой в висевшую на переборке карту. Начальником станции у нас был Юрий Борисович Константинов. Ну, дрейф как дрейф, живем, работаем, льдина потихоньку тает, а мы мерзнем. В эту экспедицию нам почему-то дали мало угля, отапливались мы водой, поступающей в батареи от дизелей. Ну, понимаете, механика тут несложная, то есть батареи наши вместо радиаторов были у двигателей.

Умно, рационально и... холодновато. Однако, ничего, народ у нас подобрался тертый, зимовавший и в Арктике и в Антарктике. Худо стало, когда нашу льдину в архипелаге Де Лонга стало прижимать к острову Жаннеты. Начались торошения, разломы, подвижки, подводные толчки и прочие малоприятные явления. В довершение всего коварная Жаннета повесила над нашим лагерем свои острые скалы...

Корнеев рассказывает неторопливо, с юморком, но никто не улыбается. Стрешнев наблюдает за моряками, видит, как по ходу рассказа меняется выражение их лиц, потом Стрешнева и самого настолько захватывает рассказ Корнеева, что он уже не замечает сидящих рядом, переживая все перипетии драматической истории, связанной с "поцелуем Жаннеты".

И он досадливо морщится, когда неожиданно появившийся за его спиной вахтенный шепчет ему на ухо:

- Товарищ командир, вас просят в центральный пост.

Едва он появляется в центральном посту, как Осипенко докладывает:

- Акустики прослушивают шумы винтов.

Стрешнев идет в выгородку к штурману, Горбатенко отодвигается, уступая ему место у карты.

Судя по всему, они встретились с атомной лодкой. Та идет курсом на зюйд-зюйд-вест восемнадцатиузловым ходом.

- Контакта с нами они не имели, - докладывает за спиной

Осипенко. - Мы же получили контакт в режиме шумопеленгования, после чего я уменьшил ход до самого малого. Сейчас дистанция увеличивается.

И как бы в подтверждение его слов, из акустической рубки докладывают:

- Пеленг быстро меняется вправо, тон эха много ниже.

"Вот и в Арктике стало тесно, - подумал Стрешнев. - Хорошо еще, что они нас не услышали. Видимо, не предполагали, что могут тут кого-либо вообще встретить, вот и прохлопала их служба".

- Спасибо, - говорит Стрешнев старпому.

Перед самым походом Матвей успел перечитать записки командира американской атомной лодки "Скейт" Джеймса Калверта и обратил внимание на то, что Калверт весьма недвусмысленно говорит о целях освоения американцами Арктики. Он пишет, что в полученном им оперативном приказе прямо говорится, что "использование Северного Ледовитого океана для боевых действий окажется возможным, если подводные корабли будут в состоянии всплывать на поверхность хотя бы периодически..."

Значит, все-таки для боевых действий. Конечно, район Арктики очень удобен не только потому, что лодку тут почти невозможно обнаружить. Суть еще и в том, что из Арктики установленные на американских лодках ракеты "Поларис" могут простреливать почти всю территорию Советского Союза.

Стрешнев пишет радиограмму командованию о времени обнаружения, координатах, курсе и скорости лодки.

Шумы ее винтов уже еле прослушиваются. А вот акустики уже докладывают, что горизонт чист.

19

- До полюса осталось полторы мили! - доложил Горбатенко.

Все, находившиеся в центральном отсеке, потянулись к эхоледомерам и телеэкрану. Перья эхоледомеров вычерчивали острые выступы нижней кромки полярных льдов, а на телеэкране изображение вообще было настолько мутным, что невозможно было ничего различить.

Стрешнев поднял перископ. По сравнению с черно-белым телевизионным изображением через перископ картина представилась более красочной и яркой, потому что объектив перископа находился ближе к нижней кромке льда, чем объектив телекамеры. В темно-зеленой воде отчетливо проступали неровные выступы льда, казалось, они нависли над самой головой, и лодка вот-вот зацепится за них. У Стрешнева даже дрожь пробежала по телу, хотя он знал, что от ограждения рубки

до этих выступов добрых два десятка метров.

- До полюса один кабельтов! - опять доложил штурман. И упавшим голосом добавил: - Толщина льда двенадцать метров.

"Видимо, на самом полюсе всплыть не удастся, - подумал Стрешнев, все еще с надеждой следя за перьями эхоледомера. - Придется искать полынью где-нибудь поблизости".

Но вот лодка миновала полюс, прошла еще около двух миль, а лед был сплошным, даже трещины не удалось обнаружить. Приказав лечь на обратный курс, Стрешнев спросил у Кошелкина:

- Какова скорость подвижки льдов в этом районе?

- Около двух с половиной миль в сутки.

- Штурман, рассчитайте четыре галса в квадрате трех миль, - попросил Стрешнев. Если в этом квадрате не окажется ни одной полыньи, то в течение ближайших суток нечего и надеяться всплыть в районе полюса. Это понимали все.

Обидно, конечно, пройти подо льдом не одну сотню миль и не иметь возможности всплыть точно на полюсе. "Ну а, в общем-то, какое это имеет значение, если всплывем в четырех-пяти милях от него? - думал Стрешнев. Все необходимые замеры в точке полюса мы и так сделали, остальные проведем по льду, если все-таки найдем полынью".

Ее обнаружили на третьем галсе. Но полынья оказалась слишком мала - в длину всего тридцать семь метров и в ширину около пятнадцати. И хотя всплыть в ней было невозможно, все опять повеселели: раз есть одна, должна быть и вторая, и третья.

- Поищем в другом полушарии, - сказал Стрешнев и отдал распоряжение об изменении курса.

Но и в другом полушарии подходящей полыньи поблизости от полюса не оказалось. Стрешнев решил увеличить квадрат до пяти миль и пройти по всем четырем его сторонам, не очень рассчитывая на успех и в этот раз. Вот уже третий час они крутились возле полюса, а всплыть не могли.

Разрешив команде посменно обедать, Стрешнев и аира вился было в кают-компанию, когда Горбатенко крикнул:

- Над нами чистая вода.

Достаточно было одного взгляда на телеэкран чтобы убедиться в этом.

- Штурман, определять границы полыньи! Поднять перископ!

- Есть!

Должно быть, весть об обнаружении полыньи дошла и до кают-компании, все офицеры вернулись в центральный отсек. Горбатенко и Кошелкин расстелили на прокладочном столе специальный планшет и делали на нем отметки, следя за световым пятном автопрокладчика.

- Над первым опять лед! - доложил Осипенко, щелкая переключателем гидроакустических вибраторов. - Над вторым тоже лед!

"Проскочили, - с досадой подумал Стрешнев. - Как бы не потерять". Из опыта наших и американских подводников, плававших подо льдами, он знал, что потерять полынью было не так уж трудно.

- Право на борт! Левая малый вперед, правая полный назад! Штурман, последний курс?

- Сорок пять.

- Курс двести двадцать пять!

По характерному дрожанию палубы Стрешнев почувствовал, что винты начали забирать, и остановил обе машины. Репитер гирокомпаса показывал, что нос лодки медленно катится вправо.

- Толщина льда над первым - один и девять десятых, - доложил Осипенко и почти тотчас же крикнул: - Над первым чисто!

Теперь лодка прошла под полыньей медленно, когда инерция уже окончательно гасла. Подняв перископ, Стрешнев увидел светлое пятно, напоминающее крылья чайки. Это и была полынья.

Когда при следующем заходе лодка оказалась посередине ее, Стрешнев приказал всплывать.

- Глубина тридцать, - доложил вахтенный на посту погружения и всплытия.

- Всплывать до двенадцати метров! - приказал Стрешнев и закинул рукоятки перископа. - Убрать все выдвижные устройства!

Хотя эхоледомеры не зафиксировали в полынье ни одной плавающей льдины, он все-таки опасался мелких осколков льда, которые могли остаться незамеченными и повредить перископ или телевизионную камеру.

Лодка медленно всплыла, и Стрешнев, прежде чем отдраить люк, осторожно поднял перископ и осмотрелся. Полынья оказалась большой, в длину около мили и в ширину метров четыреста пятьдесят, и лодка стояла почти посередине ее. Плавающих льдин поблизости не было.

- Отдраить рубочный люк!

Он первым выбрался на мостик. Стоял теплый солнечный день, дул слабый зюйд-вестовый ветерок, вода в полынье чуть морщилась. А вокруг полыньи на многие километры простиралась белая безмолвная пустыня торосистого льда.

Человеку, привыкшему жить на берегу, не дано испытать тех ощущений, которые охватывают подводника, когда после долгих дней плаванья он вновь видит солнце и небо, весь окружающий мир, даже если мир этот предстает в таком вот однообразии

сплошного ледяного поля. Говорят, что как будто рождаешься заново. Но поскольку никто не помнит, как он впервые увидел белый свет, то сравнение это неощутимо, да собственно, и сравнения-то нет, ибо ничто нельзя сравнить с тем, чего не видел.

У Матвея было такое ощущение, будто он проснулся после долгого и беспокойного сна, когда все сновидения причудливо и неправдоподобно перемешались, остались в памяти лишь самые яркие картины и обрывки, не связанные между собой.

Ослепительно светило солнце, небо было нежно-голубым, а воздух прозрачен и чист, казалось, он хрустально позванивает. Звон этот доносился откуда-то издалека, может быть, из-за горизонта. А может быть, это звенит вон та, свисающая с козырька рубки, капля? Медленно набухая, она переливается всеми цветами радуги, и может быть, эта причудливая пляска света, отраженного в капле, и сопровождается той хрустальной мелодией, которая робко и тонко звенит в густом прохладном воздухе. Пахнет снегом, так на земле пахнет весной, когда распускаются вербы...

У Матвея даже закружилась голова, и он ухватился за скобу трапа. И только теперь понял, что звон - это тоже от головокружения.

Возле самого борта тихо булькнуло, из воды высунулась голова тюленя. Стрешневу показалось, что тюлень разглядывает его. Но вот внутри лодки кто-то громко топнул или уронил что-то на палубу, и голова тюленя мгновенно скрылась под водой. Потом он вынырнул уже далеко, у северовосточной кромки льда.

Именно эта кромка показалась Матвею наиболее удобной для швартовки. Лед почти отвесно выступал над поверхностью воды метра на полтора, а острые пики торосов над ним не превышали двух метров, так что обзор с мостика будет хороший. К тому же этот ледяной "пирс" расположен с наветренной стороны, будет удобно отваливать.

- Управление кораблем на мостик! Швартовой команде наверх! Подать оборудование для швартовки ко льду!

На палубу вытащили стальные стойки и кувалды, погрузили в надувную лодку и переправили на лед. Видимо, лед был очень крепким, пока забили в него стойки, прошло несколько минут.

- Долго мы здесь простоим? - спросил Аксенов.

- Если все будет благополучно, не более двадцати часов, - ответил Стрешнев. - За это время надо успеть установить метеостанцию, произвести все необходимые измерения, связаться с землей и осмотреть корпус лодки.

- А как насчет увольнения на "берег"?

- Зачем? К белым медведям? Так их что-то не видно, -

усмехнулся Стрешнев.

- Напрасно иронизируете, Матвей Николаевич, - сказал Аксенов серьезно. - Для каждого из нас побывать на полюсе - событие на всю жизнь. Я бы не только разрешил всему экипажу небольшими группами, по очереди, сойти на лед, а даже выписал бы увольнительные записки. Это были бы исторические документы. Уверен, что каждый сохранил бы такую записку. За ними даже музеи стали бы охотиться...

- Я понимаю. Однако это дело надо сначала как следует обмозговать. Сейчас со старпомом посоветуемся, - сказал Стрешнев и крикнул вниз: - Петр Поликарпович, поднимайтесь-ка на свет божий.

Осипенко поднялся на мостик и произнес свое привычное "К вашим услугам".

- Вот Валентин Васильевич предлагает провести увольнение на "берег". Закончим швартовку, обсудим.

Швартовая команда на льду уже забила стойки и ожидала подхода лодки. Главный боцман разложил на палубе швартовые и приготовил бросательный. Стрешнев повел лодку к ледяному пирсу, стараясь держать корму подальше от него, чтобы не повредить гребные винты. Как только швартовка была закончена, Стрешнев вызвал на мостик Гречихина.

- Валерий Николаевич, примите все меры, чтобы исключить всякую возможность случайного погружения, и в то же время будьте готовы к нему каждую минуту.

- Есть!

Сменив ходовую вахту усиленной якорной, Стрешнев подошел к старпому и замполиту и весело спросил:

- Что предлагает военный совет?

Увольнять решили группами по три - пять человек от каждой боевой части. Командиры боевых частей должны лично заполнить все увольнительные записки с указанием времени и места увольнения: "Матрос такой-то увольняется в краткосрочный отпуск на Северный полюс с такого-то часа по такой-то"... Вахтенному офицеру вменялось в обязанность вести по книге увольнения строгий учет всех сходящих на лед и возвращающихся на борт лодки. Он же должен проверять, чтобы каждый сходящий на "берег" надел оранжевый спасательный жилет. Специально выставленные на мостике наблюдатели должны следить за находящимися на льду. Кроме того, был наряжен специальный ледовый патруль во главе с лейтенантом, в обязанности которого входило наблюдение за тем, чтобы уволенные не ходили по одному и не удалялись за пределы видимости с мостика лодки.

Эти меры предосторожности командир, старпом и замполит

считали необходимыми потому, что кто-нибудь из матросов мог случайно скатиться в полынью или провалиться в трещину. Не исключалась и встреча с хозяином Арктики - белым медведем, а от такой встречи ничего хорошего ожидать нельзя.

С первой партией на "берег" отправился Аксенов, а командир и старпом занялись организацией всех необходимых работ. Надо было осмотреть и смазать механизмы, которые нельзя было остановить при движении под водой, отрегулировать и настроить приборы и электронное оборудование, проворить всю ледоизмерительную аппаратуру. Телевизионную камеру перенесли с носа на мостик и записывали на видеомагнитофон все, что происходило вокруг корабля. Специальная группа готовилась к установке на льду автоматической метеостанции. А океанологи уже перенесли на лед свои приборы и начали измерения. Горбатенко, пользуясь ясным днем, вел астрономические наблюдения. Радисты уже связались с землей, передавали донесения, принимали радиограммы с указаниями и специальной информацией. Двое легководолазов готовились к спуску под воду для осмотра корпуса лодки.

Убедившись, что все идет так, как нужно, Стрешнев снова поднялся на мостик и услышал доносящиеся с "берега" крики. Встревоженно спросил вахтенного офицера:

- Что там случилось?

- Ничего. В футбол играют.

Действительно, недалеко от пирса матросы гоняли но льду мяч. Их оранжевые жилеты на фоне льдов напомнили Матвею шиповник, который он однажды зимой видел в лесу. Крупные капли ягод вот так же отчетливо выделялись на снегу.

Аксенов метался между мячом и игроками, должно быть, он судил это необычный матч. Тут же бегали кинооператоры с камерами, ловко увертываясь от ошалевших игроков.

- Пойдемте и мы прогуляемся, - предложил Стрешнев стоявшему на мостике Пашкову.

- С удовольствием, вот только фотоаппарат захвачу. Пашков сходил за аппаратом, и они спустились на лед.

Понаблюдав немного за азартной игрой футболистов, они направились к океанологам, расположившимся метрах в трехстах от "пирса". Лишь подойдя совсем близко, заметили, что океанологи сидят на "берегу" небольшой полыньи. Стрешнев удивился, этой полыньи из-подо льда они почему-то не видели, неужели она только что образовалась. Если это так, то, вероятно, идет подвижка льда, как бы лодку не затерло и не пришлось бы погружаться раньше, чем будут выполнены все работы.

Но Корнеев успокоил:

- Это не полынья, а озеро. И представьте, пресное. Вот попробуйте. - Он зачерпнул мензуркой воду и протянул Стрешневу.

Вода и в самом деле оказалась пресной.

- Откуда она тут?

- А вы лед попробуйте. - Корнеев протянул небольшой кристаллик. - Как, соленый?

Лед был тоже пресный, лишь чуть-чуть горьковатый.

- Дело в том, - пояснил Корнеев, - что соль из верхних слоев морского льда постепенно переходит в нижние. А сейчас лето, видимо, несколько дней здесь стоит хорошая погода, сверху лед подтаял и образовалось это "озеро".

- В пищу эта вода годится?

- Вполне. А уж для баньки лучше и не сыщешь, ею особенно голову мыть хорошо.

Вызвав боцмана, Стрешнев приказал набрать этой воды столько, чтобы можно было помыть весь экипаж.

- Устроим сегодня банный день. Скажите баталеру, чтобы выдал чистое нательное и постельное белье.

Когда боцман ушел, Пашков сказал:

- А я думал провести сегодня партийное собрание. Поступило три заявления о приеме, хорошо бы именно здесь принять.

- Одно другому не помешает. Коммунисты могут помыться позже.

- Но я хотел провести открытое. Наверняка все захотят присутствовать. И еще просьба: собрание провести до поднятия на льду государственного флага. Пусть молодые коммунисты и поднимут его. Кстати, они и устанавливают мачту, - Пашков кивнул на троих моряков, долбящих лед недалеко от северной кромки полыньи.

- Хорошо, готовьте собрание. Начнем сразу после обеда.

Президиум разместился на льду, куда вынесли стол, покрыли красной скатертью, поставили графин с водой и стакан. На "берегу" же расположилась и половина экипажа, в основном из боевых частей - два и три, не связанных с работой по швартовке и погружению. Остальные разместились на палубе лодки и на мостике. Для вахтенных, оставшихся внизу, включили трансляционную сеть.

Первым рассматривали заявление лейтенанта Иванова. Рекомендовали его Гречихин, Осипенко и Пашков. Пока зачитывали рекомендации, Иванов смущенно краснел и посматривал на Стрешнева. Видимо, он опасался, что командир скажет о его рапорте. Этот рапорт по-прежнему лежал в сейфе командира, и сколько Иванов ни просил вернуть его, Стрешнев

отшучивался:

- Передам его вам вместе с командирской должностью. Раньше и не надейтесь.

Сейчас, поймав встревоженный взгляд лейтенанта, Стрешнев успокаивающе улыбнулся и подмигнул ему.

Вторым вопросом повестки собрания был доклад Стрешнева об итогах похода к полюсу и задачах на обратный переход. И сейчас Матвей, обдумывая, как бы покороче изложить эти итоги и задачи, слушал не очень внимательно. Зачитывались заявления, рекомендации и анкеты, потом, как обычно, следовали вопросы по Программе и Уставу партии, заслушивались автобиографии вступающих. С этими биографиями Матвей ознакомился еще раньше, по "личным делам", ничего особенного они не представляли. Родился там-то и тогда-то, в таком-то классе вступил в комсомол, потом окончил среднюю школу... В лучшем случае биография занимает три четверти странички обыкновенного форматного листа бумаги, строчек двадцать - двадцать пять. Да и о чем им еще писать, если каждому по двадцать лет, вот только Иванову двадцать три и в его "личном деле" появилась запись о вступлении в брак с Лидией Васильевной Кузьминой.

Потом, когда этим троим снова придется писать автобиографию, они добавят еще одну строчку о том, что в таком-то году вступили кандидатами в члены КПСС. Наверно, даже не упомянут, что вступали не где-нибудь, а на Северном полюсе.

"А ведь иной человек за всю свою жизнь не сделает столько, сколько сделал каждый из этих ребят за последний месяц", - подумалось вдруг Матвею. Он-то знал, чего каждому из них стоил этот поход, хотя все шло в своей будничной последовательности, предусмотренной распорядком дня и графиком похода. Но кто найдет меру тому физическому и нравственному напряжению, которое каждый из них испытал? Кто оценит их умение и находчивость, нравственную силу и стойкость, которые они проявили в этом походе? Ведь, казалось бы, ничего особенного не произошло, не было ни аварий, ни поломок, ни чрезвычайных происшествий. А потому и не было, что вот эти ребята делали все, что им положено делать. И далеко не каждому из их ровесников это оказалось бы по силам. Через год-полтора они уйдут в запас, наденут штатские костюмы и отрастят прически, будут поступать в институт или на работу, и кадровик, прочитав их автобиографии, не увидит в них ничего особенного, может быть, даже причислит этих ребят к лику длинноволосых бездельников и не поверит, что из них может выйти толк...

Как часто мы судим о людях поверхностно, лишь по

анкетным данным. И упаси бог, если ты когда-нибудь совершил оплошность и это попадет в "личное дело"!

Матвей вспомнил, как уже после его беседы с главкомом, когда вопрос о назначении командиром лодки был решен окончательно, работник управления кадров, прочитав в одной из аттестаций подчеркнутую синим карандашом запись о том, что "лейтенант Стрешнев М. Н. иногда проявлял невыдержанность характера, доходящую до грубости со старшими", с сомнением сказал:

- Странно, странно.

Должно быть, ему и в самом деле показалось странным, как это главком "прохлопал" и назначил командиром атомной лодки человека, способного не только противоречить, а даже грубить старшим. Не важно, что это было десять с лишним лет назад и что все последующие аттестации разрисованы лишь красным карандашом. А уж об обстоятельствах, при которых возникла эта подчеркнутая синим карандашом запись, за десять лет Матвея так никто и не спросил, об этом помнит лишь он сам, да еще Дубровский.

"Может быть, вот и сейчас мы совершим ошибку, отказав Гущину в приеме в партию", - подумал Матвей, прислушиваясь к тому, что говорили на собрании.

А говорили о матросе Гущине. Припомнили, как он сжег блок питания автомата, обвиняли и в недисциплинированности, и в халатности, и в безответственности.

- Разрешите мне сказать? - попросил Стрешнев председательствующего.

- Пожалуйста. Слово имеет командир, - объявил Куделя. И, видимо, вспомнив, как Стрешнев однажды за метил, что на партийном собрании нет начальников и подчиненных, поправился: - Слово имеет коммунист Стрешнев.

Стало так тихо, что слышно было, как плещется у борта вода. Кто-то внизу, в лодке, крикнул радисту: "Сделай погромче, командир говорить будет!" Матвей досадливо поморщился, и все-таки постарался говорить громче:

- Прежде всего, я хочу дать следующую справку. Блок питания сжег не Гущин, а конструктор Катрикадзе. Он мой старый друг, мы с ним вместе служили на дизельной лодке, и он мне сам в этом признался. Конечно, Гущин тоже косвенно виноват, это его заведование. Но заметьте, он не стал сваливать вину на конструктора, а взял ее на себя. Видимо, он рассуждал так: конструктор человек на корабле посторонний, а мы тут служим, с нас и спрос. Свидетельствует ли это о безответственности Гущина? По-моему, нет. Скорее, наоборот...

Много было в Гущине от желания прослыть оригинальным. Не один он, многие из вас, честно говоря, и сам я в свое время прошел через это. Гущин вырос в Ленинграде, в семье известного ученого, был избалован, его до восьмого класса бабушка за ручку водила в школу, в театр, в цирк. Надоело это ему. Думал, придет на флот и сразу начнет покорять океан, открывать новые земли, прославится так, что затмит своего знаменитого отца, а уж бабушку-то конечно. А тут, представьте, старшина начал его за ручку водить. То на камбуз картошку чистить, то гальюн драить, а один раз даже на гауптвахту отвел. Было такое? Ну вот, и старшина подтверждает. Вот и паясничал Гущин, чтобы вызвать у вас сочувствие, потому что и многих из вас старшина по тем же адресам водил. Но вы Гущину как-то не очень посочувствовали, потому что у вас жизнь складывалась по-иному, кое-кому уже пришлось зарабатывать хлеб насущный. Во всяком случае, вы знали, что картошку чистите для себя, а нечистоты убираете за собою же, и старшина учит вас уму-разуму. Вот тогда, наверное, и задумался Гущин над тем, почему же вы ему не сочувствуете. И заметьте, опять же он не обиделся на вас, не замкнулся, а стал к вам ближе присматриваться и кое-чему учиться. И специальность хорошо освоил, и в стенгазете стихи о вас стал печатать и вот дошел до самого Северного полюса. Можем ли мы сегодняшнего Гущина сравнить с тем, которого мы знали раньше? Да, человек меняется трудно, но он уже не тот, что был, он стал лучше. Во всяком случае, в этом походе он проявил свои лучшие качества, работал но хуже любого из вас. Да, в свое время мы много имели к нему претензий. Но не надо забывать мудрой русской пословицы о том, что за одного битого двух небитых дают. Я не уверен, что Гущин больше нигде не оступится, как не могу сказать, что никто из вас никогда но ошибется. Но абсолютно уверен, что если и оступится, то не там, где уже набивал шишки. И важно ведь не то, что человек оступился, важнее, как он к этому сам относится, запомнил ли то место, где падал. Мне кажется, Гущину надо поверить и помочь. К тому же мы принимаем его не в члены, а кандидатом в члены партии, у нас впереди еще целый год, чтобы посмотреть, какой из Гущина коммунист получится. Так или нет?

- Так! - дружно подтвердили и сидящие на льду и облепившие палубу и надстройки лодки.

За прием Гущина проголосовали единогласно.

Уже вечером, когда после горячего душа Матвей направлялся к себе, у каюты его поджидал Гущин.

- Спасибо, товарищ командир, - смущенно поблагодарил он. - Вы ведь на этом собрании вроде как рекомендацию мне дали,

хоть и не в письменном виде. Я вас не подведу, можете поверить.

- Я верю.

- Спасибо, - еще раз поблагодарил матрос. И все более смущаясь, пробормотал: - Извините, еще хочу спросить у вас, откуда вы про мою бабушку узнали?

- А это, брат, длинная история. Заходите-ка в каюту, я вам все объясню.

Усадив матроса в кресло, Матвей сам сел на диван, открыл ящик письменного стола и достал пухлый конверт.

- Вот тут все жизнеописание раба божия Алексея Гущина. Ваша бабушка прислала. Пишет, что здоровьишком вы слабенький, боится, как бы не простудились, просит не разрешать вам купаться в Ледовитом океане и есть много мороженого.

- Во дает бабка! И кто ее просил?

- Не обижайтесь на нее, она печется о единственном внуке.

- Ох, лучше бы уж не пеклась! Ну, я ей напишу!

- Не вздумайте. И вообще вы об этом письме ничего не знаете, иначе подведете меня. Мы ведь с ней ведем "секретную" переписку.

- И что же вы ей написали?

- Что служба у нас легкая, что теперь за нас все техника делает, а мы ходим руки в брюки и книжечки почитываем. Она очень боится, как бы вы не похудели, так я ей последние антропометрические данные выписал. Окружность груди у вас увеличилась на девять сантиметров, объем легких - на восемьсот кубиков, рост - на два сантиметра и вес - на четыре килограмма триста пятьдесят граммов. А к ним еще меню-раскладку за неделю приложил. Ну и характеристику вам выдал самую блестящую. Так что можете быть уверены, что все ваши родственники, знакомые, все старухи ближайшего квартала, а также дворники и постовые милиционеры посвящены в мельчайшие тонкости вашей службы.

- Представляю, как она носится с этим письмом! И охота вам было, товарищ командир, всем этим заниматься?

- Надо, брат. Зато бабуся теперь спит спокойно.

- Вряд ли, она у меня суматошная, - нежно сказал Гущин. - Вот и до вас добралась, будто других дел у вас мало. Вы уж извините, товарищ командир.

- А я вот вам завидую, что у вас бабушка есть. Свою я и не помню. А с матерью только год и пожили...

И Матвей неожиданно для себя начал рассказывать о своем нелегком детстве, о детском доме. Когда он замолчал, Гущин осторожно поднялся, хотел уйти незаметно, но привычка к дисциплине, видимо, взяла свое, и он тихо спросил:

- Разрешите идти?

- Да, да, - рассеянно согласился Стрешнев, уже забывший о матросе и даже не заметил, как тот ушел. Потом, вспомнив о нем, подумал: "И зачем я все это ему рассказывал"?

Положив письмо в ящик стола, он растянулся на диване, намереваясь уснуть тотчас же. Но долго еще ворочался с боку на бок и, может быть, впервые заметил, что его командирское ложе довольно жесткое.

* * *

Утром, еще поднимаясь наверх по скоб-трапу, Стрешнев в рубочный люк увидел грязный кружок лохматой тучи и понял: погода портится. Выбравшись на мостик, озабоченно посмотрел на небо. Оно сплошь было затянуто тучами, ветер гнал их к полюсу, они проносились так низко, что казалось, вот-вот зацепятся за острые вершины торосов. Над полыньей посередине завивался в колечки не то туман, не то испарения, закраины же покрылись тонким и прозрачным, как стекло, льдом.

Вахтенный офицер доложил, что на льду сейчас находится шесть человек, заканчивают установку метеостанции, работы осталось еще часа на полтора-два. "Как бы не начался снегопад", - подумал Стрешнев и приказал боцману на всякий случай протянуть к месту установки станции капроновый трос.

Гречихин доложил, что осмотр приборов и механизмов закончен, можно начать их проворачивание, но механики не успели отдохнуть, потому что работали почти всю ночь.

- Всего полтора часа, как легли спать. Кроме, конечно, вахтенных.

- Хорошо, пусть поспят еще часа два, пока не закончим установку станции, - разрешил Стрешнев.

Штурман сообщил, что за ночь лодка вместе со льдами переместилась к полюсу почти на полторы мили и находится от него в восьмистах пятидесяти метрах. Глубина океана четыре тысячи тридцать метров.

- Если не погрузимся, то через девять часов пройдем от полюса всего метрах в семидесяти.

- Это, конечно, соблазнительно. Подготовьте группу для выхода прямо на полюс. Человек семь-восемь. Возьмете Кошелкина, одного океанолога и одного кинооператора. Остальных - на ваше усмотрение. Пока есть время, скажите боцманам, пусть соберут сани, чтобы не тащить приборы на себе.

- Тут и с санями намучаешься, кругом торосы. Нам бы такую тележку, как луноход.

- Одолжил бы у космонавтов, небось не отказали бы.

Боцмана вытащили на лед полозья, металлические рейки,

похожие на шпангоуты, и уже через час сани были собраны, загружены приборами и готовы к путешествию на полюс. Но воспользоваться ими не пришлось. Ветер усилился до шести баллов, началось торошение льдов и, как только закончили установку метеостанции, лодка снялась со швартовых, вышла на середину полыньи и погрузилась.

20

К базе подходили днем. Он выдался хмурым, ветреным, небо почти сплошь покрыто облаками, лишь кое-где виднелись бледно-голубые проталины, но и они быстро затягивались. Видимо, совсем недавно пронесся снежный заряд, на скалистом берегу видны белые заплаты снега, застрявшего в складках гор. Около орудийной башни намело большой сугроб, из него черным пальцем торчит один ствол. "Вот и кончилось лето", - с грустью подумал Матвей.

Лодка миновала поворотный буй и легла на входной створ. Прямо по носу открылась вся бухта. Раскинувшийся у подножья сопки поселок трудно было узнать. Берег был разворочен, тут и там натыканы ажурные башни кранов, зияли темные пасти котлованов с клыками экскаваторных ковшей, выбрасывающих грунт. По всему побережью ползли зеленые, как жуки, самосвалы. Нетронутым островком лежал лишь старый поселок с одноэтажными домишками. А слева к нему подступала новая улица двух - и трехэтажных домов. Параллельно ей, повторяя изгибы береговой черты, протянулась такая же улица в клетях строительных лесов.

- Смотрите-ка, целый город вырос, - с гордостью заметил рулевой-сигнальщик.

- Ну, город не город, а все же... - Вахтенный офицер лейтенант Куделя покосился на командира и вздохнул: - Может, и мне комнатенка найдется.

Он женился еще курсантом, его жена до сих пор живет в Ленинграде, ожидая, когда муж получит хоть какую-нибудь жилплощадь. Куделя считал несправедливым, что Иванову дали комнату раньше, чем ему. "Пожалуй, он прав, надо будет похлопотать, чтобы ему дали в первую очередь", - решил Матвей, но ничего обещать пока не мог.

- По местам стоять, на швартовы становиться! Куделя громко повторил эту команду, и внизу, внутри стального чрева лодки, глухо затрещали звонки, ревуны, упруго зазвенели под матросскими ногами перекладины скобтрапа. Выскакивающие наверх матросы швартовой команды тоже удивленно поглядывали на берег и тихо переговаривались.

- Смотри-ка, будто и не наша база-то.

- Целых две улицы отгрохали, пока мы ходили.

- Вон там, похоже, школа. Кому же в ней тут учиться?

- Строителей сколько понаехало, видел? Они тоже с семьями.

- Смотрите, на пирсе адмирал какой-то. Не подкачай, ребята, пошевеливайся.

Матвей тоже узнал среди встречавших штабных офицеров контр-адмирала Сливкина и удивился: "Его-то каким ветром занесло сюда? Впрочем, докладывать все равно надо будет ему, он старший по званию"...

И как только лодка ошвартовалась и подали сходню, Матвей сошел на причал и направился к стоящему среди офицеров Сливкину. Тот отделился от офицеров и пошел навстречу. Матвею невольно вспомнилось, как вот так же Сливкин встречал их после учений, когда пришлось подо льдом обходить противолодочный рубеж. Так же Сливкин шел навстречу Гурееву, у того, наверное, так же кружилась голова... Вот только оркестра сейчас не было. "Ну да, будни", - вспомнил Матвей и, остановившись, вскинул руку к виску. И опять Сливкин, выслушав рапорт, обнял его и расцеловал. Потом подходили другие офицеры. Дубровский успел шепнуть: "Сливкин назначен командиром соединения".

Стрешнев со Сливкиным спустились вниз и обошли все отсеки. Обходили неторопливо, Сливкин задерживался то в одном отсеке, то в другом, подолгу разговаривая с матросами. Матвей удивился умению адмирала быстро находить общий язык с людьми. Если на гуреевской лодке он почти каждого матроса знал в лицо, то здесь не знал никого, а разговаривал так легко и непринужденно, будто знаком был с ними давно.

Когда, закончив осмотр, сошли на причал, Сливкин сказал:

- Более подробно доложите о результатах похода завтра. У меня тут еще есть дела, да и вам надо отдохнуть.

Сливкин пошел в ракетный арсенал, а Матвей отправился в бокс переодеваться. Открыв шкафчик с обмундированием, он уловил запах духов.

Провожая его в плаванье, Люся слегка побрызгала ими на китель.

- Зачем? - спросил Матвей.

- Чтобы почаще вспоминал обо мне. Это очень стойкие духи. Французские, "Шанель". В Мурманске купила.

"Действительно стойкие", - подумал сейчас Матвей, торопливо надевая китель.

Выйдя за ворота гавани, он увидел на пригорке Люсю.

Пока он мылся, Люся успела начистить картошки, поставила ее вариться и даже накрутила на бигуди волосы. Заметив несколько седых волосинок, с грустью подумала: "А мне ведь

всего тридцать лет!" Решила их выдернуть. За этим занятием и застал ее Матвей, выйдя из ванной. Потрогав бигуди, сказал:

- И с таким роботом я живу вот уже девять лет, восемь месяцев и девятнадцать дней.

- Скажите, какая точность! - притворно удивилась Люся. И, взглянув в зеркало, рассмеялась: бигуди и в самом деле были похожи на спиральные антенны роботов.

Она поставила на стол дымящуюся картошку, Матвей с наслаждением понюхал:

- Пахнет-то как здорово! А у нас только сушеная была, она, по-моему, вообще без запаха. Вот бы еще укропчик.

- А ведь есть же у меня! Совсем забыла. - Люся бросилась в кухню, накрошила укропа и зеленого лука.

- Отдохнуть тебе надо, - сказала она, озабоченно разглядывая Матвея. Попроси путевку в санаторий.

- Нет, я уже решил: поедем с Иришкой на юг. Хорошо бы и тебе с нами. Не поспешила ли ты с работой?

- Может быть, и поспешила. Но теперь меня не отпустят, на стройке сейчас самая горячая пора.

- Жаль.

- Когда ты сможешь поехать?

- Наверное, дней через пять, самое позднее - через десять.

- А не задержат опять?

- Не думаю.

- Я маме напишу, чтобы Иришку потихоньку собирала в дорогу.

Хорошо, что она не успела написать в этот вечер. На следующий день контр-адмирал Сливкин, выслушав доклад Стрешнева, сказал ему:

- Неделю отдохните, а потом еще поход. На этот раз недалеко. А после этого - в отпуск. Я уже договорился с начальником строительного управления, он даст Людмиле Ивановне отпуск за свой счет. Так что поедете вместе. О путевках я позабочусь.

- Спасибо, товарищ адмирал. Но мы уже лучше "дикарями" поедем. Не люблю я эти санатории, да и с дочкой хочется побыть.

- Ну, как знаете.

- Спасибо, - еще раз поблагодарил Матвей. - А как было воспринято сообщение о нашей встрече с лодкой?

- Как и полагается, весьма серьезно. Есть предположение, что она отправилась в тот же район, который вы обследовали.

Уже у самой проходной Стрешнева окликнули:

- Матвей! Подожди, черт, никак не угонюсь за тобой. Стрешнев обернулся и удивленно посмотрел на догонявшего его

инженер-капитана первого ранга.

- Не узнаешь? Значит, богатым буду. - Голос знакомый, а вот чей?

И только когда из-под маленького, вшитого почти отвесно "нахимовского" козырька фуражки увидел темные, с зеленцой глаза в лукавом прищуре чуть припухших век, воскликнул:

- Андрей?

- Он самый, в натуральную величину.

С Андреем они еще лейтенантами начинали служить на дизельной лодке. Сейчас они долго тискали друг друга, обменивались тумаками.

- Вот это габариты! На каких это харчах отъелся?

- Все на тех же, флотских. А тебе, видать, не впрок...

Не удивительно, что Матвей не сразу узнал Андрея Бутова. Тот сильно располнел, даже брюшко обозначилось. Лицо стало круглым, над верхней губой появился косой багровый шрам. Только глаза и остались прежними.

- Вот ты, как мамонт, сохранился, - говорил Андрей. - Даже лысины не приобрел. А я уже ношу прическу тина "внутренний заем". - Андрей снял фуражку, и Матвей увидел, что его буроватые от седины волосы аккуратно зачесаны с затылка на темя и прикрывают довольно обширную пустошь.

- Ну, рассказывай, каким ветром тебя сюда занесло.

- Попутным, разумеется. Ночью пришлепали. Представляешь, кто меня встретил? Дубровский! Ну да ты же знаешь, ты тут уже давно. Устроил меня на ночлег в гостиницу, да еще такой "люкс" удружил! С пуфиком!

- И с перечнем инвентарного имущества. Тоже известно. Ты мне не об этом расскажи. С лодкой прибыл?

- Ну да.

- Уж не ты ли на ней механиком?

- Бери выше!

- Во флагманские выбился?

- Еще выше! Командиром. Пойдем, покажу тебе младшую "сестрицу" твоей лодки.

На лодке Андрея отвлекли срочные дела, он попросил Матвея подождать в каюте.

Сев в кресло, Матвей взял со стола газету. Но она оказалась трехдневной давности. Положив газету, Матвей пробежал взглядом по корешкам стоявших на полке книг. Уставы, наставления, "Правила предупреждения столкновений судов в море", шеститомное собрание сочинений Станюковича, англо-русский словарь, "Мореходная астрономия", двухтомник Хемингуэя, новое издание книги авиаконструктора Яковлева

"Цель жизни". Это издание Матвей еще не видел и потянулся было за ним, но в это время за метил на столе толстую общую тетрадь в коричневом ледериновом переплете. Он сразу узнал се, это была та самая тетрадь, в которую Семен Проняков заносил свои "произведения на босу ногу". Открыв ее наугад, Матвей наткнулся на знакомое стихотворение:

Пожелтели под окнами клены,
Опустело заметно в саду.
Но по-прежнему здесь влюбленные
На скамейках признаний ждут.

Матвей даже вспомнил, когда именно Семен впервые прочитал ему это стихотворение. Ну да, в парке, Семен тогда еще грозился жениться на первой же встречной девушке. "Интересно, на ком он все-таки женился и женился ли вообще? И где он, как оказалась эта тетрадь у Бутова?" Андрей, войдя в каюту и увидев в руках Матвея тетрадь, вздохнул и грустно сказал:

- Это все, что он оставил после себя.

- А где он сейчас?

- Нет его. Вот уже третий год, как он погиб. - Андрей сел на диванчик и опустил голову.

Матвей долго смотрел на него, еще не веря услышанному. Наконец, проглотив подступивший к горлу тугой ком, сдавленно спросил:

- Как это случилось?

Андрей ответил не сразу. Зачем-то взяв у Матвея тетрадь, тут же положил ее на стол, потом снова взял, раскрыл, опять закрыл и только после этого заговорил:

- Случилось это в Охотском море. Мы получили сообщение, что средний рыболовный траулер попал в центр тайфуна и терпит бедствие. Ну, естественно, полным ходом направились туда. Через шесть с половиной часов были на месте. Когда всплыли, эпицентр тайфуна уже переместился на северо-запад, но если бы ты видел, что творилось на море! Такой свистопляски я не встречал ни до, ни после этого ни разу. Высота волны доходила до пятнадцати метров. И среди этой кипящей коловерти мы едва нашли траулер, вернее то, что от него осталось. Представь: кормовая надстройка снесена начисто, нос разворочен, листы обшивки, как содранная кожа, болтаются. Хода траулер не имел, потому что машины сдвинулись с фундаментов и линия гребного вала была погнута. К тому же капитан траулера был тяжело ранен, а помощник совсем молодой, растерялся... Надо было срочно снимать людей, потому что траулер мог пойти ко дну в любой момент, удивительно было, как он раньше не утонул. Ну а как снять? Обе спасательные шлюпки у них унесло за борт,

остался только ялик, разве он удержится в этом чертоломе? И у нас спасательных средств, сам знаешь, кот наплакал... Подошли мы с наветренной стороны, подали линеметом капроновый бросательный линь, но его тут же, как бельевую веревку, обрезало. Надо было спускать бот. Не знаю уже каким чудом Семену с четырьмя гребцами удалось добраться до траулера. Сняли в первую очередь раненого капитана и еще шестерых матросов. А Семен остался на борту траулера... Мы держались всего в каких-нибудь ста метрах от траулера, а за три с половиной часа бот сумел сделать еще только два рейса. Когда на борту оставались Семен, помощник и радист, бот отправился в последний рейс. И... опоздал. Даже сквозь дикий рев океана до нас донесся страшный скрежет, и траулер камнем пошел ко дну... Мы потом еще двое суток крутились над тем местом, где он затонул.

Андрей умолк. Матвей подождал, не скажет ли он еще что-нибудь, и спросил:

- Он был женат?

- Нет. Мать осталась. Вскоре она умерла. Теперь вот только эта тетрадка и осталась...

Они еще посидели молча, думая о Семене, вспоминая их холостяцкую каюту...

- А Вадим все там же, на Балтике, - сказал Матвей. - Начальником штаба соединения стал. Но все такой же неугомонный.

- Это хорошо, что неугомонный.

* * *

Миновали поворотный буй и легли на последний створ. Матвей предупредил рулевого:

- Вот здесь держите чуть левее, а то снесет с фарватера. Тут сильное течение.

Не успели выйти из залива, как получили оповещение о том, что в сорока милях к северо-западу замечена неизвестная подводная лодка.

Осипенко предложил:

- Давайте-ка мы его обманем. Надо полагать, он знает, где наш полигон, и будет крутиться где-нибудь у северной кромки, за пределами территориальных вод. А мы пройдем в надводном положении миль пять-шесть по направлению к полигону, а после погружения повернем на ост-норд-ост.

Так и сделали. Правда, Матвею показалось, что слишком долго производили дифферентовку, он с тревогой прислушивался к докладам акустиков, работавших в режиме шумопеленгования. Но все обошлось, и, отойдя от места погружения на четыре мили

малым ходом, Стрешнев приказал дальше идти самым полным.

А за стеной биологической защиты, ворочая винты огромной субмарины, трудился крохотный, невидимый простым глазом атом, существовавший еще до появления во Вселенной планеты по имени Земля - такой огромной и такой маленькой, что с помощью этого атома ее можно уничтожить. Но можно и уберечь.

Словарик морских терминов, встречающихся в книге

Баталер - кладовщик на корабле.

Галс - путь, пройденный на одном курсе.

Гидролокатор - гидроакустическая станция для определения расстояния под водой.

Дифферент - наклон корабля в продольном направлении (с носа на корму).

Картушка - шкала компаса с делениями.

Кнехт - чугунная тумба для крепления швартовых.

Кранец - приспособление для прокладки между бортом корабля и причалом.

Кормовая каретка - место в корме катера для размещения пассажиров.

Курсовой угол - угол между диаметральной плоскостью корабля и направлением на предмет.

Лаг - прибор для определения скорости корабля.

Леер - трос ограждения.

Линь - тонкий и прочный пеньковый или капроновый трос.

Метрист - радиолокаторщик на корабле.

Невязка - расстояние между счислимым местом корабля и местом, определенным астрономическим или навигационным способом.

Обвес мостика - приспособление, ограждающее мостик от ветра.

Паковый лед - поле из огромных движущихся льдин.

Пеленг - направление на предмет.

Подволок - потолок в корабельном помещении.

Регенеративное устройство - приборы для восстановления в отсеке нормального состава воздуха.

Репитер - дублирующий прибор.

Рекомпрессионная камера - герметическая камера, способная выдерживать высокое давление.

Рубочный люк - вертикальный люк, ведущий из рубки внутрь подводной лодки.

Секстан - прибор для замера высоты небесных тел.

Скоб-трап - вертикальный трап из металлических скоб.

Счисление - способ определения места корабля по времени и пройденному расстоянию.

Транцевая доска - кормовая оконечность шлюпки
Шкафут - средняя часть верхней палубы.